«Мировая система социализма»
и
глобальная экономика

В. Л. НЕКРАСОВ

«ДИЛЕММА ХРУЩЕВА»:

РЕФОРМЫ ГОСПЛАНА СССР, НЕФТЕХИМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ВЫЗОВЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950–х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1960–х гг.)

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

В. Л. НЕКРАСОВ

«ДИЛЕММА ХРУЩЕВА»: РЕФОРМЫ ГОСПЛАНА СССР, НЕФТЕХИМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ВЫЗОВЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950–х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1960–х гг.)

Москва 2019

ББК 63.3 (2)
УДК 94 (47)
Н 48

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 17–18–01728 «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950–х – середине 1970–х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства.

Рецензенты:
Доктор Йероним Перович (Университет Цюриха)
К.и.н. Г.Е. Гиголаев (Институт всеобщей истории РАН)

Некрасов В.Л.
«Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). Серия «Мировая система социализма» и глобальная экономика.
М.: ИВИ РАН, 2019. 174 с. ISBN 978-5-94067-507-5

В монографии на основе обширного круга источников из российских архивов рассматривается проблема экономической и технологической модернизации СССР в период Н.С. Хрущева через призму внутренних и внешних вызовов советской системы. Особый акцент делается на анализ государственных институтов и бюрократической системы в СССР.

ISBN 978-5-94067-507-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев считал, что Советский Союз должен и мог выиграть экономическую гонку с ведущими капиталистическими странами, достичь глобального превосходства и в результате победить в Холодной войне. Во второй половине 1950–х – первой половине 1960–х гг. экономическая гонка (стремление «догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения»), стала квинтэссенцией политического лидерства и повестки экономических реформ Хрущева. Документы, обнаруженные в личном фонде Хрущева в Российском государственном архиве новейшей истории, содержат прямые указания, что советский лидер был сильно увлечен поиском институциональных и технологических решений главной задачи СССР – победы в экономической гонке с Соединенными Штатами Америки. В ноябре 1958 г. Хрущев, выступая на совещании в ЦК КПСС по подготовке доклада семилетнего плана на XXI съезд КПСС, с присущей ему энергией и энтузиазмом, желая увлечь этой идеей партийных работников и плановиков, отвечавших за подготовку доклада, утверждал, что «Сейчас вопрос кто кого победит в экономическом соревновании решается в мировом масштабе. И решается он в основном в период 1959–1965 гг. Можно сказать, что выполнение семилетнего плана решает также вопрос войны и мира. Экономический потенциал СССР, всех социалистических стран настолько вырастет, будет настолько высокой, что тогда империалистические страны будут лишены возможности искать решение идеологических и политических споров приемами войны. И это не потому, что они не хотели бы решить спор силой, а потому, что каждому будет ясен исход попытки империалистов начать войну против социалистического лагеря. Для империалистов даже самых твердолобых будет ясно»[1].

[1] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 52. Оп. 1 Д. 170. Л. 40, 41.

Выбрав экономику в качестве главного поля для соревнования между социализмом и капитализмом, отказавшись от сталинской экономической политики, Хрущев столкнулся с проблемой поиска для Советского Союза модели экономического развития, способной конкурировать с экономиками капиталистических стран. Это должна быть такая модель, которая и без рыночных механизмов была восприимчива к научно–техническим достижениям, обеспечивала высокую производительность труда, была способна сохранять структурную динамику, характеризовалась бы низкими социальными издержками и стала частью глобальной экономики. Эта проблема, первоначально возникшая в 1953–1956 гг., в контексте десталинизации и гуманизации социализма в последующие годы сформировала общую повестку экономического реформизма, заключающегося в поиске партийно–государственным руководством, бюрократией и учеными новых институциональных и технологических факторов развития советской экономики.

Но в случае Хрущева необходимо учитывать тот факт, что советский лидер должен был разрешить «дилемму»: как преодолеть бремя сталинского наследия и не разрушить веру советского общества в блестящее будущее коммунизма, как реформировать командную экономику, убедить бюрократию действовать желательным оптимальным образом, но не разрушить главных основ системы – директивного планирования, господства государственной собственности и партийного руководства экономикой. В своей работе этот набор противоречивых условий мы называем «дилемма Хрущева».

В современной историографии реформаторской деятельности Н.С. Хрущева утвердилось мнение, что между 1957 и серединой 1960–х гг. экономические реформы в СССР были в основным связаны с децентрализацией управления и передачей полномочий на региональный уровень. Однако изучение документов российских архивов позволяет нам по–новому сформулировать повестку хрущевского экономического реформизма.

Исторические примеры Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева, А.Н. Косыгина и М.С. Горбачева показывают, что от способности разрешить указанную дилемму зависели итоги реформаторских усилий и политическая судьба самого реформатора. Ди-

лемма Хрущева носила институциональный характер: авторитарный реформатор должен был обладать достаточной властью, чтобы, действуя стратегически, ограничить влияние групп интересов, перераспределять ресурсы, ликвидировать одни и сконструировать другие государственные органы и учреждения, да к тому же быть способным упрочить их положение в партийно-государственной системе и тем самым отстоять реформаторский курс.

Но авторитарному реформатору в условиях СССР необходимы были также накопленные конкретными людьми, партийно–государственным аппаратом и обществом в целом опыт управления и знания о реформируемой экономике. Во второй половине 1950–х гг. на различных уровнях командно–административной системы управления в СССР возникло понимание того, что для «изобретения» такой модели недостаточно идеологических методов и директивных механизмов. Становилось все очевиднее: лозунги приводили к нежелательным исходам, планы становились жертвами междуведомственных «рваческих войн», а высшие партийные органы, как и высшие органы государственной власти и государственного управления (ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Госплан СССР) были скорее местом согласования междуведомственных интересов и вряд ли были способны предложить новую модель развития советской экономики.

Изучение архивных документов, в том числе документов ЦК КПСС и Госплана СССР, ставших доступными исследователям во второй половине 2000–х – 2010–е гг., позволяет нам выдвинуть гипотезу: ключевым вопросом для Хрущева как авторитарного реформатора на протяжении 1955–1964 гг. стала необходимость «сконструировать» новые органы и учреждения, способные разработать предложения по реформированию управлением советской экономикой.

До недавнего времени это направление реформаторской деятельности Хрущева оставалось практически неисследованным. За исключением нескольких публикаций[2], современная

[2] *Некрасов В.Л.* Реформа Госплана СССР 1955 г.: Разработка новой модели планирования экономики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 99–103; *Узбекова Ю.И.* Деятельность

историография традиционно фокусирует внимание на политическом лидерстве Хрущева и критике его инициатив по децентрализации управления экономикой[3].

Такая постановка проблемы определила круг вопросов, которые анализируются в настоящей работе. Это, во–первых, – деятельность Хрущева как авторитарного реформатора и «хаотичность» его реформ. Во–вторых – работоспособность «унаследованных» им органов власти и управления. В–третьих, – конструирование и упрочение самим авторитарным реформатором положения созданного им органа на примере Государственного научно–экономического совета (Госэкономсовета) Совета Министров СССР в 1959–1962 гг. В–четвертых, привлечение академического сообщества к реформированию.

В историографии экономический реформизм второй половины 1950–х – первой половины 1960–х гг. традиционно признается актуальной и престижной темой в исследовании политической власти, экономики и внешней политики СССР. В 2000–е – 2010–е гг. исследователи продолжали разрабатывать как, уже ставшие традиционными темы командной экономики, «административных» реформ Хрущева и экономической реформы Косыгина[4], так и новые и специальные проблемы, такие как,

---

Совета по науке при Совете Министров СССР (1963–1964) в контексте региональной научной политики СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 13–16.

[3] *Taubman W.* The Khrushchev period, 1953–1964 // The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century. Cambridge, 2006. P. 279, 280; *Хлевнюк О.В.* Роковая реформа Н.С. Хрущева: Разделение партийного аппарата и его последствия: 1962–1964 годы // Российская история. 2012. № 4. С. 164а–179.

[4] *Бокарев Ю.П.* Указ. соч.; *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2008; Косыгин: К 112-летию со дня рождения. Каталог историко-документальной выставки / вступ. ст. А.Н. Артизова, О.В. Хлевнюка. М., 2016; Косыгинские реформы – невыученный урок истории // Вопросы экономики. 2009. № 8; Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 4. М., 2016; Экономика России. Оксфордский сборник. Книга I. М., 2015; *Хлевнюк О.В.* Роковая реформа Н. С. Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962–1964 годы // Российская история. 2012. № 4; *Шеста-*

деятельность Президиума ЦК КПСС и Госплана СССР[5], повседневность реформ[6], реформы Академии наук СССР и научно-технической политики[7], реформы и развитие экономической науки, социологии и кибернетики[8], глобализация и интеграци-

ков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006; *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001; *Miller Ch.* The Struggle to Save the Soviet Economy. Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR. Chapel Hill, 2017; The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century. Ed. by R.G. Suny. Cambridge, 2006; *Zubok V.* A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev (The New Cold War History). Cambridge, 2007.

[5] *Сушков А.В.* Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009; *Некрасов В.Л.* Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955–1964 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4; *Некрасов В.Л.* Нефтехимический проект Н.С. Хрущева (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): стратегия модернизации советской экономики, экспорт нефти и распределение ресурсной ренты // История: научно-образовательный журнал, 2015. Т. 6. Выпуск 11 (44) [Электронный ресурс].

[6] *Варга-Харрис К.* Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во время «оттепели» // Новейшая история России. 2011. № 1; *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950–1960-е годы. СПб., 2015; *Рейли Д.* Советские бэби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М., 2015; *Smith K.E.* Moscow 1956. The silenced spring. Cambridge; Massachussets, 2017; *Zubok V.* Zhivago's Children. The Last Russian Intelligentsia. Cambridge, 2011.

[7] *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006; *Бикбов А.* Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014; *Узбекова Ю.И.* Деятельность Совета по науке при Совете Министров СССР (1963–1964) в контексте региональной научной политики СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2.

[8] *Автономов В.* Экономическая теория в ИМЭМО: советский период // Вопросы экономики. 2016. № 11; *Кутейников А.В.* Советский опыт внедрения информационных технологий в экономику страны. На примере истории проекта Общегосударственной автоматизированной си-

онные процессы в социалистическом лагере, внешнеэкономическая, индустриальная и социальная политики[9] в контексте экономических реформ в СССР второй половины 1950-х – первой половины 1970-х гг. Однако общими чертами как российской, так и зарубежной историографии является акцент на ЦК КПСС как «монопольном игроке на поле экономического реформизма». При этом для данной традиции характерен «методологический индивидуализм»[10], когда успехи и провалы реформ объясняются исключительно деятельностью политических лидеров, например, «дешевый популизм» Маленкова, «волюнтаризм» Хрущева, «прагматизм» Косыгина, анализ преимущественно «фасада» реформ, а также фокусирование на частных случаях (например,

---

стемы управления народным хозяйством СССР (ОГАС) в 1960–1980–х годах // Экономическая политика. 2012. № 4; *Ольсевич Ю.Я.* Может ли государство создать хозяйство, которым не в состоянии управлять? // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. 4 / Отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. М., 2004; *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Очерк истории. М., 2016; *Филиппов А.* Советская социология как полицейская наука // Науки о человеке: история дисциплины / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев и И.М. Савельева. М., 2015; *Benjamin P.* How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Mass., 2016; *Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, Mass., 2002; *Kirtchik O. I., Boldyrev I.* General Equilibrium Theory Behind the Iron Curtain: The Case of Victor Polterovich // History of Political Economy. 2014. Vol. 46. №. 3.

[9] *Дегтев С.И.* Внешнеэкономические аспекты хозяйственной реформы 1965 г. (на примере нефтяной промышленности СССР) // Нефть страны Советов. М., 2005; *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благоденствия». Социальная политика в СССР (середина 50-х – начало 70-х годов). М., 2011; *Липкин М.А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016; Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas / Editor J. Perovic. L., 2017; *Sanchez-Sibony O.* Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrustchev. Cambridge, 2014.

[10] Методологический индивидуализм «предполагает объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения». См.: *Кирдина С.Г.* К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М., 2013. С. 7–12.

идеях экономиста Е.Г. Либермана или СОФЭ), чем на институтах, экспертных сетях, группах интересов и практиках.

Тема общественного движения в поддержку реформ в СССР осталась практически не исследована, особенно методологические и исторические проблемы формирования экспертных сетей, групп влияния и их коллективных действий по продвижению экономических предложений в ЦК КПСС и Госплане СССР во второй половине 1950-х – первой половине 1970-х гг. Между тем, доступные на текущий момент комплексы документов в российских и зарубежных архивах позволяют более системно исследовать эволюцию советского экономического реформизма, в том числе в контексте глобальной повестки развития советской экономики во второй половине 1950–х – первой половине 1970-х гг.[11] В историографии стратегии советских реформаторов изучаются в логике борьбы за власть между политическими лидерами, поэтому историки уделяют большое внимание отрицанию и противопоставлению стратегий, чем преемственности и эволюции советского экономического реформизма второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг.[12]. Однако игнорирование или принижение эволюции в практике советского экономического реформизма не позволяет объективно и точно (насколько это возможно в историческом исследовании) объяснить неудачи экономических реформ в социалистических странах.

Данное исследование основывается на широком круге документов, обнаруженных в фондах российских архивов, охватывающих ключевые уровни институциональной иерархии власти, вовлеченных в принятие экономических решений во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., многие из которых

[11] Эта особенность характерна не только для изучения реформ в СССР, но и в социалистических странах Восточной Европы. См.: *Тума О.* Эра Дубчека // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, документы. М., 2010. С. 8–10.

[12] См.: *Ольсевич Ю., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. В историографии принято игнорировать «генетическую» связь между реформами Хрущева и реформой Косыгина.

были рассекречены в 2000-е гг. и вводятся в научный оборот впервые. Это позволяет охватить ключевые уровни принятия решений – ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Госплан СССР, отраслевые ведомства, научные и экспертные организации, а также военно-политические и экономические организации. И это отличает работу от многих исследований, посвященных эпохе Хрущева, которые основываются только на западных архивах или избранных российских фондах. Документы, охватывающие уровень политических решений, решений советских лидеров, представлены материалами личных фондов Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, фонда Президиума (Политбюро) ЦК КПСС и фондов ЦК КПСС (отделы, Бюро), находящихся в Российском государственном архиве новейшей истории. Документы, раскрывающие механизм экономических решений, включают фонд Совета Министров СССР в Государственном архиве РФ, фонды плановых органов власти Госплана СССР, Госэкономсовета СССР, Совета народного хозяйства СССР и фонд СЭВ в Российском государственном архиве экономики. Экспертный уровень принятия решений, включает фонд Совета Министров СССР (документы Совета по науке) в Государственном архиве РФ, фонды Государственного комитета по науке и технике СССР, материалы Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, документы Научно-исследовательского экономического института Госплана СССР в Российском государственном архиве экономики и личный фонд академика А.А. Арзуманяна и институтов АН СССР (ЦЭМИ, Института экономики, ИМЭМО), хранящихся в Архиве РАН. Оценка позиций международных военно-политических организаций и влияния экономических санкций НАТО на советский нефтегазовый комплекс основывается на материалах Исторического архива ЕС (Флоренция) и Архива НАТО (Брюссель).

Глава 1

«Дилемма Хрущева»: институты, технологии и холодная война

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. советское политическое руководство формирует новую стратегию модернизации советской экономики. Ключевыми идеями стратегии стали реформирование институтов экономической власти, изменение приоритетов индустриальной политики, импорт зарубежных технологий для передовых отраслей промышленности. Н.С. Хрущев, консолидировавший в течение 1953–1958 гг. политическую и экономическую власть в стране, определил цель новой стратегии – достижение Советским Союзом экономического лидерства в условиях мирного сосуществования и соревнования с капиталистическими странами[1].

Новая стратегия модернизации советской экономики предполагала решение институциональной дилеммы: как сохранить приоритетность развития тяжелой промышленности и повысить благосостояние населения, решить структурные проблемы экономики и создать стимулы для бюрократии, догнать передовые капиталистические страны и обеспечить переход советского общества к коммунизму? Данную проблему мы обозначим как «дилемма Хрущева».

«Дилемма Хрущева» является частью общей политико–экономической проблемы: любой авторитарный правитель (диктатор или коллективный орган, вроде Политбюро) должен выбирать экономическую политику, которая позволит повысить благосостояние населения страны, обеспечит его собственное благополучие и позволит достигнуть определенных стратегических целей.

Мы располагаем архивными документами и мемуарными свидетельствами, позволяющими проанализировать предпочте-

---

[1] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 40, 41.

ния Н.С. Хрущева при разработке и реализации экономической политики. Очевидно, что советский лидер был склонен к экономическим экспериментам и поиску эффективных институтов экономической власти[2]. Мы не можем согласиться, что Хрущев не чувствовал грань, за которой наступала потеря управляемости системы[3]. Скорее реформатор стремился найти пределы централизации и децентрализации управления советской экономикой, «реконструировать» традиционные и «вырастить» новые институты экономической власти, в том числе «несистемные», но способные решать конкретные практические задачи развития[4].

Активное институциональное строительство у Н.С. Хрущева было тесно связано с достаточно жесткими представлениями о направлениях развития советской экономики. Советский лидер проявлял напористость в продвижении новых направлений, но для этого либо разрушал, если был способен (министерства) либо двигался в обход бюрократических иерархий (Госплан СССР)[5]. При этом Хрущев как публичный политик имел собственные представления о том, что может повысить его престиж и авторитет в государстве[6]. Концентрация им политической и экономической власти позволяла контролировать сферу распределения ресурсов (капитальных вложений и ренты) и распределять их в соответствии со своими предпочтениями, отбирая ресурсы у одних и отдавая другим.

Такой взгляд на экономические решения советского лидера подтверждается историческими документами. Частными случа-

---

[2] РГАНИ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 589. Л. 3, 4; Ф. 52 Оп. 1. Д. 283 Л. 94, 95; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: В 2 томах. Т. 2. М., 2009. С. 327–339; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 789.

[3] *Артемов Е.Т.* Указ. соч. С. 170, 171.

[4] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 356. Л. 119–123; *Ольсевич Ю., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования в СССР. М., 2000. С. 37.

[5] См.: *Новиков В.Н.* В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 104.

[6] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 34, 38. См. также: *Зубков С.А.* «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н.С. Хрущева в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. 2007. № 1.

ями такой дилеммы является проблема выбора между тепловыми станциями и гидроэлектростанциями, а также металлургией и химической промышленностью. Хотя гидростанции были экономически эффективнее тепловых электростанций, ЦК КПСС в 1957–1959 гг. принимает решение о преимущественном развитии тепловой электроэнергетики и консервировании гидростроительства, поскольку в ЦК КПСС считали, что это позволяло выиграть время в соревновании с капиталистическими странами[7]. В 1958–1959 гг. Н.С. Хрущев неоднократно комментировал данное решение на совещаниях по капитальному строительству[8].

В 1956–1964 гг. возникает проблема стратегического выбора между металлургией и химической промышленностью. Лейтмотивом многих выступлений Н.С. Хрущева выступала идея, что развитие производства химических материалов позволит заменить дорогостоящие металлы и натуральное сельскохозяйственное сырье синтетическими продуктами и обеспечит ускорение технического прогресса во всех отраслях экономики, позволит решить структурные проблемы советской экономики – сократить дефицит металлов, огромные потери попутного нефтяного газа и улучшить топливный баланс экономики[9].

В течение 1956–1964 гг. эта идея эволюционировала от решений о структурном замещении черных и цветных металлов полимерными «незаменимыми» материалами (1956–1962 гг.) до определения химической индустрии «локомотивом» научно-технического прогресса, источником государства «коммунистического благоденствия» и коммунистической идеологии в СССР (1963–1964 гг.)[10].

---

[7] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7964. Оп. 11. Д. 1990. Л. 170–176; Ф. 4372. Оп. 76. Д. 212. Л. 11–36; РГАНИ. Ф. 5 Оп. 30. Д. 215. Л. 78–83.

[8] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 312. Л. 16, 17; Д. 396. Л. 62–66, 69–71.

[9] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 49, 56, 63, 68, 74, 77, 78, 79; XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956 г.: Стеногр. отчет. В 2 т. Т. 1. М., 1956. С. 48, 49.

[10] В декабре 1963 г. на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев предложил новую формулу коммунизма «Коммунизм – есть советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства». – РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 23; Президиум ЦК КПСС.

В этой связи возникает закономерный вопрос, являлся ли стратегический выбор Н.С. Хрущева «волюнтаристским» или продиктованным чисто идеологическими мотивами, или же он носил объективный характер, связанный с реалистическим пониманием проблем советской экономики?

Возникновение и развитие нефтехимического проекта совпадает с одной из высших точек реформаторской активности Н.С. Хрущева (вторая половина 1956–1957 гг.). Советский лидер стремился найти эффективные институты и практики управления советской экономикой, причем его поиски основывались на вере в способность науки и технологий ускорить коммунистическое строительство в СССР.

По воспоминаниям его сына – С.Н. Хрущева, которые дополняются более субъективными сведениями академика Н.П. Федоренко, отправной точкой возникновения нефтехимического проекта стали коллективные действия группы ученых и плановиков в первой половине 1957 г., которые убедили высшее политическое руководство в приоритетности химической промышленности (в противовес металлургии) и подготовили для Президиума ЦК КПСС обоснованные предложения по развитию индустрии. Ключевую роль в этом событии сыграли академики Н.Н. Семенов, В.А. Каргин и начальник отдела угольной промышленности Госплана СССР А.Ф. Засядько[11].

Коллективные действия ученых-химиков и плановиков по изменению индустриальной политики в полной мере согласуются с политической атмосферой, созданной XX съездом КПСС и начавшимися реформами управления экономикой, когда «раз-

---

1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 398. См. также: Доклад о развитии химической промышленности на 1959–1965 гг., подготовленный Комиссией по разработке проблем перспективного плана развития химической промышленности, 5 сентября 1958 г. – РГАЭ. 4372. Оп. 77. Д. 408. Л. 9–34.

[11] Академики Н.Н. Семенов и В.А. Каргин занимались разработкой научной концепции нефтехимического проекта, А.Ф. Засядько – организационными вопросами и подготовкой конкретных плановых предложений. См.: *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 538–542; *Федоренко Н.П.* Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М., 1999. С. 124–133.

мывание, трансформация контроля в более мягкие формы с середины 50-х годов в СССР приводит – и не может не привести – к появлению множества все более неподконтрольных, непредсказуемых событий»[12]. Инициатива академиков Н.Н. Семенова и В.А. Каргина является примером прямого действия группы ученых на политического лидера[13].

В историографии отмечается имитационный, идеологизированный характер решений высшего политического руководства по развитию химической промышленности[14]. Однако новые архивные документы подтверждают значительную вовлеченность Н.С. Хрущева в разработку организационного и экономического механизма реализации нефтехимического проекта.

По свидетельству Сергея Никитича Хрущева, академик Н.Н. Семенов считал, что «госплановская бюрократия не только слабо представляет, что делается в мире, но и эгоистично следуя своим, ведомственно-отраслевым интересам, дезориентирует руководство страны». В разговоре с Н.С. Хрущевым ученый делал акцент на том, что без развития химической промышленности невозможно экономическое соревнование с капиталистическими странами, а химические материалы расширяют возможности для модернизации экономики и повышения уровня благосостояния населения[15]. Безусловно, эти аргументы для Н.С. Хрущева как политического лидера, утверждавшего собственное видение общественного и экономического развития страны, были принципиальны. Но, очевидно, записка, подготовленная Н.Н. Семеновым и А.Ф. Засядько, требовала от Н.С. Хрущева волевых решений, так как предполагала не только

---

[12] *Филиппов А.* Советская социология как полицейская наука // Науки о человеке: история дисциплин: коллективная монография / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М., 2015. С. 339.

[13] См.: *Грэхэм Л.Р.* Очерки истории российской и советской науки. М.,1998. С. 191, 192; *Безбородов А.Б.* Власть и научно–техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х годов. М., 1997. С. 50, 51; *Артемов Е.Т.* Указ. соч. С. 224–233.

[14] *Артемов Е.Т.* Там же. С. 168, 169; *Безбородов А.Б.* Указ. соч. С. 41.

[15] *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 538, 539.

разовое перераспределение ресурсов, а «необратимые» изменения в приоритетах экономической политики.

Нефтехимический проект позволял Н.С. Хрущеву разрешить «марксистское противоречие» – сохранить ведущую роль тяжелой промышленности и решить проблемы социальной ориентации советской экономики[16].

На фоне низкой эффективности институтов экономической власти, «антимарксистской» ошибки Г.М. Маленкова, «безграмотного» планирования и «рвачества» в распределении капитальных вложений во второй половине 1956 – первой половине 1957 гг.,[17] с точки зрения Н.С. Хрущева, инициатива ученых, их совместная работа с плановиками по разработке программных документов развития прогрессивной отрасли воплощали практику научного конкретного планирования советской экономики. На заседании Президиума ЦК КПСС 10 октября 1957 г., посвященного вопросу разработке семилетнего плана и развитию химической промышленности, было прямо заявлено, что «В Госплане безграмотно подходили к планированию»[18]. В 1958–1964 гг. разработка механизма интеграции научного знания и практики планирования выступала для Н.С. Хрущева одной из ключевой проблем в реформировании институтов экономикой власти (Госплана СССР, Госэкономсовета СССР и Госкомитета по науки и техники СССР). В 1963–1964 гг., Совет по науке при Совете Министров СССР разработаны в рамках новой линии на внедрение научных достижений было создано Бюро и Фонд по поддержке прикладных исследований в области химии[19].

В 1955–1958 гг. лейтмотивом многих выступлений Н.С. Хрущева стала идея замены традиционных видов топлива, ресурсов, материалов и сельскохозяйственного сырья новыми,

[16] РГАНИ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 301. Л. 68; Д. 312. Л. 6, 48; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 2 М., 2006. С. 40; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 628.

[17] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 65, 66; Д. 198. Л. 43, 44, 99, 100; РГАНИ. Ф. 5 Оп. 30. Д. 196. Л. 97; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 317, 318, 368.

[18] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 267.

[19] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 679, 680, 788–790.

более прогрессивными[20]. Структурный кризис в народном хозяйстве в конце 1956 – начале 1957 гг. связанный с дефицитом традиционных ресурсов советской экономики (черных и цветных металлов, угля), потребовал пересмотреть приоритеты и усилить внимание к их заменителям – нефтегазовым ресурсам и химическим материалам[21]. Однако в конце 1950-х гг. советская экономика испытывала реальный дефицит химический материалов, а достигнутый к 1957 г. уровень их производства обеспечивал потребности народного хозяйства по отдельным видам не более, чем на 70–80%, а по новым видам пластмасс – на 18–25%[22]. По оценке Комиссии по разработке проблем перспективного плана развития химической промышленности, Советский Союз значительно отставал по производству различных видов полимерных материалов от уровня их производства в развитых в технико-экономическом отношении капиталистических странах. Так, например, выработка пластических масс на душу населения составила в 1957 году в СССР только 1 кг, в то время как в ФРГ – 11,9 кг, в США – 11,7 кг, в Англии – 7,7 кг, химических волокон всех видов выработано на душу населения в 1957 году в СССР 0,73 кг, а в ФРГ и Японии по 5 кг, в США – 4,7 кг, в Англии – 4,4 кг, во Франции – 3,1 кг.[23]

И очевидно, что ни Госплан СССР, в котором, были сильны металлурги, ни конфликтующие между собой Министерство химической промышленности СССР и Министерство нефтяной промышленности СССР не были способны ликвидировать дефицит полимерных материалов в экономике и отставание СССР от капиталистических индустриально развитых стран[24]. В дан-

---

[20] *Фурсенко А.А.* Н.С. Хрущев: путь к власти // Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006. С. 69, 70.

[21] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 214; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 139. Л. 75–81; Ф. 9573. Оп. 1. Д. 956. Л. 100, 101.

[22] Доклад о развитии химической промышленности на 1959–1965 гг., подготовленный Комиссией по разработке проблем перспективного плана развития химической промышленности, 5 сентября 1958 г. – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 408. Л. 31–33.

[23] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 408. Л. 33.

[24] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 55–57.

ном случае было необходимо сконструировать специальный механизм развития и отдельную отраслевую программу. При Н.С. Хрущеве был реализован ряд отраслевых программ – «целинный проект», электрификация железнодорожного транспорта, развитие атомной энергетики, строительство крупного научного центра в Сибири и др. Поэтому нефтехимический проект можно рассматривать как развитие такой практики управления народным хозяйством.

В середине 1957 г. Н.С. Хрущев, консолидировавший политическую власть и став абсолютным лидером, предлагает отказаться от реализации шестого пятилетнего плана развития (1956–1960 гг.) и перейти к семилетнему планированию народного хозяйства. По свидетельству С.Н. Хрущева, переход к семилетнему планированию был напрямую связан с намерением советского руководства интенсифицировать развитие самых прогрессивных отраслей экономики[25]. 10 октября 1957 г. Президиум ЦК КПСС принимает постановление «Об основных направлениях в разработке и составлении пяти-семилетнего плана развития народного хозяйства СССР». В постановлении отмечалось, что необходимо «особый упор сделать на резкий подъем и развитие химической промышленности… <…> упор на решительное увеличение добычи нефти и использовании газа в народном хозяйстве»[26].

По итогам заседания Президиума ЦК КПСС была создана комиссия ЦК КПСС «для всестороннего изучения и подготовки конкретных предложений для обсуждения на Пленуме ЦК»[27]. В марте 1958 г. Н.С. Хрущев, став председателем Совета Министров СССР, сразу поставил вопрос о программе ускоренного развития химической промышленности[28]. С 1958 г. советский лидер рассматривал химическую индустрию как свою личную программу развития всего народного хозяйства и экономиче-

---

[25] *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 537–544.

[26] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 267; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 2. М., 2006. С. 695.

[27] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 268; *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 543.

[28] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 301. Л. 67, 68, 70; Д. 305. Л. 1.

ских реформ. Нефтегазовые ресурсы рассматривались как неисчерпаемый ресурс для реализации масштабной программы развития химической индустрии[29].

В начале 1958 г. была создана Комиссия по разработке проблем перспективного плана развития химической промышленности. Руководство комиссией осуществляли плановики–химики – начальник отдела химической промышленности Госплана СССР А.Я. Рябенко и заместитель председателя Госкомитета Совета Министров СССР по химии Н.С. Тихомиров. Комиссия осуществляла координацию работы 15 групп, подготовивших проекты планов развития по отдельным отраслям химической промышленности. В начале сентября 1958 г. комиссия представила «Доклад о развитии химической промышленности на 1959–1965 гг.»[30]. Этот доклад выступил концептуальной основой решений XXI съезда КПСС о развитии химической промышленности, а также развития ее сырьевой базы – нефтегазовой промышленности.

Изучение повестки Пленумов ЦК КПСС позволяет утверждать, что химической промышленности Н.С. Хрущев уделял гораздо большее значение, чем принято считать в историографии[31]. В 1958–1964 гг. было проведено два специальных, «химических» Пленума ЦК КПСС (май 1958 г. и декабрь 1963 г.) и пять Пленумов ЦК КПСС, на которых химической промышленности уделялось значительное внимание (март 1958 г., июнь 1959 г., июль 1960 г., ноябрь 1962 г., февраль 1964 г.), а также, организованные в 1963–1964 гг. Секретариатом ЦК КПСС

[29] РГАНИ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 312. Л. 74–77.

[30] В работе 15 групп приняло участие свыше 250 человек – работников Госплана СССР, Государственного комитета Совета Министров СССР по химии, Государственного научно–технического комитета Совета Министров СССР, институтов АН СССР, отраслевых научно–исследовательских и проектных институтов химической промышленности и других организаций. – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 408. Л. 1–3.

[31] *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 266; История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов. М., 2013. С. 309; *Артизов А., Сорокин А.* Его звали Никита // Историк. 2016. Февраль. № 14.

крупные совещания руководящих работников Высшего совета народного хозяйства СССР, Госплана СССР, государственных комитетов, совнархозов и ученых из академических и отраслевых научно–исследовательских институтов по вопросам перспективного планирования и химической промышленности[32]. В течение 1958–1964 гг. развитие производства полимерных материалов выступало главной линией в экономической политике, и происходило сближение и усиление взаимосвязи между нефтехимическим проектом и другими приоритетными для Н.С. Хрущева направлениями развития экономики, – сельским хозяйством, жилищным строительством, легкой промышленностью[33].

Таким образом, нефтехимический проект Н.С. Хрущева представлял комплекс мер по использованию углеводородных ресурсов и химических материалов для модернизации экономики, повышения благосостояния населения и достижения коммунистических идеалов. Советский лидер представлял химическую и нефтегазовую индустрии как свою личную программу технологической и институциональной модернизации советской экономики. Н.С. Хрущев рассматривал углеводородное сырье как неисчерпаемый ресурс для развития химической индустрии и в решении «главной экономической задачи <...> – в кратчайшие сроки догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения»[34]. Иными словами, Н.С. Хрущев рассматривал химические технологии и материалы в качестве «бесплатного завтрака», дающего резкий прирост благосостояния при относительно незначительных затратах[35].

Нефтехимический проект представлял комплекс мер по использованию нефтегазовых ресурсов для производства химических материалов в целях модернизации экономики, повышения благосостояния населения и увеличения высокотехнологическо-

[32] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 4–33; Д. 257. Л. 1–133; Д. 338. Л. 11–44, 80–100; Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 246.
[33] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 33.
[34] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 28, 74–77.
[35] См.: *Спаффорд Ф.* Страна изобилия. М., 2012.

го экспорта на рынки развитых и развивающихся стран. В развитии стратегии «нефтехимический проект» можно выделить пять этапов. Первый этап – июль 1955 – октябрь 1957 г. – принятие в июле 1955 г. на Пленуме ЦК КПСС решений о создании производства искусственных и синтетических волокон, определение на XX съезде КПСС новых приоритетов развития нефтегазовой промышленности и формирование в ЦК КПСС консенсуса вокруг химической промышленности как основного направления развития народного хозяйства[36].

Второй этап – май 1958 – ноябрь 1962 гг. – это принятие в мае 1958 г. на Пленуме ЦК КПСС программы развития химической промышленности, ее реализация и кризис во второй половине 1961 – первой половине 1962 гг. Программа развития химической промышленности, принятая на Пленуме ЦК КПСС в мае 1958 г. предусматривала в 1959–1965 гг. строительство 140 и реконструкцию 130 предприятий. Общий объем капитальных вложений в строительство предприятий химической промышленности, химического машиностроения и научно-исследовательские работы составляли 100–105 млрд рублей против 18,4 млрд рублей в 1952–1958 гг.[37]

Третий этап – декабрь 1962 – октябрь 1964 гг. – «реконструкция» Н.С. Хрущевым нефтехимического проекта, принятие в декабре 1963 г. на Пленуме ЦК КПСС новой программы развития химической промышленности на 1964–1970 гг. Капитальные вложения в строительство предприятий химической промышленности, химического машиностроения и научные исследования в 1964–1970 гг. должны были составить 42 млрд рублей (по новым ценам)[38].

Четвертый этап – декабрь 1964 – апрель 1973 гг. – демонтаж нефтехимического проекта, снижение внимания политиче-

[36] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1 М., 2015. С. 77, 78, 230, 283.
[37] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 89, 100, 101; *Федоренко Н.П.* Экономика промышленности синтетических материалов. М., 1961. С. 8.
[38] Более подробно: *Nekrasov V.L.* The Soviet Union Engages the World: Decision-Making in the Soviet Energy Sector under Khrushchev // Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas / Editor J. Perovic. L., 2017.

ского руководства и плановиков к развитию химической индустрии как приоритетного и престижного направления экономической политики[39].

Пятый этап – апрель 1973 – апрель 1974 гг. – проектирование строительства крупных нефтехимических комбинатов в Западной Сибири и инициирование разработки программы развития производства пластмасс до 1990 г.[40]

Таким образом, траектория нефтехимического проекта развивалась от разработки технических проблем использования химических материалов для военных технологий к разработке более широкой научно-технологической программы, ориентированной на гражданский сектор советской экономики, попытке сконструировать на основе химии новый идеологический канон и к «сжатию» повестки развития химической индустрии до узких технологических аспектов.

1.1. Экономическая гонка холодной войны и экономический реформизм Н.С. Хрущева (1955–1964)

Экономический реформизм в СССР – это государственная политика и общественное движение, связанные с поиском новых механизмов развития советской экономики в середине 1950-х – середине 1970-х гг. Институциональными основами советского экономического реформизма выступали бюрократические иерархии, научные организации и сети ученых. Изучение советского реформизма проясняет роль идей, убеждений, бюрократических и академических организаций, экспертных сетей и практик в двадцатилетнем поиске советскими лидерами, говоря шире – партийной номенклатурой, в целом советским обществом эффективной модели развития социалистической экономики. Комплексы документов, выявленные нами в Архиве РАН, ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ, РГАЭ показывают, что в течение этих двадцати лет реформаторский дискурс становится важным элементом советской повседневности, – политической риторики, соперничавших лидеров (Маленкова, Молотова, Хрущева,

[39] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 9, 14.
[40] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 10–14, 73–77.

Косыгина, Брежнева), институционального строительства, разработки экономических решений, диалога политических лидеров с партийной номенклатурой, группами интересов и обществом[41].

Однако почему эти реформы не повысили эффективность советской экономики в долгосрочной перспективе, не позволили СССР стать привлекательной моделью для социалистических стран, не обеспечили ему экономического и технологического лидерства? Классическая гипотеза, возникшая в ходе дискуссий 1920–1940-х гг. о жизнеспособности административно-командной экономики, утверждает, что социалистическая экономика не поддавалась реформированию. Однако более перспективной является гипотеза, что советские лидеры оказались не способны разработать эффективные стратегии реформирования советской экономики, была нарушена эволюция экономического реформизма в СССР. Фактически, все социалистические реформаторы должны были разрешить общую дилемму как совместить экономические и административные механизмы развития народного хозяйства, повысить ее эффективность, но не разрушить основные опоры системы – планирование, государственную собственность и партийное руководство экономикой. Мы будем называть эту модель «дилеммой реформатора». Успешное решение дилеммы зависело от двух факторов, – политической власти реформатора (концентрация власти позволяет продвигать реформы, создавать коалиции, распределять ресурсы в соответствии со своими предпочтениями, конструировать институты и противостоять группам влияния) и накопленного «людьми, организациями и обществом в целом» опыта и знаний[42] о реформируемой экономике (определяет возможный набор эффектив-

[41] См. например: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. М., 2006. С. 40, 522, 523, 613–619; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 348, 458, 520, 521; Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 246, 247; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 51.

[42] См.: *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционный подход в экономической науке // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 67.

ных методов реформирования). Исторические примеры Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева, А.Н. Косыгина и М.С. Горбачева показывают, что от способности разрешить эту дилемму зависела политическая судьба реформатора. В свете «дилеммы реформатора» политическое поражение председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленков было предопределено как отсутствием в 1953–1954 гг. вокруг него сильной коалиции, способной реализовать его инициативы, так и знаний и опыта реформирования советской экономики. В 1955 – первой половине 1957 гг. новый политический тандем Хрущева–Булганина, в том числе при помощи академиков С.Г. Струмилина, Н.Н. Семенова, В.А. Каргина, сумел «нащупать» эффективные способы решения «дилеммы реформатора» – децентрализация управления экономикой и развитие химической индустрии[43]. Во второй половине 1957 – начале 1958 гг. Хрущев концентрировал партийную и государственную власть, что позволяло продолжить реформы, но одновременно пытался сконструировать бюрократические и академические институты, способные разработать как практические меры для повышения эффективности советской экономики, так в целом новую повестку долгосрочного развития СССР. Так, в конце 1959 – начале 1960 г., вопреки «мягкому» сопротивлению председателя Госплана СССР А.Н. Косыгина[44], Хрущев организовал Государственный научно-экономический совет СССР, который в 1960–1962 гг. трансформировался в центр разработки экономической реформы (новая система оптовых цен и тарифов в промышленности и на транспорте, внедрение хозрасчета на предприятиях, «непрерывное» планирование). В январе-феврале 1963 г. создается Совет по науке при Совете Министров СССР, в середине 1963 г. Хрущев предложил организовать группы ученых-экономистов советников при председателе Совета Министров СССР [45]. Можно утверждать, что в

[43] *Алампиев П.М.* Экономическое районирование СССР. М., 1959. С. 193, 194.

[44] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 93. Д. 301. Л. 44–46; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2015. С. 436.

[45] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1054. Л. 90–95; Д. 1059. Л. 3–7; Архив РАН. Ф. 1978. Оп. 1. Д. 129. Л. 71.

1959–1964 гг. в СССР складывалось «неустойчивое равновесие» между двумя ключевыми факторами, необходимыми для реализации реформ – политической властью Хрущева и деятельностью Госэкономсовета СССР и Совета по науке, объединивших множество экспертных сетей, которые обладали знаниями и опытом для реформирования советской экономики.

Ответ на вопрос, почему именно в этот период реформы не были реализованы, требует дополнительных архивных изысканий и специального исследования. Возможно это связано с обострением внешнеполитической ситуации 1961–1962 гг. (Берлинский и Кубинский кризисы), неудачной реализацией денежной реформы 1961 г. и Новочеркасскими событиями 1962 г. и экономическими трудностями 1963 г., а также борьбой в 1961–1962 гг. за аппаратное влияние в Совете Министров СССР между председателем Госэкономсовета СССР А.Ф. Засядько и первым заместителем председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным. Хрущев, созданием принципиально разных организаций – «бюрократического» Госэкономсовета СССР, «академического» Совета по науке или групп экономических советников, преследовал цель формирования системы сдерживания отраслевых групп интересов. Он искал независимой и объективной информации в ЦК КПСС и Совете Министров СССР о «неправильных» решениях Госплана СССР, путей обеспечения эффективного распределения капитальных вложений, особенно в химической промышленности. В мае-сентябре 1964 г. Хрущев активизировал подготовку экономической реформы, но эти шаги уже не могли изменить ситуацию и предотвратить его отставку. Стратегия Хрущева стала восприниматься высшей бюрократией неэффективной, поскольку снизились темпы экономического развития, обострилась борьба между отраслевыми группами влияния за капитальные вложения. Постоянные реорганизации и создание «несистемных» институтов (Госэкономсовет СССР, Совет по науке) раздражали высшую бюрократию.

Однако отставка Хрущева в октябре 1964 г. не означала, что новый председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин сможет более эффективно решить «дилемму реформатора», потому что он не обладал необходимой для успешной реализации реформы политической властью, хотя в 1960-е гг. советскими

экономистами был накоплен значительный объем новых знаний и опыта о советской экономике. Но в ноябре 1964 г. Косыгин ликвидировал Совет по науке как «независимый» экспертный центр, сосредоточив в последующем всю работу по реализации реформы в «бюрократической» Междуведомственной комиссии при Госплане СССР и лишив экономическую реформу альтернативной институциональной поддержки, а его попытки в 1968–1970 гг., возможно исходя из опыта начала 1960-х гг., организовать специальные институты по вопросам экономической реформы провалились[46], не удались вследствие противодействия министерской бюрократии (Госплана СССР, Министерство финансов СССР и ЦСУ СССР)[47]. Таким образом, если неудачи экономических реформ в конце 1950-х – первой половины 1960-х гг. были вызваны недостатком знаний и опыта реформирования, то во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. кризис государственного экономического реформизма наступил вследствие нарушения эволюции и слабой институциональной поддержки. В первой половине 1970-х гг. политическое руководство СССР постепенно начинает отказываться от экономических реформ.

Как общественное движение экономический реформизм в СССР проявился в деятельности академических организаций и экспертных сетей, объединявших ученых, которые во второй половине 1950-х – первой половине 1970-х гг., скорее спонтанно, чем целенаправленно, разрабатывали предложения по экономической реформе и созданию новых отраслей экономики

[46] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 104. Д. 4. Л. 1–194об.

[47] В 1968–1970 гг. в Политбюро ЦК КПСС, Совете Министров СССР, Госплане СССР обсуждалось создание Госкомитета по совершенствованию управления (проект академика В.М. Глушкова) и Госкомитета по внедрению и совершенствованию новых методов хозяйствования и управления Госплана СССР. См.: *Кутейников А.В.* Советский опыт внедрения информационных технологий в экономику страны. На примере истории проекта Общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством СССР (ОГАС) в 1960–1980-х годах // Экономическая политика. 2012. № 4. С. 57–59; *Benjamin P.* How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet. Mass., 2016.

(химической промышленности, электроники) и предпринимали коллективные действия для убеждения ЦК КПСС в необходимости реализации их инициатив. Возникновение общественного реформаторского движения и рост активности экспертных сетей происходит уже в конце 1950-х гг., а не в 1962–1965 гг.[48] Включение экспертных сетей в разработку экономических вопросов связано с «осознанием» высшей бюрократией ценности исследований в области экономики и международных отношений, публичных дискуссий для принятия решений. Этому способствовали размывание и трансформация идеологического контроля над экономической наукой, кибернетикой и социологией, рост количества ученых, создание научно–исследовательских организаций, ставших центрами фундаментальных и прикладных исследований тесно связанных с проблематикой экономических реформ[49]. Появляются новые мотивы у советских ученых, их коллективные и публичные действия, направленные на изменения в государственной политике, и желание участвовать вместе с бюрократией в принятии решений по вопросам экономической и научно-технической политики становятся вехой этого периода. Сети экспертов через различные научные советы и временные комиссии были интегрированы с бюрократическими и академическими институтами (ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Госплан СССР, Госэкономсовет СССР, Госкомитет по науке и технике СССР, Академия наук СССР).

Сетевое взаимодействие экономистов ускорилось в 1959–1962 гг., в связи с деятельностью Госэкономсовета СССР, ставшего центром экономического реформизма. В 1959–1964 гг. действовало пять групп экономистов, включенных в сетевые отношения, участвовавших в разработке новой системы опто-

---

[48] *Бокарев Ю.П.* Указ. соч. С. 231–233.

[49] НИЭИ при Госплане СССР, 1955 г.; ИМЭМО АН СССР, 1956 г.; ИЭ и ОПП СО АН СССР, 1957 г.; Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР и Госкомитета по науке и технике СССР, 1959 г.; Вычислительный центр при Госплане СССР, 1959; ИЭМСС АН СССР, 1960 г.; НИИ планирования и нормативов при Госплане СССР, 1960; ЦЭМИ АН СССР, 1963 г. и др.

вых цен в промышленности и тарифов на транспорте[50]. Среди них особенно выделялась т.н. «группа Леонида Ваага»[51], экспертная сеть, включавшая экономистов-сторонников «цен единого уровня» (Л.А. Вааг, В.Д. Белкин, И.Я. Бирман, С.Н. Захаров, И.С. Малышев, академики А.И. Берг, В.С. Немчинов, В.А. Трапезников, член-корр. И.С. Брук). Ликвидация в ноябре 1962 г. Госэкономсовета СССР не привела к распаду этой экспертной сети. В январе-мае 1964 г. эта экспертная сеть предприняла коллективные действия по продвижению в ЦК КПСС и Госплане СССР предложений о переходе к «ценам единого уровня» и в августе-ноябре 1964 г. подготовила для Совета Министров СССР доклад «Об укреплении хозяйственного расчета, совершенствования планирования и ценообразования»[52]. В начале 1960-х гг. формируется экспертная сеть, включавшая 17 крупных академических ученых и администраторов. В феврале 1963 г., по инициативе Хрущева, происходит формализация этой сети в Совет по науке при Совете Министров СССР, который возглавил академик М.А. Лаврентьев[53]. В 1963–1964 гг. Совет по науке становится центром экономического реформизма, взаимодействуя с другими экспертными сетями (например, с проектом академика В.М. Глушкова по созданию Единой сети вычислительных центров и группой Ваага). В апреле 1963 г. возникает группа экспертов, возглавляемая Д.М. Гвишиани, занимавшихся вопросами управления народного хозяйства[54]. Изучение архивов показывает высокую роль общественной инициативы и сетевого взаимодействия в формировании реформаторской

---

[50] *Немчинов В.С.* Общественная стоимость и плановая цена. М., 1970. С. 382, 383.

[51] Л.А. Вааг в 1960–1962 гг. начальник отдела в Госэкономсовете СССР, в 1962–1964 гг. – зам. начальника отдела в Госкомитете по науке и технике СССР.

[52] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 519. Л. 86–96; Ф. 9480. Оп. 7. Д. 261. Л. 1.

[53] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 749. Л. 196, 197. М.А. Лаврентьев, А.А. Арзуманян, М.В. Келдыш, В.А. Кириллин, Б.П. Константинов, Н.Н. Семенов, А.П. Александров, Н.Н. Богомолов, А.П. Виноградов, А.А. Дородницын, В.А. Каргин, В.А. Котельников, Б.Е. Патон, В.А. Трапезников, А.Н. Щукин, А.И. Целиков, Г.И. Марчук.

[54] РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 1152. Л. 13–15.

повестки в СССР до середины 1970-х гг.[55] Таким образом, программа исследования советского экономического реформизма должна включать не только деятельность политических лидеров, но требует, чтобы мы заглянули вглубь «черных ящиков» бюрократических и академических институтов и функционирования экспертных сетей, которые оказывали серьезное влияние на принятие ЦК КПСС, Советом Министров СССР и Госпланом СССР экономических решений.

1.2. «Дилемма Хрущева»: экономический реформизм и «сталинские наркомы»

Историография «великого десятилетия», традиционно тяготеющая к политическим институтам, ключевым историческим личностям и социально–экономическим проблемам, оставила в тени деятельность Госплана СССР и его председателей. Введение в научный оборот архивных документов, публикация мемуаров плановиков не изменили ситуацию, сложившуюся в советской историографии – история Госплана СССР в годы руководства Н.С. Хрущева осталась периферийной темой историографии.

Обратиться к исследованию Госплана СССР и его руководителей второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. заставляет ряд существенных обстоятельств. Во-первых, в данный период Госплан подвергся наиболее кардинальному реформированию за все время своего существования. Реформы Госплана охватывали все стороны деятельности данного органа власти – механизм планирования, полномочия, подчиненность, внутреннюю структуру данного органа, сопровождаясь изменением статуса председателя Госплана в системе власти и регулярной сменой его руководства[56]. Во-вторых, фактически, все председатели Госплана – Н.К. Байбаков, И.И. Кузьмин, А.Н. Косыгин, В.Н. Новиков, П.Ф. Ломако – были выдвинуты по личной инициативе Хрущева. Тем самым, они оказались неразрывно связаны с процессом формирования Хрущева как лидера и

[55] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 321. Л. 172–185; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 6478. Л. 65.

[56] *Nove A.* An Economic History of the USSR (1917–1991). N.Y., 1992

его политики по расстановке своих выдвиженцев на ключевых постах в государственном и партийном руководстве. В–третьих, «хрущевских» председателей Госплана следует рассматривать как одну из групп влияния в высшем политическом руководстве. Исследования, анализирующие данный вопрос, в историографии отсутствуют. Доминируют работы библиографического жанра, посвященные отдельным руководителям Госплана[57].

Большинство руководителей плановых органов второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг., относились к «сталинским наркомам» – группе хозяйственных руководителей, выдвинутых на руководящие должности в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. Их карьерному росту способствовали экстремальные условия этого периода – политические репрессии 1937–1938 гг. и Великая Отечественная война. После окончания войны они составили ядро министерского корпуса. Данные обстоятельства позволяют утверждать, что председатели Госплана второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. представляли собой группу, обладавшую общими социальными и политическими характеристиками.

В фокусе нашего внимания находятся вопросы – о статусе председателя Госплана СССР в системе высшей политической власти, факторах определявших влиятельность председателя Госплана, проблема лояльности к политическому лидеру и профессионализма руководителей плановых органов, институциональные характеристики председателей Госплана и «образы плановиков».

В конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. председатель Госплана занимал высокое положение в партийно-государственной иерархии. Председатель Госплана обязательно

---

[57] *Ваксер А.З.* Алексей Николаевич Косыгин // Клио. 2008. № 3.; *Некрасов В.Л.* Н.К. Байбаков: личностный фактор в годы руководства Н.С. Хрущева (1955–1957 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Материалы I Всерос. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2011; *Подольский С.И.* Реформатор «хрущевского» периода – В.Н. Новиков // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Серия: История. 2011. № 1; *Славкина М.В.* Байбаков. М., 2010; *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: реформатор. М., 2010.

занимал должность заместителя (первого заместителя) председателя Совета Министров СССР, входил в кандидатский либо полноправный состав Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. Хрущев изменил эту практику, считая, что «возникает много соблазнов, да и ведомственные интересы порой довлеют над общественными»[58]. После реорганизации системы управления в мае 1957 г. и отставки М.Г. Первухина, руководители плановых органов уже никогда не будут входить в состав Президиума ЦК на правах полноправных членов, а иногда даже в состав пленума ЦК КПСС (И.И. Кузьмин, В.Н. Новиков, А.Ф. Засядько). Тем самым, в сложившей, конфигурации политических институтов Хрущев ограничил полномочия председателя Госплана, фактически лишив его политических механизмов влияния.

Должность председателя Госплана оказалась менее стабильной, происходила непрерывная ротация руководства плановых органов. Так, в течение 1955–1963 гг. в плановых органах сменилось восемь руководителей – два в Госэкономкомиссии, шесть в Госплане, три в Госэкономсовете. В то время как в 1940 – первой половине 1950-х гг. – три руководителя, а во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. – два.

В высших эшелонах власти существовала своя иерархия руководителей, основанная на опыте, заслугах, широте и прочности деловых и дружеских отношений с членами высшего политического руководства, близости к политическому лидеру. Данное обстоятельство необходимо принимать во внимание, при оценке положения председателя Госплана в высшем политическом руководстве. Опираясь на данные критерии всех руководителей плановых органов можно разделить на четыре группы. Первую группу составляли М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, претендовавшие на определенную независимость от Хрущева. Они были обязаны И.В. Сталину, а не Хрущеву своим продвижением по карьерной лестнице. Эти государственные деятели были введены в состав Президиума ЦК и Бюро Президиума Совета Министров СССР на правах полноправных членов Стали-

[58] *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 316.

ным[59]. Кроме того, они обладали уникальным, особенно Первухин, опытом решения стратегических задач.

Вторую группу председателей Госплана образуют А.Н. Косыгин и В.Н. Новиков, являвшихся опытными хозяйственниками–администраторами, и обладавшими широкими доверительными и дружескими связями в высшем руководстве. Косыгин, в 1950–1957 гг. «политический аутсайдер»[60], но, во-первых, он был опытным администратором, и, во-вторых, поддерживал доверительные отношения с ближайшими соратниками Хрущева Ф.Р. Козловым и Е.А. Фурцевой, а также с друзьями военных лет - влиятельными «оборонными министрами» В.А. Малышевым, М.В. Хруничевым[61]. Новиков с военных лет работал и дружил с Д.Ф. Устиновым, с чьим опытом, влиянием и положением в военно-промышленных кругах считался Хрущев. Кроме того, Новиков был протеже Ф.Р. Козлова[62].

В третью группу входили Н.К. Байбаков, П.Ф. Ломако, чьи позиции определялись их репутацией талантливых хозяйственников и администраторов, поскольку иными статусами, заслугами и возможностями они в тот период не обладали.

Наиболее слабые позиции занимали И.И. Кузьмин и А.Ф. Засядько, демонстрировавшие полную лояльность Хрущеву. Кузьмин, обладая энергией, не обладал опытом руководящей административной работы[63] и сколько-нибудь широкими и устойчивыми доверительными отношениями в высшем политическом руководстве и партийно-государственном аппарате. Засядько – «крупный хозяйственник», но алкоголизм «привел его к наушничеству и подхалимству» в отношениях с Хрущевым[64].

---

[59] *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 203, 214.

[60] Там же. С. 83–90.

[61] *Гвишиани А.Д.* Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М., 2004. С. 87.

[62] *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 109–114

[63] Российский государственный архив социально–политической истории. Ф. 17. Оп. 163. Д. 150. Л. 131.

[64] *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 109, 110, 112.

Хрущев стремился влиять на персональный состав руководства Госплана, даже когда он еще не набрал полную силу личной власти. Это стремление достаточно четко просматривается в реформе Госплана СССР 1955 г. в вопросе о председателях Госплана и Госэкономкомиссии.

Реформа Госплана 1955 г. тесно связана с перестановками в высшем политическом руководстве. Отставка в январе 1955 г. Г.М. Маленкова с должности председателя Совета Министров СССР и назначение председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганина, с которым у Хрущева существовали доверительные отношения, усилило позиции последнего, и давало ему возможность более решительно действовать в реорганизации государственного управления и расстановке своих ставленников в государственном аппарате[65]. По свидетельству Д.Т. Шепилова, «Хрущев без особого стеснения говорил, что нужно убрать «маленковских людей» и всюду расставить «свои кадры»[66].

Председателем Государственной плановой комиссии по перспективному планированию был назначен министр нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбаков. Государственную экономическую комиссию по текущему планированию возглавил М.З. Сабуров, руководивший Госпланом в 1953–1955 гг. Ценные свидетельства о данных назначениях предоставляет С.Н. Хрущев.

По его свидетельству в 1955–1956 гг. Сабуров «числился среди самых активных сторонников» Хрущева, поддерживая его политические, и экономические инициативы[67]. «Госплановский» опыт Сабуров был необходим для ведения «баталий» с отраслевыми министрами[68]. О том, что между Хрущевым и Сабуровым существовали доверительные отношения, указывает, тот, факт, что в 1955–1956 гг. на Сабурова (и М.Г. Первухина) возлагались

[65] *Некрасов В.Л.* Н.К. Байбаков: личностный фактор….; *Некрасов В.Л.* Реформа Госплана СССР 1955 г.: власть, институты, личности // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Материалы II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012.

[66] *Шепилов Д.Т.* Непримкнувший. М., 2001. С. 297.

[67] *Хрущев С.Н.* Указ. соч.

[68] *Новиков В.Н.* В годы руководства…

обязанности председательствовать на заседаниях Совета Министров СССР во время отсутствия Н.А. Булганина[69].

Назначение Байбакова отвечало замыслу Хрущева, что Госпланом «должен руководить человек неординарный, не зашоренный, не погрязший в рутине... Выбор пал на Байбакова, человека, не отягощенного госплановским «опытом» бесконечного балансирования и показавшего себя во время войны способным к нетривиальным поступкам»[70]. В то же время нельзя исключать, что Байбаков был выдвинут по совету Л.М. Кагановича, хорошо знавшего Байбакова еще со времени работы в Наркомате нефтяной промышленности. Но Хрущев рассматривал Байбакова не как крупную самостоятельную политическую личность, а как «технического» председателя Госплана – опытного, без амбиций, хозяйственника-управленца, разработчика плана шестой пятилетки и исполнителя своих идей по модернизации и реформированию экономики[71].

Это подтверждает существующую в историографии точку зрения, что Хрущев в борьбе за власть стремился перераспределить силы в Совете Министров СССР в свою пользу[72]. Эта политика была связана с ослаблением влиятельных и оппозиционно настроенных к Хрущеву членов Президиума Совета Министров СССР (Г.М. Маленков, В.М. Молотов) путем усиления «молодых» членов Президиума Совета Министров СССР (М.Г. Первухина, М.З. Сабурова) и продвижением своих кандидатур в Президиум Совета Министров СССР (И.И. Кузьмин), Госплан (Н.К. Байбаков) и Госэкономкомиссию (А.Н. Косыгин). Хотя, как показали события первой половины 1957 г., эта политика имела свои естественные пределы.

Несмотря на последовательность и планомерность проводимой Хрущевым кадровой политики в отношении Госплана и

---

[69] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: в 3 т. / сост. В. Афиани, Т. Кузьмичева, Г. Мещеряков и др. Серия: Архивы Кремля. М., 2006. Т. 2: Постановления 1954–1958. С. 103–104.

[70] *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 214, 215

[71] *Некрасов В.Л.* Н.К. Байбаков: личностный фактор…

[72] *Сушков А.В.* Президиум ЦК КПСС: личности и власть. Екатеринбург, 2009. С. 25–26.

Госэкономкомиссии, она не дала результатов. Камнем преткновения между Хрущевым и плановиками стала реформа управления промышленностью и строительством 1957 г. Обсуждение реформы управления 1957 г. было крайне непростым, более того, дискуссия вокруг реформы выступила катализатором противостояния в высшем политическом руководстве. Реформа управления, которую задумал Хрущев в декабре 1956 – январе 1957 гг., предусматривала децентрализацию управления отраслями промышленности и строительного комплекса, ломку ведомственных барьеров, повышение роли партийных и советских органов власти в руководстве народным хозяйством. Для этого Хрущев предлагал перейти от управления через отраслевые министерства к управлению через совнархозы. Реформа управления 1957 г., аккумулировавшая общественно-экономические ожидания и противоречия, рассматривалась ее инициаторами и разработчиками как эффективный инструмент устранения основных пороков централизованной экономики.

Однако и председатель Госплана Байбаков, и председатель Госэкономкомиссии Первухин не скрывали и открыто высказывали Хрущеву свои опасения в отношении задуманной им реформы. Сравнительный анализ аргументации Байбакова и Первухина позволяет утверждать, что они не отрицали основополагающие принципы реформы, но настаивали на ее постепенной реализации и сохранении централизованного управления для ряда отраслей тяжелой промышленности[73]. Централизованное управление должно было осуществляться либо через министерства, которые будут обязаны «перебазировать ряд главных управлений на места производства»[74], либо через Высший совет народного хозяйства по тяжелой промышленности[75]. Особенностью риторики этой группы плановиков было мнение, что ликвидация министерств приведет к потере управления отраслями, устойчивости экономики, единой технической политики[76].

[73] Президиум ЦК КПСС… Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 221, 226, 227.
[74] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 214. Л. 139.
[75] Президиум ЦК КПСС… Т. 2. С. 236–239.
[76] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 150. Л. 131–133.

Иными словами, для них был характерен технократический, лишенный политических мотивов, подход, заключающийся в целесообразности сохранения, насколько это было возможно, отраслевых механизмов в новой системе управления промышленностью и строительством. Однако, в условиях 1957 г. сохранение централизованного управления отраслями тяжелой промышленности выходило за рамки варианта, предлагаемой Хрущевым реформы. Его реализация могла привести к сохранению «управления промышленностью и строительства по отраслевому принципу». Фактически эти предложения представляли собой консервативный вариант реализации реформы, в котором ее основная идея видоизменялась в пользу сохранения отраслевого принципа управления, сроки реализации увеличивались, и в целом повышались риски претворения ее в жизнь.

Однако в развернувшейся схватке за власть Хрущеву в руководстве плановых органов требовались единомышленники, а не оппоненты. В результате в мае 1957 г. Байбаков и Первухин были освобождены от своих обязанностей[77]. Байбаков был назначен председателем Госплана РСФСР. Назначение Байбакова на пост председателя Госплана РСФСР полностью соответствовало новым политическим и экономическим реалиям, наступившим после ликвидации министерств и создания совнархозов, практике назначения бывших министров, его компетенциям как хозяйственника-управленца. И среди кандидатов на пост председателя Госплана в мае 1957 г. Байбаков имел минимальные шансы, поскольку политическим влиянием он не обладал, и доверие к нему со стороны Хрущева ослабло. Первухин, учитывая его статус члена Президиума ЦК и первого заместителя председателя Совета Министров СССР и опыт руководящей работы, мог занять должность председателя Госплана, но был назначен министром среднего машиностроения[78]. Возможным кандидатом на пост председателя Госплана мог выступить Ко-

[77] Государственный архив Российской федерации (ГАРФ). Ф. Р7523. Оп. 71. Д. 197. Л. 15, 16.

[78] Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991: ист.-биогр. справ. / сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 398.

сыгин, занимавший в декабре 1956 – мае 1957 гг. должность первого заместителя Госэкономкомиссии, и лояльно относившегося к Хрущеву. Однако назначению Первухина или Косыгина не суждено было осуществиться, и одной из причин могло послужить их скептическое отношение к созданию совнархозов. В итоге Косыгин остался в команде Хрущева, а Первухин пополнил ряды «потенциальных оппонентов» Хрущева. Председателем Госплана, по инициативе Хрущева, утверждается заведующий отделом машиностроения ЦК КПСС И.И. Кузьмин, который завоевал доверие Хрущева, поддерживая его идею реформирования управления промышленностью и строительством. Очевидно, что в условиях «коренной перестройки управления промышленностью», и борьбы за политическое лидерство Хрущев стремился поставить под свой контроль «мозговой центр» экономической жизни страны.

Однако, в целом, при назначении на должность председателя Госплана Хрущев оценивал в первую очередь опыт и профессионализм претендента. Большинство руководителей Госплана к моменту назначения на этот пост обладали уникальным хозяйственным и административным опытом, в том числе руководством народным хозяйством РСФСР, отраслями тяжелой и легкой промышленности, финансами, совнархозами, стратегическими проектами и стройками, в том числе за рубежом. Исключением в данной группе был И.И. Кузьмин – представитель партийного аппарата, чье выдвижение носило конъюнктурный характер.

Одновременно следует говорить об институциональных различиях между руководителями плановых органов, назначенных в 1955–1956 гг., 1957–1959 гг. и 1960–1964 гг. В 1955–1956 гг. руководителями плановых органов выступали представители высшей бюрократии, – М.З. Сабуров и М.Г. Первухин – члены Президиума ЦК. Председатель Госплана Байбаков, обладая большим опытом административно-хозяйственной работы, был только «рядовым» членом ЦК КПСС, и, тем самым был лишен возможности оказывать политическое влияние на многие вопросы развития народного хозяйства, особенно если они формально выходили за рамки компетенции Госплана. В 1957–1959 гг. ситуация кардинально меняется, и главным критерием

назначения выступают личная преданность, лояльность и беспрекословное выполнение заданий нового политического лидера. Именно данный фактор, как уже отмечалось, обусловил назначение И.И. Кузьмина, А.Ф. Засядько, а также, хотя, и в, несколько меньшей степени, А.Н. Косыгина. В 1960–1964 гг. в руководство Госплана приходят технократы, не обладавшие политическим весом, но с опытом хозяйственной работы как в «старой» отраслевой, так и в «новой» территориальной экономике. В.Н. Новиков, в 1957–1958 гг. возглавлял Ленинградский совнархоз, в 1958–1960 гг. – председатель Госплана РСФСР. П.Ф. Ломако, с 1957 по 1961 гг. руководил Красноярским совнархозом, в 1961–1962 гг. – заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, в июле-ноябре 1962 г. – председатель Госэкономсовета[79].

Целесообразно обратиться к такой проблеме, как «образ плановиков», поставленной П. Грегори, при исследовании Госплана в период первых пятилетних планов. В истории Госплана 1930-х гг. П. Грегори выделил два типа плановиков: «плохо образованный партийный бюрократ» В.В. Куйбышев (1930–1934 гг.) и «плановик–профессионал» В.И. Межлаук (1934–1937 гг.). По его мнению, данные типы плановиков символизировали два полюса самого Госплана, две альтернативы его развития. Госплан мог стать организацией, разрабатывающей планы в соответствии с формальными правилами, или же превратиться в организацию, слепо исполняющую партийные директивы, причем даже в тех случаях, когда они противоречили экономической логике[80]. В отношении второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. определенно можно говорить о трех «образах плановиков» Первый образ – это крупные государственные деятели, обладавшие многогранным опытом руководства и управления народным хозяйством – А.Н. Косыгин, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров. Второй – это выдвиженцы Хрущева, преданные, одобрявшие его идеи и беспрекословно исполнявшие его приказы партийные и государственные функционеры, такие как А.Ф. Засядько, И.И. Кузьмин. Третий образ – это опытные, но

---

[79] РГАЭ. Ф. 739 Оп. 1 Д. 1. Л. 19.

[80] *Грегори П.* Указ. соч. С. 236–238.

без политических амбиций, хозяйственники-управленцы, отраслевые министры, выдвигаемые Хрущевым для реализации своих инициатив, – Н.К. Байбаков, В.Н. Новиков, В.Э. Дымшиц, П.Ф. Ломако.

Поднятые в данной главе вопросы не исчерпывают всю историю председателей Госплана в 1955–1964 гг., оставляя за рамками их конкретную деятельность. История Госплана и его председателей в 1955–1964 гг. показывает, что планирование находилось в зоне постоянного внимания и контроля Хрущева, и что это внимание касалось не только механизмов планирования и пропорций планов развития народного хозяйства, но и полномочий председателя Госплана, персонального состава руководства плановых органов. В данный период происходит эволюция руководящего состава Госплана, изменение статуса его руководителя, и, как следствие, утрата Госпланом политического влияния, приведшие к его полному подчинения партийному аппарату.

Глава 2

Реформы Госплана СССР и практики планирования экономики (1955–1965 гг.)

2.1. Госплан СССР: наследие сталинизма и поиск новой модели планирования экономики (1955–1958 гг.)

Реформа Государственного планового комитета при Совете Министров СССР (Госплан СССР) 1955 г. явилась первой реформой планирования в постсталинский период. В середине 1950-х гг. был осуществлен переход от традиционной, «моноструктурной» модели планирования, к новой модели, основанной на разделении между разными органами власти функций перспективного и текущего планирования, оперативного управления экономикой. В советской теории планирования реформа Госплана СССР 1955 г. определила начало шестого этапа развития планирования в СССР (май 1955 – март 1965 гг.)[1].

В историографии существует лишь самое общее представление о реформе Госплана 1955 г. В советской исторической литературе реформа Госплана СССР 1955 г. не стала предметом специального всестороннего исследования[2]. В зарубежной историографии превалируют общие замечания о характере реорганизации Госплана в 1955 г.[3].

Введение в 1990–2000-е гг. в научный оборот архивных документов, публикация мемуаров плановиков не изменило ситуацию, сложившуюся в историографии на рубеже 1980–1990-х гг.

---

[1] Планирование размещения производительных сил СССР. М., 1985. Ч. I. С. 281; *Первухин А.Г.* Этапы планирования // Страницы памяти: О планах, планировании и плановиках. М., 1987. С. 162–163.

[2] *Белоусов Р.А.* Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1987;. *Зембатова Б.В.* Планирование: простые и сложные истины. М., 1990; История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. 6

[3] *Nove A.* Op. cit. P. 350–351.

и не оказало влияния на качество исследований по истории Госплана в годы руководства Н.С. Хрущева[4]. Наибольшее внимание как российских, так и зарубежных историков сосредоточено на реформировании министерской системы управления экономикой в 1954–1957 гг., и в особенности реформе управления 1957 г.[5] Реформа Госплана СССР 1955 г., как в прочем и остальные реформы данного института, остались на периферии в новейшей российской и зарубежной историографии «хрущевских» реформ.

Данная историографическая ситуация сложилась, по нашему мнению, прежде всего, из-за незавершенности процесса накопления и обобщения архивных источников по истории Госплана СССР и по причине сложности восстановления неоднократных реорганизаций данного органа власти, частого перераспределения его полномочий, подчиненности, многочисленных кадровых перестановок в руководстве в 1955–1964 гг.

Исследование реформы Госплана 1955 г. включает в себя как административный, так экономический и политический аспекты. Реформа Госплана 1955 г. выступила первой из семи реорганизаций данного органа власти в течение 1955–1965 гг.[6]. Эти реорганизации охватили все стороны деятельности данного института – механизм планирования, полномочия, подчиненность, внутреннюю структуру, сопровождаясь изменением статуса председателя Госплана в системе власти и регулярной сменой его руководства. Реформы Госплана СССР отражали мне-

[4] *Ольсевич Ю., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000; Очерки экономических реформ / под ред. Ю.Ф. Соловьева. М., 1993.

[5] *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006; *Щербакова Т.И.* Проблемы экономической децентрализации в промышленности в 1957–1964 гг. // Федерализм. 2010. № 3. С. 135–148; Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. М., 2007;. *Thompson W.J.* Industrial Management and Economic Reform under Khrushchev // Nikita Khrushchev / ed. by W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. L., 2000; *Taubman W.* The Khrushchev period, 1953–1964 // The Cambridge History of Russian / ed. by R.G. Suny. Cambridge, 2006. Vol. III.

[6] Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965: в 2 кн. Кн. 2: 1951–1965. М., 1967. С. 487, 488, 512, 524, 613, 723, 734, 740.

ние постсталинского руководства, что серьезные сбои в экономике связаны с недостатками организационной структуры.

Реформа Госплана СССР выступила ответом на системный кризис советской экономики в 1955–1956 гг. Вопреки мнению мемуаристов, Сталин оставил своим «наследникам» экономику не в лучшем состоянии. Госплан СССР был мощным носителем практик сталинской модели хозяйствования, против которой объективно были направлены реорганизации в 1955–1957 гг.

Реформа Госплана СССР 1955 г. была первой институциональной реформой, инициированной Н.С. Хрущевым, в период его «становления в качестве ключевой фигуры коллективного руководства» (февраль 1955 – май 1957 гг.)[7]. Таким образом, данная реформа неразрывно связана с процессом утверждения Хрущева как единоличного лидера и реформатора.

В советской системе принятия экономических решений Госплан СССР был ключевым институтом, отвечавший за подготовку народнохозяйственных планов, координировавший деятельность ведомств, контролирующий и отстаивающий «общегосударственные интересы» в борьбе с «ведомственным эгоизмом» и местничеством[8]. В середине 1950-х гг. председатель Госплана СССР занимал высокое положение в партийно-государственной иерархии (номенклатура Президиума ЦК КПСС). Председатель Госплана СССР обязательно занимал должность заместителя (первого заместителя) председателя Совета Министров СССР, входил в полноправный состав Президиума ЦК КПСС[9]. По определению О. Хлевнюка и Й. Горлицкого, в системе высшей политической власти председатель Госплана СССР

---

[7] *Zubkova E.* The Rivalry with Malenkov // Nikita Khrushchev / ed. by W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. L.: New Haven, 2000. P. 68.

[8] *Gregory P.R.* Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge, 1990. P. 18–21, 30–31.

[9] *Некрасов В.Л.* Н.К. Байбаков: личностный фактор...; *Некрасов В.Л.* Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955–1964 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 66–70.

выполнял функцию «честного» администратора, сигнализирующего наверх о реальном положении дел в экономике[10].

Причины реформы Госплана СССР 1955 г. носили объективный характер. К началу 1955 г. кризис планирования и оперативного управления экономикой проявился со всей очевидностью. Проявлениями кризиса управления экономикой выступили – отсутствие утвержденных контрольных заданий на пятую пятилетку, несбалансированность развития секторов и отраслей экономики, диспропорции между потреблением и накоплением, доходами и материальными ресурсами, корректировкой планов по факту, отсутствие перспективного плана развития экономики страны. Кризис планирования усугублялся дефицитом топлива и металла, столкновением ведомственных интересов в борьбе за капитальные вложения и материальные фонды при подготовке шестого пятилетнего плана[11]. По свидетельству С.Н. Хрущева, кризис выполнения пятой пятилетки и неспособность Госплана СССР верстать планы «по честному» осознавались Хрущевым[12].

Выходом из кризисного положения стало принятие высшим политическим руководством серии решений, направленных на повышения эффективности управления экономикой. В конце мая 1955 г. принимается ряд указов и постановлений об образовании новых государственных комитетов[13]. Наиболее значимым стало решение о реорганизации Госплана СССР. Госплан СССР был разделен на Государственную комиссию Совета Министров СССР по перспективному планированию (Госплан) и Государ-

[10] *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 104.

[11] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 218. Л. 160, 165; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 56. Л. 7; XX съезд КПСС: стеногр. отчет. М., 1956. Т. 2. С. 237–239.

[12] *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 212.

[13] 24 мая образован Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, 25 мая реорганизован Госплан СССР, 28 мая образован Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике. См.: *Thompson W.J.* Industrial Management and Economic Reform under Khrushchev // Nikita Khrushchev / ed. by W. Taubman, S. Khrushchev, A. Gleason. L.: New Haven, 2000. P. 487.

ственную комиссию Совета Министров СССР по текущему планированию (Госэкономкомиссия). К ведению Госплана была отнесена разработка пятилетних и перспективных планов (10–15 лет), к ведению Госэкономкомиссии относилась разработка годовых планов (на основе пятилетних), и планов материально-технического снабжения[14]. Данная модель планирования, с корректировкой в декабре 1956 г., функционировала в период с июня 1955 г. по май 1957 г.[15].

В.А. Шестаков констатирует, что «в основе реорганизации Госплана СССР лежали меры административного характера»[16]. Но столь лаконичного замечания недостаточно, чтобы понять мотивы и механизмы выбора данной модели планирования и оперативного управления экономикой. В данном случае требуют ответа ряд вопросов: «В какой степени реформа Госплана СССР взаимосвязана с изменением расстановки в высшем политическом руководстве в начале 1955 г.?», «Существовали ли иные подходы при реорганизации Госплана СССР в 1955 г.?», «Почему была выбрана модель планирования на основе разделения текущего и перспективного планирования?».

Причина, почему в историографии нет ответов на данные вопросы, заключается в том, что исследования опираются на опубликованные источники, без привлечения архивных документов, которые позволяют более детально проанализировать ситуацию в сфере планирования в середине 1950-х гг. Это в полной мере относится к реформе Госплана СССР 1955 г.

В мемуарах «хрущевских» плановиков положение в сфере планирования и оперативного управления экономикой в середине 1950-х гг. либо под разными предлогами обходится (В.Н. Новиков), либо совершенно не упоминается (Г.М. Перву-

---

[14] Реорганизация Госплана СССР и задачи улучшения планирования народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1955. № 3. С. 3–9.

[15] Решение декабрьского Пленума ЦК КПСС и задачи улучшения планирования народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1957. № 1. Л. 8; Реорганизация Госплана СССР и задачи улучшения... С. 10–11.

[16] Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. М., 2007. С. 250.

хин), или сводится к констатации факта перестройки Госплана СССР (Н.К. Байбаков)[17].

В фонде Совета Министров СССР находится отдельное дело, посвященное разработке реформы Госплана СССР в первой половине 1955 г.[18]. Материалы дела включают постановление «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования», проекты данного постановления, аналитические материалы к проектам постановлений.

Ценным источником, позволяющим понять механизм разработки новой модели планирования в течение первой половины 1955 г., являются составленные для председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина управляющим делами Совета Министров СССР А.В. Коробовым[19] «Замечания по проекту Постановления «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования» (далее – «Замечания»)[20].

Общий срок принятия решения о реорганизации Госплана СССР составил четыре месяца – с февраля по июнь 1955 г. Хронология принятия решения о реорганизации Госплана СССР выглядит следующим образом. 5 февраля 1955 г. председатель Госплана СССР М.З. Сабуров направил в Президиум ЦК КПСС предложения о перестройке работы Госплана СССР и о мерах по улучшению государственного планирования. 14 марта на заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение, что «необходимо перестроить работу Госплана, отделив функции текущего характера от разработки вопросов перспективного планирования»[21]. Данное решение являлось основополагающим при разработке проекта постановления. К 28 марту был подготовлен первоначальный вариант проекта постановления Совета

---

[17] *Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. М., 1998; *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 105–117; *Первухин М.Г.* Коротко о пережитом // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 140–148.

[18] ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 89. Д. 25.

[19] Анатолий Васильевич Коробов с 1938 по 1953 гг. работал в Госплане СССР. В 1951–1953 гг. – заместитель председателя Госплана СССР. См. Государственная власть СССР. С. 359.

[20] Там же. Л. 10–17, 36–39, 43–44.

[21] Там же. Л. 16, 38.

Министров СССР и ЦК КПСС «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования»[22]. К 25 апреля в Президиум ЦК КПСС был представлен уточненный вариант проекта постановления. По итогам его рассмотрения 28 апреля в Президиуме ЦК КПСС было принято решение к 4 мая доработать проект постановления. 25 мая Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О реорганизации Государственного планового комитета Совета Министров СССР». 4 июня было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1088 «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования»[23].

Реформа Госплана СССР происходила в условиях изменения расстановки политических сил в Президиуме ЦК КПСС и Совете Министров СССР. Отставка Маленкова с должности председателя Совета Министров СССР и назначение председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганина, с которым у Н.С. Хрущева существовали доверительные отношения, усилило позиции последнего, и давало ему возможность более решительно действовать в реорганизации государственного управления и расстановке своих ставленников в государственном аппарате. Предложение о реорганизации Госплана СССР было внесено в Президиум ЦК КПСС через пять дней после отставки Г.М. Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР[24].

Иными словами, реформу Госплана СССР, безусловно, следует связывать с укреплением позиций Хрущева в коллективном руководстве, усилением его влияния на принятие решений не только в сфере сельского хозяйства, но и в целом в народном хозяйстве.

Следует обратить внимание на состав комиссии, занимавшейся в феврале-апреле 1955 г. разработкой постановления о реформе Госплана СССР[25]. Членов комиссии можно разделить

---

[22] Там же. Л. 9

[23] Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965: в 2 кн. Кн. 2: 1951–1965. М., 1967. С. 487, 488.

[24] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2006. Т. 2. С. 39-46.

[25] ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 89. Д. 25. Л. 54.

на три группы. Первую группу составляли члены Президиума ЦК КПСС – председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин, первые заместители председателя Совета Министров СССР – Л.М. Каганович, М.Г. Первухин, председатель Госплана СССР М.З. Сабуров. Вторую группу – «рядовые» заместители председателя Совета Министров СССР – А.Н. Косыгин, В.А. Малышев И.Ф. Тевосян. Третью группу – руководящие работники Госплана СССР – первый заместитель председателя Госплана СССР Г.П. Косяченко. В первой группе трое, за исключением Кагановича, являлись сторонниками Хрущева. Во второй группе, Косыгин и Малышев лояльно относились к инициативам Хрущева. Позицию третьей группы, на которую возлагались сугубо технические задачи, можно не учитывать. Уточненный проект постановления разрабатывался уже только членами Президиума ЦК КПСС – Н.А. Булганиным, Л.М. Кагановичем, М.Г. Первухиным, М.З. Сабуровым[26].

Таким образом, с одной стороны, это свидетельствует, что реформа планирования разрабатывалась в ближайшем окружении Хрущева. Маленков и Молотов не имели к ней никакого отношения. С другой стороны, в условиях 1955 г. коллегиальность в Президиуме ЦК КПСС не носила формальный характер[27], и Хрущев должен был согласовывать свои решения с коллегами, поэтому он, очевидно, заручился поддержкой большинства полноправных членов Президиума ЦК КПСС. Пять членов Президиума ЦК КПСС (включая Хрущева) против трех – К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, В.М. Молотов, не принимавших участия в разработке проекта реформы Госплана СССР, позволяло ему провести в Президиуме ЦК КПСС необходимое решение по реформе Госплана СССР.

Как известно, результатом реформы Госплана СССР 1955 г. выступило его разделение на два плановых органа – Госплан и Госэкономкомиссию. Этот эпизод является классическим для

---

[26] Там же. Л. 76.

[27] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1 С. 6.

публикаций, посвященных реформам государственного управления второй половины 1950-х гг.[28]

Изучение «Замечаний» показывает, что вариант реорганизации Госплана СССР путем разделения на два самостоятельных органа формировался постепенно и не был единственным.

Идея разделения Госплана СССР на два органов планирования проходит через все три варианта проекта постановления. Однако в конце марта – апреле обсуждался вариант сохранения единого планового органа. Так, в «Замечаниях» к первоначальному варианту проекта постановления от 6 и 21 апреля подчеркивается, что предлагаемое разделение Госплана на два самостоятельных органа: Государственную плановую комиссию и Комитет по оперативному планированию – является принципиально неправильным. Аргументы против разделения Госплана – отрыв текущего планирования от перспективного планирования, создание излишней переписки между плановыми органами, параллелизм, безответственность и путаница в составлении и обеспечении выполнения планов.

По мнению А.В. Коробова, решение Президиума ЦК КПСС от 14 марта должно быть выполнено не механически, путем разделения Госплана на два органа, из которых один будет заниматься вопросами перспективного, а второй вопросами оперативного планирования, а путем перестройки работы и улучшения структуры Госплана[29]. В поисках аргумнтов А.В. Коробов ссылается на В.И. Ленина, подчеркивая, что Ленин, указывая на необходимость сочетания перспективного и текущего планирования, «не ставил вопроса об организации двух планирующих органов»[30]. Он считал, что для улучшения текущего планирования целесообразно создать в Госплане Комиссию по текущему планированию, подчинив ее первому заместителю Председателя Госплана. В состав Комиссии должны входить 2–3 заместителя Председателя Госплана и несколько членов Госплана. Комиссия

[28] *Безбородов А.Б.* Указ. соч. С. 37–38; Совет народных комиссаров. Совет Министров СССР. Кабинет Министров СССР. 1923–1991. Энциклопедический справочник / С.Д. Гарнюк. М., 1999. С. 19.

[29] ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 89. Д. 25. Л. 38, 39, 43, 44.

[30] Там же. Л. 37.

не должна иметь отдельного аппарата, а должна опираться на соответствующие управления и отделы Госплана, в которых могут быть выделены работники специально для подготовки вопросов текущего характера[31].

По мнению А.В. Коробова, главная проблема Госплана, – перегруженность текущим планированием народного хозяйства, в ближайшее время могла быть решена благодаря созданию Государственного комитета по новой технике, расширение прав Советов Министров союзных республик в области планирования, передаче ряда текущих вопросов в ведение отраслевых министерств[32]. Однако идея сохранения единого Госплана не получила поддержки, и в уточненном проекте постановления предлагалось разделение его на два плановых органа.

Подход, предполагавший «механическое» разделение Госплана на два плановых органа, в течение марта-апреля претерпел серьезные изменения. В первоначальном проекте постановления предполагалось фактически сохранить Госплан СССР в неизменном виде с возложением на него всего цикла плановой работы, включая текущее и перспективное планирование в отраслевом и территориальном разрезах, материально-техническое снабжение и контроль за выполнением планов[33]. В дополнение к Госплану «реорганизованного» в Государственную плановую комиссию Совета Министров СССР предлагалось образовать Комитет по оперативному планированию народногым хозяйством при Совете Министров СССР[34].

Согласно проекту постановления за Комитетом по оперативному планированию народного хозяйства закреплялся ограниченный круг задач по подготовке по поручениям Совета Министров СССР и по своей инициативе вопросов, связанных с обеспечением выполнения утверждаемых годовых государственных планов и предложений по использованию дополнительных материальных ресурсов, выявляемых в ходе выполнения государственных планов и выделения государственных ре-

[31] Там же.
[32] Там же. Л. 43.
[33] Там же. Л. 13–15.
[34] Там же. Л. 16.

зервов[35]. Таким образом, в первоначальном варианте предполагалось создание «полутороплановой» системы планирования.

Критикуя данный вариант реорганизации планирования, А.В. Коробов ссылался на В.И. Ленина, который «в данном им в 1921 году указании Госплану о порядке организации его работы рекомендовал распределить его силы таким образом, чтобы $^{1}/_{5}$ часть работников Госплана занималась вопросами перспективного планирования, а $^{4}/_{5}$ всех работников текущими хозяйственными делами»[36]. Иными словами, Комитет по оперативному планированию скорее выступал консультационным органом при Совете Министров СССР, чем реальным и самостоятельным плановым органом власти. В «Замечаниях» от 31 марта А.В. Коробов указывал, что «задачи Комитета … не дают представления о том, в чем именно будет заключаться работа Комитета …, так как … никаких задач перед Комитетом в области планирования, кроме подготовки вопросов о частичных поправках к плану, не ставится... …удельный вес работы этого Комитета в области планирования будет весьма незначительным»[37].

В уточненном варианте проекта постановления от 25 апреля происходит корректировка подхода к реорганизации планирования. Госплан предлагается разделить на два самостоятельных органа: Государственную плановую комиссию СССР (Госплан) и вместо Комитета по оперативному планированию, образовать Планово-экономическую комиссию Совета Министров СССР. Происходит корректировка их функций. Согласно проекту на Госплан возлагается разработка перспективных и годовых планов развития народного хозяйства, а на Планово-экономическую комиссию – проверка выполнения и обеспечение народнохозяйственного плана[38]. Главное изменение в новой редакции постановления заключается в том, что контроль за выполнением планов изымается из ведения Госплана[39] и передается Планово-экономической комиссии. Таким образом, данная

[35] Там же. Л. 12.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Там же. Л. 44.
[39] Там же. Л. 17, 18.

комиссия превращается из консультативного органа Совета Министров СССР в контрольно-надзорный орган в хозяйственной сфере.

И только в проекте постановления от 4 маяи1995 появляется разделение Госплана СССР на Государственную комиссию Совета Министров СССР по перспективному планированию и Экономическую комиссию Совета Министров СССР по текущему планированию [40]. В последнем проекте постановления происходит четкое разделение сфер ответственности плановых органов, включая контроль выполнения перспективных и текущих планов соответственно. Оперативное управление экономикой осуществляется Экономической комиссией, за которой закрепляются задачи по разработки планов материально-технического снабжения и распоряжения материальными ресурсами[41]. Этот проект постановления, с небольшими корректировками, лег в основу постановления ЦК КПСС и Совета Министров о перестройке работы Госплана СССР[42].

Фактически было создано два плановых органа, каждый по своей организационной структуре соответствовал прежнему Госплану СССР. До реформы в Госплане СССР насчитывалось 55 управлений и отделов. После его разделения, в Госэкономкомиссии – 55 управлений и отделов и на самостоятельной смете – Экспертный совет (с секретариатом). В Госплане – 41 управление и отдел, а также на самостоятельной смете, советники, Совет технико-экономической экспертизы, Научно-исследовательский экономический институт, Высшие экономические курсы, журнал «Плановое хозяйство»[43].

Впервые публично новая модель планирования и оперативного управления экономикой была представлена на Всесоюзном совещании работников промышленности, проходившего 16–18 мая 1955 г. Именно Н.С. Хрущев, а не Н.А. Булганин как председатель Совета Министров СССР дал развернутую характеристику принятого решения по Госплану СССР. Данный факт

---

[40] Там же. Л. 75.

[41] Там же. Л. 74, 74об, 75, 75об.

[42] Там же. Л. 77об–80.

[43] Там же. Л. 10, 11, 77, 77об, 78, 78об.

также подтверждает, что инициатива реформирования планирования принадлежала Н.С. Хрущеву[44].

Особенность реформы Госплана СССР 1955 г. заключалась в том, что перед новыми плановыми органами были поставлены вполне конкретные практические задачи развития экономики. Госплан должен был улучшить методику перспективного планирования, разработать перспективные планы отраслей, ликвидировать диспропорции, и «сказать, когда мы перегоним США по производству различных продуктов на душу населения». Госэкономкомиссия – повысить эффективность использования материальных, технических и трудовых резервов для выполнения планов развития экономики. Таким образом, данные органы управления следует рассматривать как «институты развития» для разработки новой социально-экономической политики и повышения управляемости экономики. По всей видимости, именно эти факторы определили выбор данной модели планирования и оперативного управления экономикой. В итоге должны были измениться практика планирования социально-экономического развития.

Реформу Госплана СССР 1955 г. негативно оценивают как в зарубежной, так и отечественной историографии.[45] Так, виднейший британский исследователь советской экономики Алек Ноув поставил под сомнение необходимость разделения Госплана СССР как средства повышения эффективности согласования перспективного и текущего планирования для выполнения программ капитального строительства[46].

Новые архивные документы подтверждают мнение о том, что реформа Госплана СССР 1955 г. не изменила практики планирования. В августе 1956 г. Н.С. Хрущев после поездки по регионам Урала, Сибири, Казахстана и в Донбасс подверг критике

---

[44] Всесоюзное совещание работников промышленности. 16–18 мая 1955 г. М., 1955. С. 7, 120.

[45] История социалистической экономики... С. 285; *Шестаков В.А.* Указ. соч. С. 251

[46] *Nove A.* Op. cit. P. 350.

практику работы Госплана и Госэкономкомиссии [47]. Основными претензиями выступали, как и прежде, незнание работниками плановых органов реальных условий на местах, бюрократический подход к определению плановых заданий, безапелляционность выводов, игнорирование мнений, идущих с мест[48].

Однако реформа принесла и позитивные сдвиги в перспективном планировании. В 1955–1956 гг. Госплан разработал долгосрочную программу электрификации и теплофикации железных дорог, программу развития газовой промышленности, план строительства атомных электростанций[49].

Реформа Госплана СССР 1955 г. носила объективный характер и была ответом на кризис советской экономики и необходимость «нащупать» новые практики планирования. Новые архивные документы показывают, что решение о разделении Госплана СССР на два плановых органа не было изначально заложено и оформилось постепенно. Но данная реформа и не являлась строго управляемым процессом в русле научной стратегии КПСС, а несла отпечаток борьбы в высшем политическом руководстве, и, следовательно, аккумулировала спонтанные и хаотичные процессы в социально-экономической политики 1955–1956 гг. Оценка эффективности реформы Госплана 1955 г. требует проведения дальнейших исследований, опирающихся на архивные документы.

2.2 Государственный научно-экономический совет СССР: научное планирование экономики (1959–1962 гг.)

В оценке Хрущева как авторитарного реформатора доминируют критические и часто негативные характеристики: «беспрерывно проводившиеся» им «реформы управления народным

---

[47] ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 89. Д. 25. С. 155, 160; Государственная власть СССР… С. 378.

[48] *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 365–367, 398; Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени… Т. 2. С. 317.

[49] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. С. 174–178, 376.

хозяйством» были «не всегда продуманными» и «вносили путаницу и дезорганизацию» в саму систему управления[50].

Но такая оценка является всего лишь повторением оценки деятельности Хрущева, озвученной 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС секретарем ЦК КПСС М.А. Сусловым: «Хрущев буквально страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек, слепо верил в какую-то магическую, таинственную силу. А на деле эти перестройки и реорганизации лишь бесцельно дергали людей, сеяли среди них чувство растерянности, неуверенности»[51].

Иными словами, эта оценка принадлежит политическим противникам реформатора, чьей целью было очернить его. И хотя за последние пятьдесят лет она многократно повторялась в научных и публицистических текстах, мы не можем принять ее за основу из-за политической тенденциозности.

Изучение архивных документов показывает, что в своих выступлениях и записках Хрущев использовал следующие формулировки и словосочетания: «в практике плановых органов еще не преодолены последствия периода культа личности», «плановые органы должны быть не громоздкими по своей структуре», «эти две отрасли [угледобычу и металлургию. – *В.Н.*] надо держать в кулаке», «стройная организация», «чтобы органы были увязаны», «законченный высший орган [ВСНХ. – *В.Н.*]», «устранение дублирования и параллелизма», «разумное построение нашего плана», «поднять уровень руководства промышленностью и строительством», «квалифицированное руководство экономикой страны», «организационные формы, которые отвечают современному этапу развития экономики», «лучше организовать силы партии, кадры, руководство», «искание лучших организационных форм», «стройная система планирования и управления народным хозяйством», «чрезмерная централизация», «наши представления о реорганизации стали лучше и богаче», «центропробка», «надуманная структура, ото-

[50] *Черкасов П.П.* ИМЭМО: Очерк истории. М., 2016. С. 189.

[51] Никита Хрущев, 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 246.

рванная от отраслей производства»[52]. Все эти формулировки и словосочетания показывают: для Хрущева как реформатора ключевое значение имели полномочия, функции и структура конкретных государственных органов и учреждений, а также система их взаимодействия.

Зададимся, однако, вопросом, можно ли ставить в вину реформатору, что он «много думал над совершенствованием структуры управления экономикой», как это сделали его политические оппоненты в октябре 1964 г. и делают до сих пор историки. Ведь то, что они называют «зудом всевозможных перестроек и реорганизаций» является не чем иным, как стратегией «институционального дизайна» («институциональной конструкции»), когда «мудрый правитель», стремящийся повысить эффективность управления экономикой, ставит своей целью пересмотреть систему государственного управления ею и систему стимулирования ее развития. И совершенно очевидно, что при движении этой цели сложно избежать ошибок[53].

Альтернативой стратегии «всевозможных перестроек и реорганизаций», по нашему мнению, являлась стратегия, при которой экономические реформы были бы разработаны конкретными центральными государственными (бюрократическими) и научными учреждениями (в данном случае – Госпланом СССР и Академией наук СССР) и представлены Президиуму ЦК КПСС для утверждения. Однако стоит задаться и таким вопросом: существовали ли в середине 1950-х гг. в Советском Союзе учреждения, способные квалифицированно разработать программу экономических реформ?

После ликвидации в 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, после «Ленинградского дела» и «дела Госплана» в 1949–1952 гг., оставивших трагический след в судьбах большого числа экономистов и плановиков, нельзя

[52] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 43, 44; Д. 590. Л. 218, 233, 235; Д. 589. Л. 3, 4; Д. 671. Л. 178, 179; Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 10; Д. 267. Л. 3, 4, 17, 21, 31, 33, 53, 79; Д. 269. Л. 120, 121, 132; Д. 338. Л. 40; Д. 357. Л. 38, 39, 42.

[53] *Ульямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб., 1996. С. 99.

утверждать, что в СССР существовали бюрократические и академические учреждения, способные решить эту задачу. Подтверждает нашу точку зрения и такой факт: выдвинутое еще в 1946 г. председателем Госплана СССР Н.А. Вознесенским предложение об организации Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР оставалось на уровне проекта вплоть до 1955 г.[54]

Иными словами, во второй половине 1950-х гг. у Хрущева не было альтернативной стратегии экономических реформ. Он должен был прежде всего «реконструировать» командно-административную систему управления экономикой, унаследованную им от Сталина.

Мог ли Госплан СССР стать в середине 1950-х г. центром разработки программы экономических реформ в СССР?

В партийно-государственной системе управления экономикой Госплан СССР являлся союзно-республиканским органом, осуществлявшим общегосударственное планирование развития народного хозяйства СССР, разрабатывавший народнохозяйственные планы и контролировавший их выполнение, координировавший деятельность различных ведомств, отстаивавший «общегосударственные интересы» в борьбе с «ведомственным эгоизмом»[55]. Изучение документов, хранящихся в фондах РГАНИ, РГАЭ и ГАРФ, приводит нас к выводу: к середине 1950-х гг. Госплан СССР, отягощенный проблемами, унаследованными от сталинской эпохи, пришел в упадок.

Признаков упадка можно найти немало.

Так, на начало 1954 г. в Госплане СССР уже отсутствовал Сводный отдел перспективных планов, а вопросами перспективного планирования занимался сектор в составе четырех человек. Мы не располагаем данными, когда и почему именно был ликвидирован Сводный отдел перспективных планов, но в середине января 1950 г. такой отдел еще существовал в структуре Госплана СССР[56].

---

[54] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 51. Д. 245. Л. 1; Оп. 53. Д. 3. Л. 225–231, 240–274.

[55] *Gregory P.R.* Op. cit.

[56] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 10. Л. 27.

В 1954 г. Госплан СССР занимал крайне консервативную позицию по отношению к инициативам ученых, к их предложениям по совершенствованию механизма планирования развития народного хозяйства. Так, в конце октября 1954 г. Госплан СССР и Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР дали отрицательный отзыв на предложения профессора Ленинградского госуниверситета Л.В. Канторовича о применении математических методов в планировании развития промышленности[57].

Одновременно, несмотря на «либерализацию» делового климата внутри Госплана СССР в конце 1954 – начале 1955 гг., со стороны отдельных его руководителей осуществлялось сильное давление на сотрудников, которые занимались научно-исследовательской работой и публиковали результаты своих исследований в научных журналах[58].

Настроения, царившие в конце 1954 г. среди плановиков, ярко и точно отразила «Выписка из протокола общего закрытого собрания коммунистов партийной организации отделов электрификации Госплана СССР» от 3 декабря 1954 г. Плановики критически оценили практику планирования развития электроэнергетики, отметив, что директивы Пятого пятилетнего плана (1951–1955 гг.) об удвоении мощности электростанций не выполнены, и фактически в Госплане не организовано перспективное планирование (на 10–15 лет) основных энергетических систем страны[59]. В ЦК КПСС не оставили без внимания это собрание, которое, несмотря на его «закрытый» характер, несомненно, получило известность среди плановиков. Там постарались не допустить роста «антипартийной» критики Госплана, СССР и установленной практики планирования[60].

Все эти факты указывают, что в середине 1950-х гг. Госплан СССР не был способен в полной мере осуществлять свою

---

[57] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 89. Д. 143. Л. 136–152.

[58] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 140. Л. 13, 18–20; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 5. Л. 121, 122, 129, 130; *Бор М.* О некоторых вопросах национального дохода социалистического общества // Вопросы экономики. 1954. № 10. С. 79–90.

[59] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 140. Л. 2.

[60] Там же. Л. 3, 4.

функцию планирования, тем более он не мог стать центром разработки программы экономических реформ.

Но Хрущев не мог просто проигнорировать Госплан СССР. Он не мог, сконструировав новое народнохозяйственное учреждение, поручить исключительно ему, без участия Госплана СССР, разработать программу экономических реформ, так как директивное планирование являлось одной из основ советской общественно-экономической системы, причем оно же должно было стать «несущей конструкцией» программы реформ. А главное состояло в том, что именно от Госплана СССР зависело, будет ли реализовано то или иное экономическое решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР, сможет ли та или иная «группа влияния» добиться своих целей. Аппарат Госплана СССР, особенно его отраслевые отделы, обладал большим влиянием и порой позволял себе отстаивать собственные позиции и интересы во взаимоотношениях не только с министерствами, государственными комитетами и совнархозами, но даже с ЦК КПСС и Советом Министров СССР.

Таким образом, чтобы разработать и реализовать реформу управления советской экономикой, Хрущев должен был начать с реформирования Госплана СССР.

На заседании Президиума ЦК КПСС 20 декабря 1954 г. Хрущев внес предложение о перестройке работы Госплана СССР и разработке мер по совершенствованию механизма планирования развития экономики. Мы располагаем только протоколом заседания, но даже из повестки дня видно, что инициатива реформирования Госплана СССР принадлежала именно Хрущеву, а не Маленкову, и что вопрос о планировании рассматривался вместе с вопросом об организации Всесоюзного совещания по ведущим отраслям промышленности, которому предстояло обсудить новую модель развития советской экономики[61]. По итогам заседания Президиум ЦК КПСС поручил председателю Госплана СССР М.З. Сабурову подготовить предложения о реформировании Госплана СССР.

Записка, направленная 5 февраля 1955 г. Сабуровым в Президиум ЦК КПСС характеризует основные проблемы Госплана

[61] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 119. Л. 1, 2.

СССР как центрального органа планирования развития народного хозяйства[62].

В преамбуле записки самокритично отмечалось: «Существующий уровень государственного планирования не соответствует возросшим задачам по дальнейшему подъему народного хозяйства. В развитии народного хозяйства в настоящее время имеют место отдельные диспропорции, в известной мере связанные с недостатками в государственном планировании. Не преодолена до конца чрезмерная централизация планирования, сковывающая инициативу министерств и местных органов и мешающая мобилизации внутренних ресурсов»[63]. Недостатки в работе Госплана были отмечены по всем направлениям: перспективное и территориальное планирование, планирование капитального строительства и материально-технического снабжения. Отмечалось также отсутствие серьезного технико-экономического обоснования плановых решений. Среди причин провалов в работе Госплана СССР одной из самых важных указывалась «слабая связь Госплана с научными организациями». «<…> Недостаточно изучается и учитывается в планах передовой отечественный опыт, а также технические достижения зарубежных стран. Госплан СССР все еще мало привлекает к разработке планов, в том числе и перспективных планов, Академию наук СССР, научно–исследовательские институты министерств и ведомств»[64].

Хотя у нас отсутствуют архивные доказательства, сосредоточение внимания на этой проблеме, по нашему мнению, отражало позицию не столько Сабурова, сколько Хрущева, считавшего, что усиление взаимодействия Госплана СССР с научными организациями позволит изменить практику планирования, а там, возможно, и саму модель экономического развития. Последующие действия Хрущева подтверждают это предположение. По итогам обсуждения записки Сабурова Президиум ЦК КПСС 14 марта 1955 г. принял решение: «Необходимо перестроить

---

[62] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 2. Л. 71–79.
[63] Там же. Л. 71.
[64] Там же. Л. 75.

работу Госплана, отделив функции текущего характера от разработки вопросов перспективного планирования»[65].

Это решение дало начало первой из шести реформ Госплана СССР в течение 1955–1965 гг., которые охватили все стороны его деятельности: практику планирования, полномочия, подчиненность, внутреннюю структуру. Эти реформы сопровождались понижением статуса председателя Госплана в системе высшей и центральной государственной власти, а также регулярной сменой его руководства и обновления кадрового состава плановиков[66]. Реформы Госплана остались в тени других реформ Хрущева, т.н. «совнархозовской» реформы 1957 г. и реформы партийного аппарата 1962 г., хотя архивы и свидетельства современников показывают, что «государственное планирование <...> находилось под постоянным вниманием и контролем Хрущева»[67].

Но главное, что реформы Госплана СССР предполагали переход от функционировавшей в 1930 – первой половине 1950-х гг. вертикально интегрированный модели планирования, когда все функции планирования были сосредоточены в одном учреждении, к новой, децентрализованной, модели, основанной на разделении между разными хозяйственными органами и учреждениями функций статистического учета, перспективного и текущего планирования, оперативного управления экономикой, а также отраслевого и секторального планирования. Децентрализация системы планирования стала характерной особенностью реформаторства Хрущева в области государственного управления экономикой.

Изучение архивных документов[68] приводит нас к согласию с авторитетным мнением российского и американского исследователей Ю.Я. Ольсевича и П. Грегори относительно Хрущева: «Институциональные преобразования он, как правило, тесно

---

[65] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 214. Л. 22; Ф. 3. Оп. 10. Д. 132. Л. 2.

[66] *Некрасов В.Л.* Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955–1964 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 66–69.

[67] *Байбаков Н.К.* Указ. соч. С. 131.

[68] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 178, 179.

связывал с постановкой перед реформируемыми органами вполне конкретных практических задач»[69].

Но в деятельности Хрущева, думается, можно усмотреть и более сложные стратегии. Например, такие как «институциональная реконструкция», когда на основе «унаследованных» органов власти и управления реформатор пытается создать новые структуры, способные осуществлять управление экономикой по–новому. Здесь же можно говорить об «институциональной конкуренции» – создании порядка, обеспечивающего конкуренцию между различными государственными органами и учреждениями для повышения эффективности их работы при решении общих задач.

Изучение широкого круга источников, включающего записки, направленные Хрущевым в Президиуме ЦК КПСС, стенограммы выступлений советского лидера и замечания, оставленные им к проектам решений позволяют нам определить достаточно точно содержание этих стратегий. Стратегия «институциональная реконструкция» предполагала ликвидацию практики «рвачества» в работе Госплана. В ноябре 1956 г. на Пленуме ЦК КПСС Хрущев в достаточно эмоциональной и критической форме назвал «рвачество» или «рваческую войну» главным пороком в работе Госплана, унаследованным от сталинской эпохи: «... когда подходит время утверждения пятилетки или годового плана, то идет война, невероятная идет война, я бы сказал, рваческая война, каждый со злобой рвет. Как только утвердили, наступает полное затишье в первом квартале. Уже во втором квартале начинают спихивать средства, которые вырвали, начинают, как бы кому их уступить, потому что видят, что материалами не обеспечены и эти средства не будут использованы»[70]. Фактически «рвачество» означало, что министерства стремились получить как можно больше капитальных вложений под отраслевые проекты либо добиться включения их в титульные списки, не располагая еще проектной документацией, экспертным заключением, оборудованием, материалами и трудо-

[69] *Ольсевич Ю.А., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 37.
[70] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 39–46.

выми ресурсами. «Рвачество» встречается в документах ЦК КПСС и Госплана в 1955–1957 гг. После 1957 г. оно исчезает из бюрократического дискурса, что может указывать о временном решении проблемы, но во второй половине 1962 г. вновь возникает в записках и выступлениях Хрущева как главная проблема планирования советской экономики и возвращается в бюрократический дискурс в 1963–1964 гг.[71]

В создании и существовании децентрализованной модели планирования можно выделить два основных этапа.

Первый этап – с мая 1955 по май 1957 гг. – время функционирования Государственной экономической комиссии Совета Министров (Госэкономкомиссия) СССР, которая занималась вопросами текущего планирования народного хозяйства (оперативное управление и разработка годовых планов) и Государственной плановой комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства (Госплан СССР), которая занималась вопросами перспективного планирования (пятилетние и долгосрочные планы развития отраслей экономики на 10–15 лет, разработка программ модернизации транспортной и энергетической систем).

Второй этап – с февраля 1959 по ноябрь 1962 гг. – время функционирования Государственного научно-экономического совета (Госэкономсовета) Совета Министров СССР (перспективное и долгосрочное планирование и разработка проблемных вопросов развития народного хозяйства) и Государственного планового комитета Совета Министров СССР (текущее планирование и оперативное управление экономикой). На этот период приходится достижение Хрущевым наибольшего политического веса и пика его реформаторской деятельности.

В историографии более детально исследован первый этап функционирования децентрализованной модели планирования, в то время как второй этап, более значимый с точки зрения содержания и результатов, остался практически не изученным.

---

[71] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 611, 790, 791; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 603. Л. 28; Ф. 52. Оп. 1. Д. 267. Л. 49; Д. 266. Л. 32–34, 43; Д. 337. Л. 153, 162, 163; Д. 338. Л. 32, 33, 82, 84; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 55. Д. 2. Л. 76, 77; Ф. 9573. Оп. 1. Д. 596. Л. 128–130.

Историки, скорее, даже не придают особого значения истории Госэкономсовета[72], ставшего в 1959–1962 гг. бюрократическим центром экономического реформизма в СССР. Единственной известной нам работой, посвященной деятельности Госэкономсовета является монография А.Б. Безбородова. Однако в ней автор изучает Госэкономсовет только в контексте научно-технической политики, не затрагивая институциональные аспекты его деятельности[73].

Именно в 1959–1962 гг. Хрущев оказался наиболее близок к решению ключевой задачи – «сконструировать» государственные органы и учреждения, способные разработать предложения по реформированию советской экономики и в итоге «изобрести» новую модель экономического развития. Первым и основным таким органом стал Госэкономсовет.

Кроме того, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. важным элементом политики Хрущева стало привлечение ученых к решению социально-экономических и научно-технических проблем развития СССР[74]. Архивы показывают, что на рубеже 1950-х – 1960-х гг. в ЦК КПСС и Совете Министров СССР сформировался спрос на новые экономические знания, чтобы экономисты «давали» и «помогали»[75]. Безусловно, некоторые члены Президиума ЦК КПСС были убеждены в том, что экономисты и могут, и должны решить поставленную на XXI съезде КПСС историческую задачу догнать передовые капиталистические страны по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения.

[72] *Sutela P.* Economic Thought and Economic Reform in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 53, 54; *Nove A.* Op. cit. P. 350; *Peters B.* How not to network a nation. The uneasy history of the soviet internet. Cambridge, 2015. P. 102; *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 250–256, 262.

[73] *Безбородов А.Б.* Указ. соч. С. 93.

[74] Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. Т. I. М., 1959. С. 61; Т. II. М., 1959. С. 201.

[75] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 95. Д. 936 Л. 9; Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени… Т. 2. С. 746.

Госэкономсовет был образован 20 февраля 1959 г. постановлением Совета Министров СССР № 209 «в целях всестороннего изучения экономических вопросов, возникающих в ходе хозяйственного и культурного строительства, а также рассмотрения предложений по развитию производительных сил страны»[76]. Одновременно в конце января – середине февраля 1959 г. Президиум Академии наук принимает ряд решений по развитию прикладных экономических исследований. 23 января 1959 г., накануне XXI съезда КПСС, Президиум Академии наук СССР образовал специальную комиссию по исчислению стоимости в социалистическом хозяйстве и Научный проблемный совет по экономической эффективности капитальных вложений[77]. Сразу после съезда Президиум АН СССР создал комиссию для обследования деятельности экономических учреждений АН СССР и «выработки предложений по коренному улучшению работы в области экономических наук в свете задач, поставленных XXI съездом КПСС»[78]. 13 марта 1959 г. прошло заседание Президиума АН СССР, Коллегии Госплана СССР и актива Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР, посвященное улучшению прикладных экономических исследований и усилению связей между Академией наук и Госпланом СССР[79].

Все эти действия можно трактовать как начало формирования новой практики разработки и принятия экономических решений в СССР и одновременно началом разработки будущей экономической реформы, реализованной уже в 1965–1967 гг.

Председателем Госэкономсовета был назначен заместитель председателя Совета Министров СССР Иосиф Иосифович Кузьмин, член «команды Хрущева», с мая 1957 – по февраль 1959 гг. возглавлявший Госплан СССР и руководивший подготовкой директив к семилетнему плану (1959 – 1965 гг.)[80].

---

[76] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 685. Л. 120, 121.
[77] *Немчинов В.С.* Указ. соч. С. 381, 382.
[78] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 115. Л. 11.
[79] Там же. Л. 12–16.
[80] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 17, 37.

11 мая 1959 г. постановлением Совета Министров СССР №489 была утверждена структура Госэкономсовета, включавшая Секретариат и восемь отделов: Отдел общих экономических проблем развития народного хозяйства, Отдел размещения производительных сил и комплексного использования природных ресурсов, Отдел по топливно-энергетическим проблемам, Отдел экономики и развития тяжелой промышленности, Отдел экономики и развития производства предметов народного потребления и товарооборота, Отдел экономики и развития транспорта, Отдел экономики и развития сельского хозяйства, Отдел экономических обобщений. Поначалу Госэкономсовет не обладал никакими управленческими полномочиями, а в 1959 г. штат его сотрудников составлял всего 190 человек (для сравнения: в 1959 г. в Госплане СССР трудилось 2500 человек, Госстрое СССР – 610 человек, в Государственном научно-техническом комитете СССР – 350 человек)[81].

Изучение протоколов заседаний Коллегии Госэкономсовета (всего с августа 1959 по апрель 1960 г. прошло 10 заседаний) показывает, что его научно-аналитическая деятельность состояла в составлении долгосрочных прогнозов, экспертизе проекта плана на 1960 г., разработке методики расчета экономической эффективности капитальных вложений, снижения издержек и ценообразования в отдельных отраслях народного хозяйства[82]. По сути, Госэкономсовет являлся консультативным органом Совета Министров СССР. Во второй половине 1959 – начале 1960 гг. он фактически находился в стадии формирования, и его влияние на разработку и принятие экономических решений было минимальным.

Архивные документы подтверждают свидетельства современников о том, что Хрущев «с самого начала вхождения во власть пытался создать на базе совета некую структуру, обеспечивающую поступление свежих, плодотворных идей наверх, но без особого успеха»[83]. Хотя, возможно, в 1959 г. Хрущев еще не решил, какими полномочиями и функциями наделить Госэко-

---

[81] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 99. Д. 15. Л. 26, 27, 32, 33, 34, 35.
[82] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–8, 93–96, 148–151; Д. 2 Л. 3–5, 294–296.
[83] *Хрущев С.Н.* Указ. соч. С. 844.

номсовет. По всей видимости, окончательно концепция этого нового государственного органа у Хрущева сформировалась в конце 1959 – начале 1960 гг.

В ноябре 1959 г. Кузьмин представил проект нового Положения о Госэкономсовете, в котором значительно расширялись его функции. На Госэкономсовет возлагались перспективное планирование, подготовка предложений по широкому кругу вопросов развития советской экономики, изучение основных направлений развития экономических связей и международного разделения труда между социалистическими странами, изучение экономики капиталистических стран. В Госэкономсовете предполагалась организация экспертных комиссий и более двух десятков постоянных секций по разработке различных направлений развития экономики СССР. Эти предложения означали трансформацию Госэкономсовета из консультативного органа в системе Совета Министров СССР в центральное учреждение, способное оказывать серьезное влияние на разработку и принятие экономических решений.

Интересна реакция различных ведомств на предложения о расширении функций Госэкономсовета. Согласно порядку, установленному в командно-административной системе управления экономикой, заинтересованные ведомства готовили свои замечания и предложения по проектам совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

В конце ноября 1959 г. – начале января 1960 г. проект постановления был рассмотрен союзными и союзно-республиканскими министерствами и ведомствами.

Можно выделить две основные группы министерств и ведомств: те, которые в целом поддержали это предложение, внеся определенные коррективы, касающиеся в основном структуры и порядка взаимодействия Госэкономсовета с союзными и союзно-республиканскими министерствами и ведомствами, и те, которые не поддержали это предложение, посчитав, что его претворение в жизнь породит дублирование и ущемление прав министерств и ведомств[84].

[84] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 94. Д. 301. Л. 48–50.

Например, в Госкомитете по машиностроению СССР, поддержав предложения практически по всем пунктам, особо выделили, что «основным содержанием плана работы Госэкономсовета на ближайшее время должна явится разработка проблем, связанных с составлением перспективного 15-летнего плана развития народного хозяйства Советского Союза»[85]. А в Госплане СССР заняли отрицательную позицию по всем предложениям о расширении функций Госэкономсовета, считая, что последний будет дублировать работу Госплана СССР[86].

Опасения председателя Госплана СССР А.Н. Косыгина вскоре оправдались: Госэкономсовету полностью передавалось перспективное планирование, и, соответственно, ему переподчинялись Научно-исследовательский экономический институт, Вычислительный центр, Научно-исследовательский институт планирования и нормативов, ранее подчиненные Госплану СССР, а также Совет по изучению производительных сил АН СССР.

13 января 1960 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был рассмотрен проект Положения о Госэкономсовете и замечания министерств и ведомств. В ходе заседания Хрущев внес предложение о «существовании двух Госпланов»[87]. В протоколе зафиксирована критическая оценка Косыгина: ни Госплан, ни Госэкономсовет не готовы к выполнению возлагаемых на них функций оперативного управления и перспективного планирования. По итогам заседания для обсуждения и решения спорных вопросов была создана комиссия в составе членов Президиума Совета Министров СССР Ф.Р. Козлова, А.Н. Косыгина, А.И. Микояна, секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского, председателя Совета Министров УССР Н.Т. Кальченко и председателя Госплана РСФСР В.Н Новикова.

Но уже в период обсуждения и доработки проекта постановления начинается трансформация Госэкономсовета из консультативного органа в центр экономического реформизма и учреждение, интегрированное с другими бюрократическими и

[85] Там же. Л. 8–10.
[86] Там же. Л. 44–46.
[87] Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Т. 1. М., 2015. С. 436.

академическими структурами. 2 февраля 1960 г. Совет Министров СССР принял постановление № 111 «О составе Государственного научно-экономического совета Совета Министров СССР», предусматривавшего утверждение членами Госэкономсовета ряда крупных ученых, в том числе ведущих экономистов и статистиков – академиков А.А. Арзуманяна, В.С. Немчинова, С.Г. Струмилина, директора Института экономики АН СССР К.Н. Плотникова, первого заместителя председателя ЦСУ СССР И.С. Малышева[88].

7 апреля 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 388 «О дальнейшем совершенствовании дела планирования и руководства народным хозяйством», закрепившем за Госпланом СССР разработку вопросов текущего народнохозяйственного планирования и координацию хозяйственной деятельности союзных республик, а за Госэкономсоветом – «всю работу по перспективному планированию», в том числе разработку планов на 5–7 и 20 лет[89].

В итоге в Госэкономсовете происходит значительное увеличение количества отделов с 11 до 37 и штатной численности сотрудников со 190 до 1100 человек[90].

В итоге в СССР возникла децентрализованная модель планирования советской экономики.

Изучение отечественных архивных документов показывает, что реформа планирования 1959–1960 г. не сводилась к административной реорганизации, а отражала как стремление Хрущева воплотить идеи, которые он вынашивал на протяжении 1954–1959 гг., так и реальную практику планирования народного хозяйства.

Ключевая идея, которую Хрущев стремился воплотить в этой реформе, состояла в том, что «Госплан должен быть экономическим барометром, который должен резко реагировать на всякие проявления нового в науке и практике и схватывать но-

[88] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 698. Л. 63.
[89] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 171–174.
[90] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 526. Л. 3; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 99. Д. 15. Л. 26, 27, 32, 33, 34, 35.

вое и заменять старое»[91]. В ходе реформы должны было произойти внедрение практики «непрерывного планирования», более широкое использование экономико-математических методов и электронно-вычислительных машин (ЭВМ) при разработке планов, вовлечение ученых в подготовку экономических решений.

Важнейшим новшеством в реформе было создание механизма взаимного контроля Госплана СССР и Госэкономсовета, предусматривавшего, что Госплан СССР представляет в Совет Министров СССР заключения по проектам перспективных планов развития народного хозяйства, а Госэкономсовет – заключения по проектам годовых планов[92].

Такой «институциональный дизайн» авторитарного реформатора Хрущева можно рассматривать как его попытку, используя правовые механизмы и избегая репрессий против верхов партийно-государственной бюрократии, воплотить идею о Госплане как «честном плановике», получившей отражение в трагически известном постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О Госплане» от 5 марта 1949 г. («Госплан должен быть абсолютно объективным и на сто процентов честным органом; в работе его совершенно недопустимо какое бы то ни было вихляние и подгонка цифр, “ибо попытка подгонять цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовного характера” (Сталин)»[93].

Проведение реформы планирования повлекло за собой скорую смену руководства Госэкономсовета: уже в 1960 г. Кузьмина отправили послом в Швейцарию. Вместо него председателем Госэкономсовета был назначен заместитель председателя Совета Министров СССР Александр Федорович Засядько[94], бывший министр угольной промышленности СССР, также член «команды Хрущева».

---

[91] Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Т. 1. М., 2015. С. 783; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 596. Л. 128; Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 2; Д. 259. Л. 48.

[92] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 174.

[93] Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. М., 2002. С. 281, 283.

[94] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 208.

Фактически в 1960–1962 гг. Госэкономсовет, непосредственно подчиненный Хрущеву стал центром экономического реформизма, разрабатывавший Генеральную перспективу развития народного хозяйства СССР до 1980 г., практику непрерывного планирования, методологию оценки эффективности капитальных вложений и оптимального размещения промышленного производства, хозяйственного расчета, новой системы оптовых цен в промышленности и транспортных тарифов[95].

Концептуальной основой деятельности Госэкономсовета в 1960–1962 гг. стали решения июльского (1960 г.) Пленума ЦК КПСС, поручившего Госплану и Госэкономсовету разработать методические основы установления новых оптовых цен в промышленности[96]. Это решение, инициатором, которого был Хрущев, являлось отражением его стратегии «институциональной конкуренции» – создания порядка, обеспечивающего конкуренцию между различными государственными органами и учреждениями для повышения эффективности их работы при решении общих задач. Однако в данном случае Хрущев переоценил свои возможности контролировать советскую бюрократию. Он не учел всех рисков междуведомственного конфликта, и фактически конкуренция между Госпланом и Госэкономсоветом сразу же превратилась в институциональную борьбу, в которой каждое ведомство отстаивало свою концепцию перехода к новым оптовым ценам. Госэкономсовет продвигал концепцию «цен единого уровня» для всех отраслей промышленности, Госплан – концепцию «ценовых привилегий» для тяжелой промышленности[97]. Причем председателя Госплана В.Н. Новикова поддержали первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгин и председатель Военно-промышленной комиссии Президиума Совета Министров СССР Д.Ф. Устинов.

Тем менее в 1960–1962 гг. Госэкономсовет скорее усиливал свои аппаратные позиции как центра экономического рефор-

---

[95] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 4. Д. 486. Л. 56; Д. 498. Л. 2, 3, 6, 7; Д. 656. Л. 1; Д. 757. Л. 220.

[96] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 453. Л. 37–41.

[97] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 28. Л. 45, 46.

мизма, обеспечивая координацию деятельности экономистов по разработке различных проблемных вопросов развития советской экономики и осуществляя практическую работу по перспективному планированию народного хозяйства и корректировки заданий контрольных цифр развития народного хозяйства на 1962–1965 гг. Архивы показывают, что в первой половине 1962 г. председатель Госэкономсовета А.Ф. Засядько и начальник отдела экономической эффективности Л.А. Вааг обсуждали идею по укреплению подразделений Госэкономсовета, занимающихся перспективным планированием (укрепление сводных отделов, усиление подразделений, обеспечивающих координацию планирования по экономическим районам и т.д.). Они хотели усилить также подразделения, которые обеспечивали разработку крупнейших научно-экономических проблем, решение которых должно было привести к существенному повышению экономической эффективности планирования, проектирования и хозяйственного руководства в стране[98].

Одновременно, во второй половине 1962 г. плановики из Госплана и Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР предлагали создать при Госэкономсовете Главный вычислительный центр народного хозяйства с основной задачей – переработка экономической информации для целей планирования и управления народным хозяйством, применительно к задачам Госэкономсовета, Госплана СССР, ЦСУ СССР, государственных комитетов, министерств и ведомств[99].

Реализация всех этих мер означала бы, что Госэкономсовет значительно усиливал свои аппаратные позиции в таких важных областях как обработка экономических данных, координация прикладных экономических исследований, разработка реформ, оперативное управление и перспективное планирование и влияние на принятие экономических решений в Совете Министров СССР. Эти предложения были изложены в докладе «О некоторых вопросах совершенствования планирования народного хо-

[98] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1059. Л. 3–7.
[99] РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 65. Л. 281–293.

зяйства», направленного 11 октября 1962 г. Хрущеву[100]. Однако мы не располагаем сведениями ознакомился ли Хрущев с докладом, но 10 ноября 1962 г. вместо Засядько председателем Госэкономсовета был назначен Петр Фадеевич Ломако (в 1961–1962 гг. работавший заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР), а 24 ноября 1962 г. Госэкономсовет был преобразован в Госплан, т.е. фактически ликвидирован.

Хрущев, выступая 19 ноября 1962 г. на Пленуме ЦК КПСС, объяснил это решение тем, что в повседневной деятельности задачи Госплана и Госэкономсовета «часто сталкиваются» и «случается, что перспективные вопросы развития народного хозяйства, которые нужно поручать разрабатывать Госэкономсовету, поручаются Госплану Союза и наоборот. Таким образом, нарушается тот главный принцип, который был заложен при организации этих двух важных органов»[101].

По нашему мнению, главная причина ликвидации Госэкономсовета заключалась в междуведомственной борьбе между Госпланом и Госэкономсоветом, а фактически между Засядько и группой заместителей председателя Совета Министров СССР, в которую входили Косыгин, Устинов, Новиков. В 1962 г. «яблоком раздора» стала проблема разработки и реализации экономической реформы. Если бы Хрущев поручил эту задачу Засядько, то это означало бы усиление его аппаратных позиций в Президиуме Совета Министров СССР и ослабление позиций Косыгина. По неизвестным нам причинам Хрущев не стал защищать Засядько и отстранил от работы в Совете Министров СССР, хотя отправил его в отставку только в марте 1963 г. Засядько скончался 5 сентября 1963 г. в возрасте 52 лет.

В реформе планирования 1959–1960 гг. можно увидеть и попытку Хрущева реализовать более сложные стратегии: «институциональную реконструкцию», когда на основе разделения функций Госплана СССР реформатор пытался создать Госэкономсовет как орган, способный осуществить рациональное управление народным хозяйством СССР, и «институциональную конкуренцию», когда созданием, по сути, «двух Госпланов»

[100] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1054. Л. 71–95.

[101] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 234, 235.

он намеревался выявить более действенный орган из них, а затем перераспределить ресурсы в его пользу.

2.3. Высший совет народного хозяйства СССР и Совет по науке при Совете Министров СССР (1963–1964 гг.): возможна ли была коалиция бюрократов и академиков в управлении экономикой?

История Совета по науке при Совете Министров СССР является, наравне с историей других организаций, созданных по инициативе и/или поддержке Н.С. Хрущева (Госэкономсовет СССР, Госкомитет по науке и технике СССР, ВСНХ СССР) малоизученной и периферийной в историографии. Главная причина такой ситуации заключается в нежелании историков замечать и соответственно изучать малые институциональные изменения, концентрируя все внимание на более крупных и резонансных институциональных реформах в экономике и научно-технической политике в первой половине 1960–х гг. (реформы АН СССР в 1961 г. и 1963 г., реформа партийного аппарата в 1962 г.). Таким образом, исследователи игнорируют одну из ключевых характеристик истории «оттепели»: многочисленность малых институциональных изменений, происходивших на всех уровнях институциональной иерархии. Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. многие организации функционировали от полутора до двух лет, представляя собой этап в поиске эффективных механизмов управления экономикой. Без анализа их деятельности невозможно объективно оценить институциональные реформы этого периода. История Совета по науке является важным кейсом с точки зрения понимания самоорганизации советских ученых, их коллективного участия в решении проблем экономики и научно-технического прогресса, поиска эффективных механизмов управления научно-технической политикой в СССР в первой половине 1960-х гг.

Деятельность Совета по науке изучалась историками с трех точек зрения, – в контексте региональной научно-технической политики в СССР; как попытка создания независимой консультативной организации из крупных ученых; как этап научно-организационной деятельности руководителей СО АН СССР

академиков М.А. Лаврентьева и Г.И. Марчука. Одна из первых исторических оценок деятельности Совета по науке была дана академиком Н.Н. Моисеевым как удачной инициативы академика М.А. Лаврентьева, поддержанной Н.С. Хрущевым для привлечения крупных ученых с целью анализа перспектив развития страны и поиска способов преодоления тех трудностей, которые неизбежно возникают на пути прогресса. Ликвидацию Совета по науке академик Н.Н. Моисеев объясняет тем фактом, что после отставки Н.С. Хрущева, ведомства не могли мириться с существованием какого-либо органа, способного формировать собственное и независимое от бюрократического аппарата мнение[102].

Исторические исследования 1990-х – 2000-х гг. развивались в русле этих оценок. Н.Б. Лебедев и А.В. Лосик, анализируя научно-техническую политику в СССР, представили Совет по науке как попытку отхода от субъективных решений в научно-технической политике, заменив их независимым консультационным органом видных ученых, генерирующих объективный подход. Не обладая особыми правами, помимо «прямого выхода на главу правительства» и доступа к всевозможной ведомственной информации по разным научно-техническим проблемам, Совет по науке, тем не менее, оказался неудобен чиновникам. Поэтому ликвидация Совета сразу после отставки Н.С. Хрущева выглядит логичным шагом[103].

Историки, исследовавшие развитие научно-технических центров в восточных районах СССР и создание СО АН СССР, походили к оценке деятельности Совета с аналогичных позиций.

Е.Г. Водичев рассматривает создание Совета сквозь призму характерной для того времени идеологии расширения самоуправления, а ликвидацию – как следствие противостояния ведомств[104]. Е.Т. Артемов затронул функцию Совета по науке с точки зрения цепочки зрения создававшихся во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. государственных комите-

---

[102] Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 406.

[103] *Лебедева Н.Б., Лосик А.В.* Научно-техническая революция и политика власти // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 57, 58.

[104] *Водичев Е.Г.* Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. С. 125, 126.

тов, призванных улучшить связь науки с производством. По его мнению, несостоятельность большинства таких комитетов и подтолкнула Н.С. Хрущева принять идею М.А. Лаврентьева по созданию «мозгового центра» при правительстве. Неудача работы Совета (с точки зрения реальных институциональных изменений) объясняется автором противодействием бюрократической прослойки, не желавшей делить сферу влияния на власть[105]. Однако, Е.Г. Водичев и Е.Т. Артемов детально не анализировали деятельность Совета по науке, ограничившись ссылками на предшествующие исследования и общими оценками.

Ю.И. Узбекова рассмотрела историю Совета по науке в связи с внутренней стратегией регионального научного развития СО АН СССР[106]. Автор стремится представить Совет по науке как эффективный инструмент в руках руководства СО АН СССР для повышения престижа, привлечения финансирования и развития фундаментальных и прикладных исследований в Сибирском отделении.

Этими исследованиями ограничивается историография темы и стоит отметить, что несмотря на отдельные попытки понять глубокий смысл организации Совета, историки ограничивались узкими историческим и источниковедческим аспектами темы.

Узость исторического аспекта заключается в рассмотрении деятельности Совета по науке преимущественно в контексте региональной научно-технической политики, реформы управления научно-технической политики, персональной деятельности академика М.А. Лаврентьева.

Исследователи опираются только на один из доступных комплексов архивных материалов, посвященных Совету по науке. Эти документы, отложившиеся в ГАРФ, фонде «Совет Министров СССР» позволяют проследить историю создания, функционирования и ликвидации этой организации, но не позволяют понять мотивы Н.С. Хрущева, которые привели к учреждению Совета, определить связи Совета по науке в системе управления экономикой и научно-технической политикой (АН

---

[105] *Артемов Е.Т.* Указ. соч. С. 198–199.

[106] *Узбекова Ю.И.* Деятельность Совета по науке при Совете Министров СССР (1963–1964) в контексте региональной научной политики СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 13–16.

СССР, Государственный комитет по науке и технике СССР, Госплан СССР), понять влияние как Совета, так и отдельных его членов на принятие решений в приоритетных направления экономической и научно-технической политики (например, программа развития химической промышленности в 1963–1964 гг. и подготовка экономической реформы в 1964 г.).

В нашем исследовании мы, опираясь на более широкий круг архивов, включающий РГАНИ, РГАЭ, ГАРФ, Архив РАН, рассматриваем историю Совета по науке как коллективную деятельность группы влиятельных ученых и бюрократов по конструированию эффективных институтов для управления научно-технической политикой и усиления своего влияния на принятие государственных решений.

Совет по науке при Совете Министров СССР был образован 7 февраля 1963 г. постановлением Совета Министров СССР[107]. Согласно постановлению, Совет по науке обладал правом вносить в Совет Министров СССР рекомендации по наиболее полному использованию возможностей, открываемых отечественной и мировой наукой для обеспечения быстрейших темпов развития технического прогресса народного хозяйства в стране. Совет также получал право привлекать к работе министерства и ведомства, научные и проектные организации, предприятия и отдельных работников. Фактически этим ограничивались формальные права Совета, однако его положение как органа при Правительстве расширяло формальные полномочия и обеспечивало доступ к ведомственной информации по вопросам социально-экономической и научно-технической политики. Архивы показывают, что министерства и ведомства, включая Высший совет народного хозяйства СССР, руководимый Д.Ф. Устиновым не игнорировали запросы и предложения Совета по науке. Как совершенно точно отметила Ю.И. Узбекова, в полномочия Совета не входили проблемы развития научных дисциплин и планирование научно-исследовательских разработок, которые остались в компетенции АН СССР и Государственного комитета по науке и технике СССР. Таким образом,

[107] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 749. Л. 196, 197.

центральная роль Совета подчеркивалась именно в «прикладной» ориентации научных исследований[108].

В истории создания Совета по науке остаются не разработанными два принципиальных вопроса. Первый вопрос, – каковы были мотивы Н.С. Хрущева и академика М.А. Лаврентьева инициировать учреждение Совета? Второй вопрос, – каким образом формировался состав Совета?

Академики М.А. Лаврентьев и Г.И. Марчук указывают, что инициатива создания Совета по науке исходили от Н.С. Хрущева[109]. Ю.И. Узбекова, ссылаясь на свидетельства М.А. Лаврентьева и Г.И. Марчука считает, что появление Совета по науке было связано со стремлением использовать различные консультационные органы с участием ученых для решения принципиальных задач научно-технического развития. Эта точка зрения находит подтверждение в архивах. В первой половине 1960-х гг. при Государственном комитете по координации научно-технических исследований СССР, Государственном научно-экономическом совете СССР и Государственном комитете по автоматизации и машиностроении СССР создавались общественные научные советы и временные комиссии, объединявшие академических ученых и специалистов. В начале 1963 г. президент АН СССР М.В. Келдыш отмечал, что общественные советы себя оправдали и считал целесообразным создавать консультативные советы по науке в экономических районах[110].

Вдумчивое изучение архивов наводит на мысль о том, что создание Совета по науке было не локальным событием, а частью проблемы поиска эффективных институтов научно-технической политики. На вторую половину 1962 – начало 1963 гг. приходится один из пиков такой дискуссии, в которую были вовлечены академические ученые и министерская бюрократия.

Министерская бюрократия предлагала расширить полномочия Государственного комитета по координации научно–

---

[108] *Узбекова Ю.И.* Деятельность Совета по науке при Совете Министров СССР (1963–1964) в контексте региональной научной политики СО АН СССР // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 14.
[109] Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 184, 220.
[110] Архив РАН. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 7. Л. 4, 5.

технических исследований СССР в области обеспечения единой общегосударственной технической политики в решении важнейших комплексных научно-технических проблем, усиления централизации руководства работой по изучению зарубежных достижений науки и техники и обмену научно-техническим опытом с зарубежными странами[111].

Академические ученые считали, что необходимо не столько расширить полномочия, сколько перестроить работу Государственного комитета по координации научно-технических исследований СССР, который должен сосредоточить свою деятельность на руководстве разработкой ряда крупных комплексных проблем научно-технического прогресса, опираться на государственные комитеты и АН СССР и доводить решение этих проблем до внедрения в производство – по типу Военно-промышленной комиссии Президиума Совета Министров СССР. Эту точку зрения неоднократно озвучивал академик М.В. Келдыш[112]. Аналогичную позицию занимал академик Н.Н. Семенов. Однако для него оптимальной формой объединения управления, фундаментальной, прикладной науки и производства выступал Специальный комитет № 1 («Атомный проект»)[113].

Мы располагаем рядом свидетельств раскрывающих мотивы Н.С. Хрущева. По мнению С.Н. Хрущева, Никита Сергеевич Хрущев «давно испытывал потребность иметь рядом с собой энциклопедически образованного, мыслящего по-государственному ученого, к которому он мог бы обратиться за советом, какое из научных направлений поддержать, а какое можно и попридержать. При этом ученый-советник, как представлялось отцу, должен стоять выше академических дрязг, подсиживаний, но знать все о подспудных процессах, происходящих в научной среде. В общем фигура получалась нереально идеальной»[114]. В конце 1950-х гг. Н.С. Хрущев поддерживал тесные деловые отношения с рядом академиков – Н.Н. Семеновым (по вопросам развития химической промышленности), М.А. Лаврентьевым

---

[111] РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 66. Л. 79–84; Д. 226. Л. 378–383.
[112] РГАНИ. Ф. 52 Оп. 1 Д. 267. Л. 76; Архив РАН. Ф. 1729. Оп. 1 Д. 7. Л. 3.
[113] РГАНИ. Ф. 76 Оп. 1. Д. 3. Л. 54, 55.
[114] *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 540.

(создание СО АН СССР), И.В. Курчатовым (разработка ядерного оружия). В начале 1960 г. Н.С. Хрущев и И.В. Курчатов договорились, что последний официально станет советником по науке председателя Совета Министров СССР[115]. Однако вследствие скоропостижной смерти И.В. Курчатова 7 февраля 1960 г. эта идея осталась нереализованной. Почему Н.С. Хрущев не реализовал эту идею в 1960–1962 г. точно не известно. Возможно он считал, что в тот момент среди советских ученых не было человека равного И.В. Курчатову либо предположил, что реорганизованный в январе-апреле 1960 г. Государственный научно-экономический совет СССР станет «мозговым трестом» Совета Министров СССР[116]. Однако Госэкономсовет СССР был бюрократической организацией, хотя и активно взаимодействовавшей с ведущими учеными АН СССР и высшими учебными заведениями.

Впервые идею Совета по науке Н.С. Хрущев публично представил 9 января 1963 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Заседание было посвящено улучшению организации планирования народного хозяйства СССР. Предложение о создании консультативного органа при союзном правительстве было высказано Н.С. Хрущевым при обсуждении организационной формы Государственного комитета по координации научно–исследовательских работ СССР. Н.С. Хрущев предложил создать Научно-технический комитет при Совете Министров СССР. Функции комитета должны заключаться в том, чтобы ученые обсуждали актуальные вопросы развития экономики с точки зрения современных достижений науки: «на каком уровне мы ведем работы, используем ли все возможности, которые созданы наукой на сегодняшний день»; представляли рекомендации в Совет Министров СССР; и, возможно самое главное, Научно-технический комитет «должен писать кляузы на Госплан ..., но не в плохом смысле кляузы, а в том отношении, чтобы помочь Правительству, чтобы эта отрасль велась на нужном уровне, не на том, на каком сейчас ведется». Последняя функция Комитета отражала стремление Н.С. Хрущева найти

---

[115] *Хрущев Н.С.* Воспоминания: избранные фрагменты. М., 2007. С. 479, 480.

[116] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 436.

эффективные механизмы контроля над Госпланом СССР. По идее Хрущева, Научно-технический комитет должен был организовывать предварительное рассмотрение планов, разрабатываемых Госпланом СССР, чтобы эти планы «были разработаны на уровне возможностей, которые имеются на сегодняшний день в науке и в той отрасли, какую мы планируем» [117]. Такой образ Научно-технического комитета при Совете Министров СССР практически полностью совпадал с образом «раннего» Госплана (1921–1923 гг.) как «совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники», обладающих «наибольшими данными для правильного суждения о делах»[118]. Изучение множества архивных документов указывает, что Н.С. Хрущев рассматривал организацию Совета по науке как обобщение своего практического опыта государственного управления с конца 1940-х – до начала 1960-х гг. (особенно стоит выделить опыт организации подготовки экспертами проектов постановлений Совета Министров СССР в период партийной работы Н.С. Хрущева на Украине в конце 1940-х гг. и организации взаимодействия ученых и плановиков при разработке программы химической промышленности в 1957–1958 гг.)[119].

---

[117] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 694, 695, 696.
[118] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 217.
[119] *Некрасов В.Л.* Нефтехимический проект Н.С. Хрущева…

Глава 3

Экономическая власть Н.С. Хрущева, нефтехимический проект и модернизация советской экономики (1957–1964 гг.)

3.1. Н.С. Хрущев, полимерная революция и Холодная война

Возникновение, развитие и кризис советского нефтехимического проекта совпадает с реформаторской активностью Н.С. Хрущева. Советский лидер стремился найти эффективные институты и практики управления советской экономикой, будучи убежденным в способность науки и технологий ускорить коммунистическое строительство в СССР[1].

В 1957–1958 гг. коалиция ученых (академики Н.Н. Семенов, В.А. Каргин, А.Н. Несмеянов), плановиков и министров (А.Ф. Засядько, С.М. Тихомиров, Д.Ф. Устинов, В.Д. Калмыков, Н.К. Байбаков, Ю.И. Боксерман) убедила Президиум ЦК КПСС в критической важности развития химической и газовой промышленности (в противовес металлургии и угольной промышленности) для экономической и военной мощи СССР[2]. Хотя инициатива принадлежала ученым, обращает внимание, что академики заручились поддержкой влиятельных представителей военно-промышленного комплекса – министра оборонной промышленности Д.Ф. Устинова и министра радиотехнической промышленности В.Д. Калмыкова, что повысило вероятность поддержки их предложений в ЦК КПСС. В этой коалиции каждая группа интересов преследовала свои цели – академические ученые – расширения финансирования химических исследований и строительства новых институтов, представители ВПК – получения новых химических материалов и снижения зависимо-

---

[1] Там же

[2] См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 51. Л. 71–74.

сти от импорта из капиталистических стран компонентов для производства военной техники[3], руководители нефтегазового комплекса – увеличения капитальных вложений, повышения статуса их ведомств, и, что особенно важно, сохранения отраслевого управления химической и газовой промышленностью в условиях ликвидации министерств в 1957–1958 гг.[4]

Документы ЦК КПСС и свидетельства современников показывают, что Н.С. Хрущев (как и многие его современники) был сильно увлечен и восхищен идеей «пластика»[5]. Концентрация усилий по развитию нефтегазового комплекса, химической промышленности была санкционирована им, лично курировавшим стратегические программы[6]. Хотя следует отметить и обратную сторону этого восхищения – возникновение среди политического руководства нереалистических ожиданий относительно компетентности «госплановской» бюрократии развивать современную химическую промышленность, ровно как и воз-

---

[3] См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1818. Л. 3, 30.

[4] Так, несмотря на несогласие председателя Госплана СССР И.И. Кузьмина, Н.С. Хрущев поддержал предложения группы министров о сохранении Главного управления Совета Министров СССР по газовой промышленности и Министерства химической промышленности СССР (в июне 1958 г. реорганизовано в Государственный комитет Совета Министров СССР по химии), что было связано с необходимостью реализации нефтехимического проекта. – РГАЭ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 173. Л. 98–100.

[5] См.: *Барт Р.* Пластмасса // Барт Р. Мифологии. М., 2017. С. 243.

[6] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 2. М., 2006. С. 165, 174, 175; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 5; Д. 396. Л. 63–66; *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 538–542; *Федоренко Н.П.* Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М., 1999. С. 124–133. В этой связи следует считать некорректным утверждение А.Н. Артизова и О.В. Хлевнюка, что в начале 1960-х гг. председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев был сосредоточен на политических вопросах, а всеми экономическими вопросами занимался первый заместитель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. См.: Косыгин: К 112-летию со дня рождения. Каталог историко-документальной выставки / вступ. ст. А.Н. Артизова, О.В. Хлевнюка. М., 2016. С. 16.

можностей химических материалов решить структурные проблемы советской экономики.

Взгляды советского лидера, ученых и плановиков отражали восприятие ими возможностей переработки нефти и газа и создания новых полимерных материалов для модернизации экономики и повышения уровня благосостояния населения. Новые технологии и материалы возникли в ходе глобальной нефтехимической (полимерной) революции (1940–1960-е гг.)[7]. Нефтехимический проект позволял Хрущеву сохранить ведущую роль тяжелой промышленности и решить проблемы социальной ориентации советской экономики[8]. Изучение повестки Пленумов ЦК КПСС позволяет утверждать, что химической промышленности Н.С. Хрущев уделял гораздо большее значение, чем принято считать в историографии[9]. В 1958–1964 гг. было проведено два специальных, «химических» Пленума ЦК КПСС (май 1958 г. и декабрь 1963 г.) и пять Пленумов ЦК КПСС, на которых химическая промышленность являлась важной частью повестки (март 1958 г., июнь 1959 г., июль 1960 г., ноябрь 1962 г., февраль 1964 г.), а также, организованные в 1963–1964 гг. Секретариатом ЦК КПСС совещания по вопросам развития химической промышленности руководящих работников Высшего совета народного хозяйства СССР, Госплана СССР, государственных комитетов, совнархозов и ученых из академических и от-

---

[7] *Chandler A.D.* Shaping the industrial century: the remarkable story of the evolution of the modern chemical and pharmaceutical industries. Cambridge, 2009. P. 22–27, 45–50; *Ranieri R.* Adjusting Europe's Energy Policies in the "Golden" Oil Years // L'Europe et la question energetique. Le annees 1960/1980. Bruxelles, 2016. P. 18.

[8] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 301. Л. 68; Д. 312. Л. 6, 48; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 2. М., 2006. С. 40; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 628.

[9] *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 266; История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов. М., 2013. С. 309; *Артизов А., Сорокин А.* Его звали Никита // Историк. 2016. Февраль. № 14.

раслевых научно-исследовательских институтов[10]. В течение 1957–1964 гг. развитие производства полимерных материалов выступало главной линией в экономической политике страны, и происходило сближение и усиление взаимосвязи между нефтехимическим проектом и другими приоритетными для Н.С. Хрущева направлениями развития экономики, – сельским хозяйством (минеральные удобрения), жилищным строительством (коммуникации), легкой промышленностью (одежда)[11].

Нефтехимический проект эволюционировал от решений о структурном замещении черных и цветных металлов полимерными материалами (1957–1962 гг.) до выдвижения химической индустрии в качестве «локомотива» научно–технического прогресса, средства построения государства «коммунистического благоденствия» и ядра коммунистической идеологии в СССР (1963–1964 гг.).

В течение 1958–1962 гг. реализация нефтехимического проекта достигла определенных позитивных результатов[12]. По данным Госплана СССР, к 1963 году было построено 28 новых химических предприятий и введено в действие 195 крупных химических производств на действующих предприятиях. В Прибалтике, Поволжье, Сибири, Средней Азии были созданы новые центры химической и нефтеперерабатывающей промышленности[13]. В 1963 г. мощность нефтеперерабатывающих заводов выросла в 3,2 раза (по сравнению с 1954 г.). Удельный вес химической продукции, вырабатываемой из нефтяных и газовых ресурсов, увеличился с 10,7% в 1958 г. до 16% в 1963 г.[14] В экономике СССР стали более широко использоваться полимерные матери-

---

[10] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1 Д. 233 Л. 4–33; Д. 257. Л. 1–133; Д. 338. Л. 11–44, 80–100; Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 246.

[11] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 33; Президиум ЦК КПСС. 1954-1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 230, 283.

[12] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 455. Л. 45–49; Федоренко Н.П. Экономика промышленности синтетических материалов. 2-е изд. М., 1967. С. 5–11.

[13] РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1084. Л. 14, 15, 20, 21; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 662. Л. 2, 3.

[14] Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство. Т. 3. М., 1965. С. 665.

алы, особенно в машиностроении, электротехнической, электронной и текстильной промышленностях. Внедрение химических волокон способствовало модификации повседневных практик советских граждан[15]. В итоге, на XXII съезде КПСС Н.С. Хрущев мог с гордостью констатировать, что нефтегазовые ресурсы в топливном балансе составили 42%, а производство пластических масс и химических волокон увеличилась более чем в 2 раза. Экономия от перехода на более дешевое топливо за шесть лет превысила три миллиарда рублей, использование природного и нефтяного газа позволила снизить себестоимость продукции и сэкономить большое количество натурального сырья[16].

Однако архивы показывают, что несмотря на значительные капитальные вложения и организационные меры, реализация нефтехимического проекта осуществлялась с огромным напряжением и в 1961–1962 гг. в его развитии возникает кризис.

На заседаниях Президиума ЦК КПСС 17 июня 1961 и 31 мая 1962 г. было отмечено, что программа развития химической промышленности выполняется неудовлетворительно[17]. Так согласно директивам семилетнего плана развития народного хозяйства в 1959–1962 гг. должно было быть введено новых мощностей по пластмассам 841 тыс. тонн, а фактически к концу

---

[15] *Лебина Н.Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950–1960-е годы. СПб., 2015. С. 172, 173.

[16] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 г.: Стеногр. отчет. В 3-х т. Т. 1. М., 1961. С. 56.

[17] В протоколе заседания Президиума ЦК КПСС от 31 мая 1962 г. была сделана запись, что «по химической промышленности – недовыполнение, печально». – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 525, 557. Очевидно, что во второй половине 1961 г. ситуацию изменить не удалось и 20 января 1962 г. Комиссия по текущим делам Президиума Совета Министров СССР поручила Госкомитету по науке и технике СССР и Госкомитету по химии СССР с участием научно-исследовательских институтов подготовить предложения о развитии промышленности химических волокон до 1970 г. 15 мая 1962 г. в Совет Министров СССР были направлены материалы, включавшие оценку, сложившейся в отрасли ситуации и предложения по дальнейшим направлениям развития промышленности химических волокон. – РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 63. Л. 256–267.

1962 г. было введено 527 тыс. т.[18] Кризис нефтехимического проекта стал ударом по самолюбию Хрущева, который считал, что при подготовке семилетнего плана удалось устранить все прежние недостатки в работе Госплана СССР и улучшить практику планирования[19]. По мнению советского лидера, провалы произошли из–за недостаточной продуманности стратегии развития химической промышленности и нефтегазового комплекса[20].

Степень негодования Хрущева передают его многочисленные злобные выпады, как в адрес Госплана СССР, так и членов Правительства СССР: А.Н. Косыгина и В.Н. Новикова[21]. На заседании Президиума Совета Министров СССР 4 декабря 1962 г. глава правительства констатировал: «Вот смотрите, сколько я говорил, вот по химии <...> Нет правильного научно-обоснованного воображения в развитии экономики и потребностей в этих материалах. Поэтому мы по инерции больше делаем машин, но меньше шин, и новые машины получают не как машины, а чтобы шины получить. Что тут умного. Это факт, товарищи, не таращьте глаза. И вот комиссию создавали, дважды поручали Косыгину (первому заместителю Председателя Совета Министров СССР – *В.Н.*). Он тоже не поднялся до понимания этого дела. Мы приняли решение дерьмовое; план, который мы утверждаем, я думаю, что там тоже дерьма много. Но другого выхода нет, надо сейчас же это принимать, но сейчас же надо развивать, изучать более глубоко и на ходу вносить коррективы, не бояться. План – это остов и заполнение его должно быть в процессе исполнения. Это более разумно, чем, например, раньше»[22].

---

[18] Данные из записки, направленной Н.С. Хрущеву 12 ноября 1962 г. председателем Госкомитета по науки и техники СССР Рудневым и председателем Госкомитета по химии СССР Федоровым. – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 64. Д. 26. Л. 439.

[19] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 1; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 283.

[20] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 4, 5; Д. 338. Л. 91.

[21] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 221, 222;. 596. Л. 128; Ф. 52. Оп. 1. Д. 228. Л. 9, 10; Д. 266. Л. 33; Д. 267. Л. 49; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 523, 524, 560, 565, 575, 605–612.

[22] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 35.

Хрущев, столкнувшись с кризисом проекта развития нефтегазового комплекса и химической промышленности, предпринимает попытки найти новые идеи, механизмы и ресурсы для его реализации[23]. Можно выделить четыре основных направления «реконструкции» нефтехимического проекта.

Кризис нефтехимического проекта стимулировал дискуссию об эффективности централизованного планирования экономики и научно–технического развития[24].

В течение декабря 1962 – августа 1964 гг. Н.С. Хрущев активизирует институциональное строительство: 23 ноября 1962 г. образуется Бюро ЦК КПСС по химической и лесной промышленности, 7 февраля 1963 г. создается Совет по науке при Совете Министров СССР и 13 марта 1963 г. Высший совет народного хозяйства СССР. На заседании Президиума ЦК КПСС 23 декабря 1963 г. Хрущев предложил идею создания научного бюро по химии, «... которое будет вне всякой очереди рассматривать все идеи ученых и, опираясь на ученых, фильтровать это и все здоровое немедленно продвигать...», а также денежно–материального фонда для финансирования этих идей и разработок[25]. Созданием этих принципиально разных организаций – партийного отраслевого Бюро ЦК КПСС, «несистемного» академического Совета по науке и иерархического бюрократического ВСНХ СССР – Н.С. Хрущев преследовал цель формирования системы сдерживания бюрократических групп интересов, за счет усиления партийного контроля, участия академических ученых и создания альтернативных каналов поступления объективной информации в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о «неправильных» решениях Госплана СССР, и обеспечения эффективного распределения капитальных вложений химической

---

[23] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 29, 30, 173, 177, 178; Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 5; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 790.

[24] См.: РГАНИ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Д. 84; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 674, 675.

[25] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 679, 680, 790; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1 Д. 749. Л. 196, 197; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 228. Л. 2–4; Д. 337. Л. 79; Д. 357. Л. 45.

промышленности[26]. Скорее всего под влиянием предложений членов Совета по науке (академиков М.А. Лаврентьева, Н.Н. Семенова, М.В. Келдыша, А.А. Арзуманяна, В.А. Трапезникова) в конце 1963 – 1964 гг. Хрущев усиливает критику практики планирования новых отраслей промышленности[27]. На заседании Президиума ЦК КПСС 23 декабря 1963 г., посвященного реализации решений Пленума ЦК КПСС по развитию химической промышленности, Хрущев необыкновенно резко отметил, что «план – это мусорная яма для бюрократа. Он вроде все сделал, в план включил, а денег не дал и все это угробил. ... Новая мысль рождается не плану. Они рождаются ежеминутно. Вот ученые говорят, что когда новая мысль рождается, мы приходим к нему (*председателю Госкомитета по науке и технике Рудневу – прим. В.Н.*), а он говорит: не предусмотрено планом»[28]. В 1963–1964 гг. именно реализация нефтехимического проекта опреде-

---

[26] На заседании Президиума ЦК КПСС 7 июня 1963 г. Н.С. Хрущев, делавший доклад о своей поездки на предприятия химической промышленности в Ярославской области, вновь подверг критике планирование и отметил, что «... Госплан показал свою полную экономическую несостоятельность при формировании плана. Поэтому нам надо сейчас не смешивать его с дерьмом, но вмешаться в дело. Партия должна вмешаться. Нет там святых, что вроде там маги. Это арифметчики, а не маги. Он каждый год прикидывает на то, что было в прошлом году, и распределяет. Так ведь это же примитив, а не анализ экономический, научный». – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 727, 728.

[27] Архивные документы, воспоминания академика М.А. Лаврентьева и С.Н. Хрущева показывают, что в период с ноября 1963 г. по август 1964 г. членами Совета по науке были подготовлены предложения по улучшению планирования экономики и реорганизации управления научно–технической политикой, которые были либо лично переданы Н.С. Хрущеву либо направлены в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 138. Л. 15; Д. 143. Л. 33–39; Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 54, 55; АРАН. Ф. 1978. Оп. 1. Д. 129. Л. 69–72; Век Лаврентьева / Сост. Н.А.Притвиц, В.Д.Ермиков, З.М.Ибрагимова. Новосибирск, 2000. С. 183–195; Хрущев С.Н. Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 518, 519, 1006; Трапезников В. За гибкое экономическое управление предприятием // Правда. 17 августа 1964 г. № 230. С. 3, 4.

[28] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 789.

ляла повестку реформирования экономики[29]. На заседании Президиума Совета Министров СССР 24 июля 1964 г. Хрущев, критикуя практику капитального строительства химических предприятий, анонсировал новую реформу управления промышленностью, направленной, по всей видимости, на децентрализацию планирования советской экономики[30].

Перераспределение капитальных вложений «... за счет сокращения их в менее эффективных по сравнению с химией отраслях, включая металлургию ...» и использование ресурсов, включая доходы от продажи нефти и золота для «революционного скачка» в развитии нефтехимической промышленности, предполагавшего в том числе замораживание на три года капитальных вложений в металлургии, а также сокращение финансирования оборонной промышленности и вооруженных сил и перераспределение ресурсов для создания мощностей по переработке нефти, газа, производства пластмасс, волокон и минеральных удобрений. На заседании Президиума ЦК КПСС 10 января 1963 г. советский лидер предложил «разбойный метод» распределения капитальных вложений: «Я, например, считал бы, товарищи, – давайте мы заморозим наше хозяйство, если другого выхода нет, даже металлургию заморозим на три года и на три года давайте эти капиталовложения отдадим химии. После трех лет химические предприятия, которые будут построены, будут давать нам средства накопления, и тогда мы могли бы вновь вернуться к этим отраслям...». «Товарищи, если мы этот вопрос сейчас возьмем отдельно, выделим его, то тут вой поднимут, что катастрофа, провал в других отраслях. *Послать их к чертовой бабушке, взять эти деньги и пустить на это* (курсив. – *В.Н.*). Вот тогда на эти деньги мы создадим через три года кузницу, которая будет ковать деньги». «Я бы пошел на это, а остальное – что кому хватит. Но, конечно, все это надо делать разумно. Это может быть святотатство, но если на три года за-

[29] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 170, 171, 172, 173.

[30] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 51; Д. 283. Л. 84–95; *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 1005.

держать металлургию, я бы не боялся этого делать»[31]. Хрущев не скрывал логики такого радикального решения. По его мнению, иным способом не удалось бы преодолеть сопротивление групп интересов в Госплане СССР и в итоге достичь намеченных социальных и экономических целей.

Одним из механизмов «реконструкции» нефтехимического проекта являлось расширение закупки оборудования и материалов для химической и нефтегазовой промышленности за рубежом. Такая идея возникла еще в начале реализации нефтехимического проекта. В мае 1958 г. на Пленуме ЦК КПСС Хрущев высказал идею о необходимости активизировать экономическое и научно–техническое сотрудничество с социалистическими и капиталистическими странами. В капиталистическом мире глава советского правительства особенно выделял сотрудничество с США, ФРГ и Великобританией, намереваясь там приобрести часть оборудования для химической промышленности, и считая, что тем самым они «примут участие» в ускорении коммунистического строительства[32]. При Хрущеве были заключены первые компенсационные соглашения: в 1960 г. с Италией и Швецией, в 1961–1962 гг. планировалась сделка с ФРГ на поставку нефтегазового оборудования и химических материалов[33]. В конце 1963 – начале 1964 гг. Хрущев предлагал использовать для покупки химического оборудования долгосрочные кредиты, а оплачивать их за счет поставки продукции с новых предприятий [34]. Новые документы Президиума ЦК КПСС показывают, что в феврале 1964 г. Хрущев поручил Совету Министру СССР, Высшему совету народного хозяйства СССР и Госплану СССР разработать вопрос закупки химического оборудования на сумму 680 млн руб. во Франции, Италии и Великобритании за счет долгосрочных кредитов[35]. Если бы эта сделка состоялась, то на тот момент

[31] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 733, 778, 782, 783, 788, 789.

[32] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 101, 102.

[33] Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas / Editor J. Perovic. L., 2017. P. 207–210.

[34] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 802, 837.

[35] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 431. Л. 104, 105.

времени могла бы быть самой масштабной закупкой из капиталистических стран оборудования для химической промышленности[36]. Сумма планируемых долгосрочных кредитов – 680 млн руб. – составляла 82,2% от стоимости нефти и нефтепродуктов, экспортированных СССР в 1964 г.

В период с ноября 1962 по декабрь 1963 гг. нефтехимический проект эволюционирует из научно-технологического проекта в главный политико-экономический проект ЦК КПСС, интегрирующий основные направления социально-экономической политики. На заседании Президиума ЦК КПСС 10 ноября 1963 г. Хрущев предложил «... взять за основу Программу партии, обеспечение выполнение не призывами, как это мы делали до сих пор по сельскому хозяйству – надо поднажать! Вот и поднажали, – а делом обеспечить. Минеральные удобрения должны быть на первом месте, ирригация – на втором плане. Химическая промышленность – ширпотреб, ткани, обувь плюс техника. Это будут не бросовые деньги, наоборот, химия потом отдаст с превышением...»[37].

В целом выступления Н.С. Хрущева на заседаниях Президиума ЦК КПСС и Пленумах ЦК КПСС в ноябре 1962 г. – декабре 1963 г. включали множество концептуальных пассажей, что указывает на экспертную поддержку со стороны ученых и стремление советского лидера придать развитию химической промышленности новый идеологический смысл. Очевидно, что это был манифест Хрущева, обращенный к высшей партийной и государственной бюрократии, к ее гражданскому долгу, партийным чувствам и ответственности за развитие прогрессивных отраслей советской экономики[38]. Один из первых и значимых кон-

[36] В 1959–1962 гг. было импортировано оборудования для химической промышленности на 561,1 млн руб., в том числе из капиталистических стран на 427,6 млн руб. и социалистических стран – на 133,5 млн руб. – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 235. Л. 1.

[37] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 772; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 24.

[38] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 5, 31; Д. 338. Л. 11, 36, 80, 94; Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие доку-

цептуальных пассажей включен в выступление Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 5 ноября 1962 г.: «Вот мы так по металлу сейчас раскрутили, что богатство страны, мощность и сила определяется мощностью металлургических заводов и прокатных станов, мартеновских печей. Мы вот этим делом увлекаемся, когда уже в мире созданы другие материалы, которые конкурируют с металлом и которые более дешевые, более стойкие, более доступные...»[39]. Это положение было конкретизировано Хрущевым на Пленуме ЦК КПСС в ноябре 1962 г.: «Было время, когда мощь государства определялась количеством производимого металла. Для своего времени этот критерий был правильным. Но сейчас, когда созданы другие материалы, конкурирующие с металлом, этого критерия уже недостаточно. Именно – химия дает материалы более дешевые, более стойкие и более доступные. Эти материалы – полиэтилен, стеклопласты, синтетические смолы и волокна, пластмассы – находят широкое применение и в промышленности, и в строительстве, и в производстве бытовых вещей»[40]. В итоге Хрущев предпринимает попытку сконструировать на основе химии новый идеологический канон. В декабре 1963 г. на Пленуме ЦК КПСС он предложил новую формулу коммунизма: «Коммунизм – есть советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства»[41].

Таким образом, конец 1962–1964 гг., это период максимальной концентрации внимания политической власти в СССР к проблемам развития химической промышленности. Стратегия Хрущева заключалась в подготовке максимально детализированной программы капитального строительства, импорта оборудования и патентов для химической промышленности за счет использования долгосрочных кредитов, нефтяной ренты и золотовалютных запасов для расширения производства химических

менты. М., 2007. С. 246; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 766.

[39] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 630.

[40] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 222.

[41] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 23; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 398.

материалов и увеличения их экспорта с целью восстановления валютных резервов страны. Материалы Пленумов ЦК КПСС, заседаний Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и совещаний говорят, что советский лидер связывал с реализацией нефтехимического проекта исполнение множества социальных обязательств перед советскими гражданами, включая снижение розничных цен на ткани, одежду, обувь, снижение оплаты дошкольного образования, предоставление бесплатного питания детям, повышение оплаты труда[42]. В записке Н.С. Хрущева, подготовленной для членов Президиума ЦК КПСС 29 марта 1963 г. указывалось, что «нам, нашей стране, которая имеет огромные залежи газа и нефти, надо это сырье использовать и сделать его источником богатства нашей страны. Мы можем быть даже большими экспортерами минеральных удобрений и других химических продуктов, сырьем для которых является газ и нефть, во многие страны Европы, я уже не говорю об азиатских странах. Поэтому мы могли бы стать конкурентами, возможно, Западу». Хрущев считал необходимым поручить Госплану СССР и Государственному комитету по химии СССР оценить возможности химической промышленности, «чтобы мы могли уже наступать на капиталистический рынок и там проявлять себя»[43]. Архивные документы показывают, что советский лидер осуществлял поиск новых подходов к развитию нефтехимического проекта вплоть до отставки в октябре 1964 г.[44]

После отставки Хрущева новое политическое руководство начало демонтаж нефтехимического проекта. Ликвидируются институты, обеспечивавшие реализацию нефтехимического

---

[42] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 662. Л. 127–136; Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 42–51.

[43] Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени… Т. 2. С. 719, 720, 722; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 151. По расчетам Госплана СССР и Министерства внешней торговли СССР экспорт минеральных удобрений должен был возрасти с 1,65 млн т. в 1965 г. до 5,96 млн т. в 1970 г. – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 823. Л. 9.

[44] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 42, 51; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 855, 858; Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 745; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени…Т. 2. С. 750, 751.

проекта – Бюро ЦК КПСС по химической и лесной промышленности, ВСНХ СССР и Совет по науке. В конце 1964 – начале 1966 гг. в ЦК КПСС решения по развитию химической промышленности были пересмотрены и признаны неправильными. На XXIII съезде КПСС Первый секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев отметил, что «жизнь опрокинула неправильную точку зрения, будто в наше время, когда появились полимерные материалы, потребность в металле будет резко сокращаться. Такая точка зрения оказала отрицательное влияние на развитие металлургии»[45]. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин констатировал, что «объем производства химической продукции в пятилетии значительно повысится, но по некоторым видам продукции он все же будет несколько ниже, чем проектировалось в ранее принятых решениях. Это, конечно, не означает ослабления внимания к химии, а является реальным подходом к делу»[46]. Эти решения имели долгосрочные последствия для развития химической промышленности в СССР.

3.2 Нефтехимический проект и отраслевые группы интересов в советской экономике

Программа развития химической промышленности, принятая на Пленуме ЦК КПСС в мае 1958 г. предусматривала в 1959–1965 гг. строительство 140 и реконструкцию 130 предприятий. Общий объем капитальных вложений в строительство предприятий химической промышленности, химического машиностроения и научно–исследовательские работы составляли 100–105 млрд рублей против 18,4 млрд рублей в 1952–1958 гг. Удельный вес капитальных вложений в химическую промышленность в общих капитальных вложениях в экономику должен был повыситься с 2,1% в 1958 г. до 4,6% в 1965 г.[47]

[45] XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта – 8 апреля 1966 г.: Стеногр. отчет. В 2–х т. Т. 1. М., 1966. С. 60.

[46] XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта – 8 апреля 1966 г.: Стеногр. отчет. В 2–х т. Т. 2. М., 1966. С. 25.

[47] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 89, 100, 101; *Федоренко Н.П.* Экономика промышленности синтетических материалов. М., 1961. С. 8.

Однако, как было показано в предыдущем разделе, в 1961–1962 гг. в реализации нефтехимического проекта возникает кризис. На заседаниях Президиума ЦК КПСС 17 июня 1961 и 31 мая 1962 г. было отмечено, что программа развития химической промышленности плохо выполняется[48].

Хрущев считал, что провалы произошли из–за недостаточной продуманности стратегии развития химической промышленности и нефтегазового комплекса[49]. Глава правительства обвинял Госплан СССР в консерватизме и неспособности реализовать программу развития химической промышленности[50].

Экономисты М. Олсон, П. Боеттке, П. Грегори описывали позднесоветскую экономику, в которой группы интересов боро-

---

[48] В протоколе заседания Президиума ЦК КПСС от 31 мая 1962 г. была сделана запись, что «по химической промышленности – недовыполнение, печально». – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 525, 557.

[49] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 4, 5; Д. 338. Л. 91. Степень негодования Н.С. Хрущева передает его речь на заседании Президиума Совета Министров СССР 4 декабря 1962 г.: «Вот смотрите, сколько я говорил, вот по химии <...> Нет правильного научно–обоснованного воображения в развитии экономики и потребностей в этих материалах. Поэтому мы по инерции больше делаем машин, но меньше шин, и новые машины получают не как машины, а чтобы шины получить. Что тут умного. Это факт, товарищи, не таращьте глаза. И вот комиссию создавали, дважды поручали Косыгину (первому заместителю Председателя Совета Министров СССР – *В.Н.*). Он тоже не поднялся до понимания этого дела. Мы приняли решение дерьмовое; план, который мы утверждаем, я думаю, что там тоже дерьма много. Но другого выхода нет, надо сейчас же это принимать, но сейчас же надо развивать, изучать более глубоко и на ходу вносить коррективы, не бояться. План – это остов и заполнение его должно быть в процессе исполнения. Это более разумно, чем, например, раньше». – РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 35.

[50] На совещании в ЦК КПСС 2 марта 1963 г. Н.С. Хрущев высказал претензии в адрес Госплана СССР следующим образом, – «Я считаю, Ломако, (председатель Госплана СССР – *В.Н.*) что, главное, чего не было в Госплане, это, как говорят русские люди, царя в голове. Этого не было. Это был главный недостаток. Поэтому не было объединения усилий работающих в Госплане, а было как в басне, как лебедь, щука и рак». – РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 257. Л. 2, 3.

лись между собой за ресурсы и приоритеты развития[51]. Мы можем утверждать, что коллективные действия групп интересов стали одной из главных причин кризиса нефтехимического проекта Н.С. Хрущева[52].

Однако поскольку группы интересов в советской экономике носили неформальный характер, идентификация их коллективных действий предполагает детальную работу с архивными документами. Игнорирование этого условия иногда приводит историков к упрощенному и даже искаженному пониманию коллективных действий групп интересов в советской экономике[53].

Госплан СССР являлся ключевым институтом экономической власти[54]. Поэтому поиск групп интересов необходимо осуществлять в архивах связанных с планированием советской экономики. В 1960–1962 гг. в советской экономике действовала «дуалистическая» модель планирования[55]. В Госплане СССР были сосредоточены вопросы текущего народнохозяйственного планирования, а Государственном научно–экономическом совете СССР вопросы перспективного планирования[56]. В ноябре 1962 г. Госплан СССР и Госэкономсовет СССР были объединены в единый плановый орган – Госплан СССР.

В ноябре 1962 г. на Пленуме ЦК КПСС Хрущев назвал Госплан СССР и Госэкономсовет СССР церберами, которые «рвут всех на части, кто подходит к цифре изменения производства стали, а не понимают, что тем самым они губят нашу эко-

---

[51] *Грегори П.* Указ. соч. С. 25, 26; *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998. С. 413, 417, 418; *Boettke P.* Calculation and Coordination: Essays on Socialism and Transitional Political Economy. L., 2001.

[52] *Nekrasov V.L.* The Soviet Union Engages the World...

[53] *Колева Г.Ю.* Нефть вместо угля: влияние венгерских событий 1956 г. на изменение в энергетической политике СССР // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 74–79.

[54] *Gregory P.R.* Op. cit.; *Gregory P., Stuart R.* Russian and Soviet Economic Performance and Structure. L., 2001. P. 92.

[55] *Zaleski E.* Planning Reforms in the Soviet Union, 1962–1966. Chapel Hill, 1967. P. 28.

[56] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 490; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 700. Л. 171–174; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 232–235.

номику...»[57]. На заседании Президиума ЦК КПСС 5 ноября 1962 г. Хрущев подчеркнул, что Госплан СССР продолжает планировать «по-старому» развитие металлургии и химической промышленности[58]. На заседании Президиума Совета Министров СССР 4 декабря 1962 г. Хрущев обвинил уже бывшего председателя Госплана СССР В.Н. Новикова в том, что последний не выполнил решений Президиума ЦК КПСС о перераспределении капитальных вложений из металлургии в химическую промышленность[59]. В декабре 1960 г. на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев предложил сократить план по металлургии на 1965 г. с 96 млн т. до 86–91 млн т., и направить освобожденные капиталовложения на развитие производства минеральных удобрений и средств химической защиты для сельского хозяйства[60]. Но Госплан СССР не выполнил этого указания. В ноябре 1962 г. Новиков был снят с должности председателя Госплана СССР.

Возникает вопрос, почему Госплан СССР не выполнил прямое указание Президиума ЦК КПСС и лично председателя Совета Министров СССР?

По мнению самого Хрущева причина кризиса нефтехимического проекта заключалась в действиях отраслевых отделов Госплана СССР, которые оказались не способны скоордениро-

---

[57] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59.6 Л. 127, 128, 221, 222.

[58]«Я считал бы, что было бы разумно, если бы Госплан нам предложил – <...> – и сам предвидел, что мы сокращаем капитальные вложения на металл на столько–то, а увеличиваем капиталовложения на пластмассы на столько–то и мы в результате этого изделия, которое сделали из стали, будем делать из пластмассы и это нам будет вдвое дешевле; во всяком случае, во столько–то раз». – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 630.

[59] «Здесь, конечно, Госплан полную несостоятельность, если можно так говорить и слабость проявил в руководстве экономикой. <...> Поэтому это нас и носило, как все равно неуправляемый корабль, и вынесло на 13 млн т. стали выше и провал по химии. <...> Почему провалились? Потому что не умели правильно планировать, и прежде всего в этом очень сказалась неспособность Новикова. Его отраслевые отделы рвали, а он шел за ними». – РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 32–34.

[60] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 451–453.

вать планы развития тяжелой промышленности. На совещании в ЦК КПСС 2 марта 1963 г. советский лидер описал эту проблему следующим образом: Госплан СССР «... был не единый орган, которым он должен был быть, плановым органом, а это был орган, составленный из представителей ведомств, и поэтому рвали кто как может, стремились как можно больше урвать. Вот и урвали, оказывается, как более сильные металлурги. Они урвали. Я их не осуждаю за это. Они защищали честно свое ведомство. Но нужно было бы, чтобы люди думали не о том, чтобы рвать, а чтобы обеспечивать планомерное развитие всех отраслей»[61]. Мнение Хрущева практически совпадает с критикой работы Госплана СССР председателями совнархозов в феврале 1958 г., что «Госплан же в настоящее время представляет собой нечто теремка, в котором в виде отраслевых отделов обосновались прежние министерства со всеми своими традициями и привычками»[62].

Такая оценка указывает, что Госплан СССР являлся не монолитной организацией, а «пучком» отраслевых групп интересов, склонных часто принимать однобокие решения, не отвечающие интересам народного хозяйства в целом[63]. Аппарат Госплана СССР обладал достаточной влиятельностью и независимостью, чтобы проявлять оппортунизм во взаимоотношениях не только с комитетами, министерствами и совнархозами, но и с ЦК КПСС и Советом Министров СССР[64].

---

[61] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 257. Л. 2, 3; *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 540, 541.

[62] Всесоюзное совещание председателей совнархозов в ЦК КПСС, 6–8 февраля 1958 г. В совещании приняли участие первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев и председатель Госплана СССР И.И. Кузьмин. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Д. 149. Л. 67.

[63] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 42; Развитие производительных сил Восточной Сибири. Районные и межрайонные комплексные проблемы // Труды конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири (18–26 августа 1958 г.). М., 1960. С. 159.

[64] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 194. Л. 48; Д. 456. Л. 74, 75; Ф. 52. Оп. 1. Д. 267. Л. 8, 52; Российский государственный архив социально–политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 165. Д. 149. Л. 69; РГАЭ.

Фактически Хрущев признал существование «металлургического лобби» в советской экономике, которое объединяло отделы черной и цветной металлургии в Госплане СССР, Государственный комитет по черной и цветной металлургии СССР, Средне-Уральский, Кемеровский и Красноярский совнархозы, Советы Министров РСФСР, Украинской ССР и Казахской ССР[65].

В архивах существует множество свидетельств о лоббистской активности «металлургов» в Госплане СССР[66]. По сведениям С.Н. Хрущева, отдел химической промышленности в Госплане СССР не занимал ведущих позиций, исторически там «заправляли» металлурги. В мемуарах сын советского лидера отмечал, что решение Пленума ЦК КПСС в мае 1958 г. «металлурги из отделов Госплана СССР» трактовали как свое поражение, но не собирались с ним мириться; «с помощью хитроумных бюрократических уловок они шаг за шагом возвращали утерянные было позиции, через постановления отщипывали потихоньку у химиков отобранные у них ресурсы»[67].

Архивы подтверждают такую бюрократическую активность «металлургов». На совещании по контрольным цифрам плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. у секретаря ЦК КПСС А.Б. Аристова, начальник отдела черной металлургии В.Б. Хлебников предложил, что бы в условиях дефицита металла «установить такой порядок, что черная металлургия в этом семилетии должна быть обеспечена так, как, например, Средмаш, которому нет отказа, или, например, как гидростанциям, которым все давали, и они строили хорошо»[68]. На этом же совещании председатель Госплана РСФСР В.Н. Новиков считал, что для ликвидации дефицита металла необходимо либо увеличить капитальные вложения в черную металлургию либо «неко-

Ф. 7. Оп. 3. Д. 1151. Л. 77, 78; Ф. 9573. Оп. 1. Д. 596. Л. 116, 117, 129, 130; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 632.

[65] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 563; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 34.

[66] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 253. Л. 2; Д. 338. Л. 15, 31, 94; РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 11. Д. 1990. Л. 176.

[67] *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 540, 543.

[68] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 253. Л. 2.

торые отрасли промышленности зажимать по развитию»[69]. В 1960–1961 гг. «металлургическое лобби» продвигало план производства 100 млн. т. стали в год при директивах семилетнего плана в 86–91 млн т. В Президиуме ЦК КПСС «попридержали» их, но в целом не знали, как эффективно противостоять отраслевым министрам и группам влияния в экономике[70].

Критика Хрущевым Госплана СССР, за то, что «металлурги» «урвали» больше капитальных вложений, подтверждается отраслевым распределением капитальных вложений в 1959–1962 гг. Изучение доклада отдела народнохозяйственного плана Госплана СССР (март 1962 г.) показывает, что химическая и нефтегазовая промышленность оказались в лидерах по сокращению капитальных вложений, по 13,3%, а в черной металлургии – только на 6,7% (Таблица 1).

Но согласно докладу Государственного комитета по химии СССР фактическое сокращение капитальных вложений в химическую промышленность в 1962 г. оказалось еще более значительным. В 1959–1962 гг. на развитие химической промышленности было выделено вместо 4539 млн рублей только 3833 млн рублей. В 1962 г. Госплан СССР на развитие химической промышленности выделил вместо 1,5 млрд рублей только 1,3 млрд рублей или на 180 млн рублей меньше, чем это было предусмотрено семилетним планом[71]. При этом нельзя утверждать, что такая позиция Госплана СССР была связана с его стремлением исправить «волевые решения» Н.С. Хрущева и рационализировать капитальные вложения в экономике[72], она сохранялась и во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг.[73]

[69] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 253. Л. 93.

[70] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 5, 6; Д. 266. Л. 42; Д. 337. Л. 84; Д. 338. Л. 11; Д. 257. Л. 2, 3; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени...Т. 2. С. 710; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 495, 798, 799; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 г.: Стеногр. отчет. В 3-х т. Т. 1. М., 1961. С. 59.

[71] РГАЭ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 350. Л. 5.

[72] *Федоренко Н.П.* Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М., 1999. С. 128, 129.

[73] *Федоренко Н.П.* Экономика промышленности синтетических материалов. 2-е изд. М., 1967. С. 9.

Таблица 1

Изменение отраслевого распределения капитальных вложений в экономике, млрд рублей[74]

Отрасль	1959–1962 гг. (контрольные цифры семилетнего плана)	1959–1961гг. и план 1962 г.	Изменение
Черная металлургия	5364,5 6,7	5002	– 362,5
Цветная металлургия	2876,8 10,7	2566,9	– 309,9
Химическая промышленность	4539,4 13,3	3935,5	– 603,9
Нефтяная и газовая промышленность	8092,1 13,3	7011,7	– 1080,4
Угольная промышленность	4501,8 11,7	3972,7	– 529,1
Электроэнергетика	6696,1 11,5	5923,8	– 772,3
Гражданское машиностроение	3583	3995,7	+ 412,7
Промышленность строительных материалов	6353,1	7116,3	+ 763,2
Лесная, бумажная и деревообрабатывающая промышленность	3048,8 12,37	2671,4	– 377,4
Легкая промышленность	1305,6	1252,0	– 53,6
Пищевая промышленность	1773,9	1848,5	+ 74,6
Рыбная промышленность	1122	1054,2	– 67,8
Сельское хозяйство	8051,1	9581,9	+ 1530,8

Архивные материалы и мемуарные свидетельства указывают, что в советской экономике в первой половине 1960–х гг. существовал конфликт и борьба за ресурсы между группами интересов «традиционных» и «новых» отраслей советской экономики. И если принять за основу предпосылку, что лидеры, контролирующие сферу распределения ренты, используют ее для производства тех вещей, которые повышают их престиж или авторитет, то вполне логично, что Хрущев должен был вмешаться в конфликт между «химиками» и «металлургами» и пе-

[74] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 80. Д. 213. Л. 32, 33.

рераспределить ресурсы из металлургии в нефтехимический проект. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева показывают значительную его вовлеченность в принятие экономических решений, его стремление рационализировать распределение капитальных вложений и ресурсной ренты в советской экономике. В конце 1962 г. Н.С. Хрущев вмешивается в конфликт между этими группами интересов, выступая на стороне «химиков». С ноября 1962 г. по декабрь 1963 гг. председатель Совета Министров СССР предпринимает ряд действий, направленных на ослабление позиции «металлургического лобби» в Госплане СССР.

В ноябре 1962 г. на Пленуме ЦК КПСС советский лидер выдвигает радикальное предложение – ускорить развитие химической промышленности за счет замедления роста традиционных отраслей промышленности[75]. Хрущев ссылался на опыт США, которые «... законсервировали объем своих доменных печей, мартенов и прокатных станов, но зато двинули химию. <...> Видимо, это выгодно, если новые мощности они законсервировали»[76]. При этом советский лидер постоянно высказывал сомнения в способности и состоятельности Госплана СССР «стоять на страже государственных интересов, в своей работе не поддаться ни каким ведомственным и местническим влияниям» и «быть экономическим барометром, который должен резко реагировать на всякие проявление нового в науке и практике и схватывать новое и заменять старое»[77]. С начала 1962 г. Хрущев вынашивал идею создания органа, осуществляющего контроль над Госпланом СССР[78]. Никита Сергеевич активизирует институциональное строительство, – 23 ноября 1962 г. образуется Бюро ЦК КПСС по химической и лесной промышленности, 7 февраля 1963 г. создается Совет по науке при Совете Министров СССР и 13 марта 1963 г. Высший совет народного хозяйства СССР. Советский лидер, созданием этих принципиально разных организаций – партийного отраслевого Бюро ЦК КПСС, «неси-

[75] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 222.

[76] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 34.

[77] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 232; Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 5, 6; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 714, 719.

[78] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 560, 575, 674.

стемного» Совета по науке и иерархического бюрократического ВСНХ СССР, преследовал цель формирования системы сдерживания отраслевых групп интересов, направление независимой и объективной информации в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о «неправильных» решениях Госплана СССР, и обеспечения эффективного распределения капитальных вложений, особенно в области химической промышленности[79].

В ходе подготовки нового Пленума ЦК КПСС по химической промышленности Хрущев организует ряд совещаний с руководителями промышленности и учеными, на которых он, с одной стороны, критикует бюрократию за «рвачество», а с другой стороны, апеллирует к ее гражданскому долгу, партийным чувствам и ответственности за развитие прогрессивных отраслей экономики[80].

Как показывают архивные документы, весной 1963 г. резко возрастает активность советского лидера по вопросу развития химической промышленности. В середине марта 1963 г. Н.С. Хрущев посетил ряд химических комбинатов. 29 марта 1963 г. он направляет записку в Президиум ЦК КПСС, в которой излагает предложения о более масштабном использовании нефти и газа, в том числе транспортировку нефтегазовых ресурсов с новых месторождений Западной Сибири, в качестве сырья для химической промышленности. «Нам, нашей стране, которая имеет огромные залежи газа и нефти, надо это сырье использовать и сделать источником богатства нашей страны. Мы можем быть даже большими экспортерами минеральных удобрений и других химических продуктов, сырьем для которых является газ и нефть, во многие страны Европы, я уже не говорю об азиатских странах. Поэтому мы могли бы стать конкурентами, возможно, Западу». Хрущев считал необходимым поручить Госплану

[79] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 679, 680; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 228. Л. 2–4; Д. 337. Л. 79; Д. 357 Л. 45; *Марчук Г.И.* От имени государства // Вестник Российской академии наук. 2001. Том 71. № 5. С. 440.

[80] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 5, 31; Д. 338. Л. 11, 36, 80, 94; Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 246; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 766.

СССР и Государственному комитету по химии СССР оценить возможности химической промышленности, «чтобы мы могли уже наступать на капиталистический рынок и там проявлять себя»[81].

На заседании Президиума ЦК КПСС 6 мая 1963 г. Хрущев предложил купить два химических завода и завод электронного оборудования. На следующем заседании Президиума ЦК КПСС 8 мая 1963 г. решался вопрос о распределении 18 млрд рублей капитальных вложений на следующую пятилетку. Хрущев предложил выделить 3 млрд рублей на развитие химической промышленности, а также выделить средства для развития химического машиностроения и закупки импортного оборудования. Причем перераспределение предполагалось за счет металлургии и оборонной промышленности[82]. На совещании в ВСНХ СССР 21 мая 1963 г. Н.С. Хрущев вновь возвращается к вопросу о распределении капитальных вложений, отмечая, что «весь вопрос в том, чтобы эти средства пошли туда, куда мы хотим...» и актуализирует идею покупки химического оборудования за счет продажи золота[83].

Стратегия Хрущева заключалась в подготовке максимально детальной программы покупки импортного оборудования за счет использования капитальных вложений и золотовалютных запасов для расширения производства химических материалов и увеличения их экспорта с целью получения валюты. Однако на совещании председатель Совета Министров СССР неожиданно выступил с критикой председателя Газпрома СССР А.К. Кортунова. Поводом для критики выступил факт, что председатель Совета Министров СССР оказался, не осведомлен, что Госплан

---

[81] Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени...Т. 2. С. 719, 722.

[82] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 716, 717.

[83] В разговоре с членами Правительства и Секретариата ЦК КПСС Н.С. Хрущев, что «Подсчитайте, какие виды продукции нам стоит купить за границей. Купили по пластмассам у немцев, купили пленку, по терилену ведем переговоры, голландский капролактон. Все это подсчитано, сколько и какие средства нужны, какой товарообмен. Если надо, то можно и в подвалы заглянуть с золотом. Я говорю, что если мы выбросим немного золота, то нам выгодно выиграть время, чем это золото будет лежать про черный день...». – РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 32, 36, 37, 91.

СССР и Газпром СССР планируют строительство газопровода Бухара – Москва. Хрущев прямо назвал строительство этого газопровода глупостью и сказал плановикам и министрам, что «... сейчас мы безрассудно подходим к использованию природных богатств газа. В свое время я говорил, что газ надо поставить на службу коммунизму, и мы хорошо его использовали, а сейчас хотят сжигать газ, где и без этого можно обойтись». В очередной раз Хрущев подчеркнул, что природный газ – это сырье для химической промышленности, которая вскоре заменит металлургию[84].

На совещании по химической промышленности в ЦК КПСС 31 июля 1963 г. и на совещании председателей совнархозов в ВСНХ СССР 2 августа 1963 г. Хрущев конкретизировал свою позицию по использованию природного и попутного газа в экономике. По его мнению, Госплан СССР, Совет народного хозяйства СССР и Газпром СССР проводят нерациональную политику использования природного газа, подключая к газопроводам множество потребителей. Хрущев обратил внимание, что, «разведаны промышленные запасы не более, чем на 20 лет. <...> 20 лет пройдет и мы скажем – нет газа»[85]. По мнению советского лидера, Газпром СССР должен был сконцентрировать ресурсы на наращивании запасов природного газа, ограничить его потребление и развивать потребление попутного газа.

Это стало началом «газовой паузы» 1963–1964 гг. в советской экономике, когда ускоренное потребление природного газа было признано не соответствующим государственным интересам, и даже вредным, строительство некоторых газопроводов и разработка новых месторождений были приостановлены[86].

Возникает вопрос, почему во второй половине 1963 г. советский лидер выступил с критикой закупки труб и стратегии форсированного строительства нефтепроводов и газопроводов? Ведь именно Хрущев в конце 1950–х гг. активно выступал с идей развития газовой промышленности, которая действительно испытывала нехватку труб. В 1961 г. Президиум ЦК КПСС обсуждал вопрос о покупке стальных труб в ФРГ. А еще в марте

[84] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 24, 27, 28.

[85] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 44.

[86] *Nekrasov V.L.* The Soviet Union Engages the World....

1963 г. Хрущев рассматривал трубопроводы как эффективное средство развития химической промышленности[87].

Ответ на этот вопрос содержится в записке, которую 15 октября 1963 г. Н.С. Хрущев направляет в Президиум ЦК КПСС. В записке содержится критика Министерства внешней торговли СССР за покупку большого количества труб за рубежом для форсированного строительства нефтепроводов и газопроводов в объемах, которые не могут быть обеспечены производством труб советской промышленностью. Глава правительства особенно отмечал, что Газпром СССР лоббирует в Госплане СССР и Министерстве внешней торговли СССР закупку большого количества труб за рубежом[88].

Архивы показывают, что лоббистская активность Газпрома СССР была связана с хроническим дефицитом труб большого диаметра, который сдерживал реализацию технической политики, заключавшейся в систематическом увеличении диаметра труб для повышения пропускной способности магистральных трубопроводов. Дефицит таких труб восполнялся за счет импорта из капиталистических стран Эта политика справедливо подвергалась критике со стороны ученых–металлургов, которые считали, что повышение пропускной способности магистральных трубопроводов возможно не за счет увеличения диаметра труб, а увеличения величины рабочего давления[89]. Но министр газовой промышленности А.К. Кортунов стремился реализовать крупномасштабные проекты освоения месторождений Средней Азии и Западной Сибири и создания сверхмощных систем транспортировки природного газа[90]. Исходя из этих сведений,

[87] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 530, 557; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 719; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 434. Л. 135.

[88] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 361. Л. 40, 41. Под «трубами большого диаметра» понимаются трубы диаметром 1020 мм, предназначенные для строительства газопроводов и нефтепроводов.

[89] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 434. Л. 135; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 253. Л. 3. С 1959 г. в советской экономике существовал дефицит труб диаметром 1020 мм на уровне 200 тыс. т.

[90] *Некрасов В.Л.* Энергетическая политика СССР в 1961–1974 гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук. Томск, 2007. С. 24, 25.

можно предположить, что действовала группа интересов, включавшая отделы нефтяной и газовой промышленности в Госплане СССР и Совете народного хозяйства СССР и Газпром СССР.

Но главным катализатором недовольства Хрущева, выступила информация о возможной продаже в Японию 10 млн тонн советской нефти для покупки японских труб большого диаметра на 300 млн долл. Фактически речь шла про возможность контракта, аналогичного готовившейся сделке 1963 г. с ФРГ. Причем, если под давлением США и НАТО в 1963 г. западногерманские концерны приняли решение об эмбарго на поставки труб в СССР, то Япония, формально не входившая в НАТО, оставляла за собой свободу рук в этом вопросе[91]. Однако советский лидер неожиданно обрушился с резкой критикой на идею такой сделки.

Основная критика Хрущева касалась покупки металла и труб большого диаметра за счет продажи нефти. Действительно, Госплан СССР и Газпром СССР форсировали строительство нефтепроводов и газопроводов, несмотря на дефицит труб, вынуждая Министерство внешней торговли СССР закупать их в Великобритании, Швеции, ФРГ и Японии. Хрущев считал, что «в таком подходе заключается мало вразумительного, потому что трубы для нефтепроводов и газопроводов мы можем сами производить. Если в настоящее время у нас мощности недостаточные, то мы имеем возможность быстро их наращивать. К тому же если бы уж нужно было, то выгоднее покупать стальной лист. Ведь мы на этом деле переплачиваем большие деньги»[92]. Несмотря на важность строительства нефтепроводов, и газопроводов, по мнению Хрущева, не стоило форсировать закупку труб большого диаметра в капиталистических странах, а следовало отодвинуть сроки их строительства.

В записке главы правительства акцентируется внимание на проблеме, когда дефицит ресурсов, материалов и оборудования решался путем их импорта. По его мнению, практика закупки

---

[91] *Липкин М.А.* Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х – первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. 2015. № 4. С. 84, 85.
[92] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 361. Л. 40.

труб может быть характерна только для индустриально отсталых стран, не имеющих собственной металлургии и машиностроения. Хрущев считал, что «если вести такую неразумную политику, то даже когда 200 млн т. стали будем выпускать, можно так сбалансировать народнохозяйственный план, что будет нехватка металла и придется ориентироваться на закупку этого металла за границей»[93]. Очевидно, что советского лидера раздражала общепринятая практика, когда отдел черной металлургии Госплана СССР и Государственный комитет по черной и цветной металлургии СССР, представляли годовые планы с дефицитом по металлу и требованием закупки металла или полуфабрикатов за границей, шантажируя невыполнением плана[94]. Хрущев требовал от своих заместителей в Совете Министров СССР – А.Н. Косыгина, Д.Ф. Устинова, П.Ф. Ломако – изменить этот «политически вредный порядок».

Но главным в этой записке было то, что лоббирование Газпромом СССР закупки дефицитных труб в Японии противоречило более ранним предложениям Хрущева о приоритетной закупке химических заводов и заводов электронного оборудования. Председатель Совета Министров СССР считал необходимым рационализировать внешнеэкономическую деятельность и одновременно перераспределить нефтяную ренту и золотые запасы для покупки высокотехнологичного оборудования, особенно того, которое еще не было освоено в СССР, что позволило бы повысить технологический уровень советской экономики.

На заседании Президиума ЦК КПСС 10 ноября 1963 г. при обсуждении проекта плана развития народного хозяйства на 1964–1965 гг. Хрущев предложил приобрести 5–10 химических заводов и использовать «действительно разбойный метод» перераспределения капитальных вложений между металлургией и химической промышленностью. Содержание этого метода состояла в «революционном скачке» в развитии химической про-

[93] В первой половине 1960-х гг. в СССР выплавлялось ежегодно 60–90 млн т стали и производилось 40–60 млн т. стального проката. – Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство. Т. 3. М., 1965 С. 795, 796.

[94] См.: РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 253. Л. 1–3; Ф. 80. Оп. 1. Д. 331. Л. 118–130.

мышленности, замораживании на три года капитальных вложений в металлургии и направлении их в химическую промышленность[95]. Первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР Хрущев не скрывал логики такого радикального решения. По его мнению, иным способом не удастся решить многолетнюю проблему управления советской экономики – преодолеть сопротивление аппарата Госплана СССР и в итоге достичь намеченных социальных и экономических целей[96].

Решения, инициированные Хрущевым в ноябре 1962 – ноябре 1963 гг., стали основной новой стратегии развития нефтехимического проекта. В декабре 1963 г. на Пленуме ЦК КПСС была принята программа развития химической промышленности на 1964–1970 гг. Капитальные вложения в строительство предприятий химической промышленности, химического ма-

---

[95] «После трех лет химические предприятия, которые будут построены, будут давать нам средства накопления, и тогда мы могли бы вновь вернуться к этим отраслям…». «Я бы пошел на это, а остальное – что кому хватит. Но, конечно, все это надо делать разумно. Это может быть святотатство, но если на три года задержать металлургию, я бы не боялся этого делать». – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 762, 766, 767, 771–773. Стоит отметить, что 31 июля 1963 г. на совещании в ЦК КПСС Н.С. Хрущев еще пытался сгладить противопоставление «химия–металлургия», подчеркивая, что «Я не только не противопоставляю химию металлургии, а наоборот металлургия и химия <...> – это две родные сестры и они должны гармонично развиваться. Поэтому и в плане на 1970 год у нас должно быть предусмотрено не за счет металлургии, не за счет механической срезки темпов наращивания производственных мощностей металлургии. Это надо по-умному понимать. Приоритет мы должны дать химии, но, во–первых, мы приоритет химии даем во много по замене металла химической продуктами. Так что это тоже вложения в металлургию, но только в заменители металлургии. Это полихлорвинил, который заменяет свинец, полиэтилен, который заменяет никель, медь и прочее». В течение августа–октября 1963 г. советский лидер изменяет свое внешне умеренное решение на более радикальное. Возможно это могло также произойти под влиянием членов Совета по науке при Совете Министров СССР. – РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 16; *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев: Реформатор. С. 516–518, 543, 544.

[96] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 42, 43.

шиностроения и научные исследования должны были составить 42 млрд рублей[97]. Пленум ЦК КПСС утвердил предложенные Хрущевым механизмы реализации нефтехимического проекта: иерархическое управление, «диктаторский» контроль за капитальным строительством и распределением ресурсов и массовый импорт самого передового химического оборудования из капиталистических стран[98]. С начала 1964 г. активизируются переговоры с капиталистическими странами о закупке на условиях долгосрочных кредитов комплектного оборудования для химической, нефтехимической и легкой промышленности[99]. Однако проблемой реализации этой стратегии стала оценка технологического уровня импортируемого оборудования для химической промышленности[100]. По свидетельству академика Н.П. Федоренко, Н.С. Хрущев, продавливая решения о закупке импортного оборудования, допускал серьезные промахи, в результате закупалось оборудования без учета технико-экономических характеристик[101].

На совещании в Совете Министров СССР 26 сентября 1964 г. Хрущев предложил «пересмотреть все заказы, которые мы дали на оборудование для химической промышленности на семилетку до 1970 г. Надо проверить, насколько они отвечают техническому уровню мировой практики, которая уже имеется»[102]. Изучение архивных документов показывает, что советский лидер осуществлял поиск новых подходов к развитию нефтехимического проекта вплоть до отставки в октябре 1964 г.[103]

После отставки Хрущева новое политическое руководство начало демонтаж нефтехимического проекта. Ревизии подверг-

---

[97] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671. Л. 178.

[98] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 90; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 794, 795.

[99] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 821.

[100] Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 745, 746.

[101] *Федоренко Н.П.* Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М., 1999. С. 128, 129.

[102] Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2.. С. 750, 751.

[103] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 42, 51; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 855, 858; Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 745.

лись в первую очередь ограничения на потребление природного газа, импорт труб большого диаметра и распределение капитальных вложений между металлургией и химической промышленностью. В ревизии этих ограничений видна активность государственных отраслевых комитетов и министерств[104]. Эти решения имели долгосрочные последствия для развития химической промышленности в СССР.

Архивы подтверждают, что во второй половине 1960-х гг. Госплан СССР уже не рассматривал химическую индустрию как приоритетное и престижное направление экономической политики. На рубеже 1960-х – 1970-х гг. и в Отделе химической промышленности ЦК КПСС и в Отделении экономики АН СССР констатировали, что Госплан СССР не учитывает исключительной эффективности быстрой химизации народного хозяйства, а внимание к химической промышленности упало до минимального уровня с 1958 г. Отставание Советского Союза по уровню развития химической промышленности от индустриально развитых капиталистических стран еще больше увеличилось[105].

История нефтехимического проекта (1956–1964 гг.) Хрущева является хорошей иллюстрацией примера, когда публичный политик и реформатор пытается найти эффективную стратегию модернизации экономики и общества. В современной экономической теории такая стратегия получила название *эмуляция,* как позитивное и активное усилие сравниться или превзойти кого-либо в каком-либо достижении или качестве[106]. Советский лидер стремился эмулировать современные ему технологии производства химических материалов ведущих капиталистических стран. Для Хрущева стало очевидно, что реализация такой стратегии невозможна без ограничения отраслевых групп влияния, модернизации институтов экономической власти и рационализации механизмов распределения капитальных вложений. В результате на рубеже 1961–1962 гг. нефтехимический проект постепенно эволюционировал из технологического про-

---

[104] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 274; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 77. Л. 46–52.
[105] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 9, 14; Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 74.
[106] *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011. С. 24, 25, 46, 47.

екта в политико-экономический проект, в рамках которого реформатор стремился найти новые институты и практики, позволяющие модернизировать советскую экономику.

Особенно актуальным в истории нефтехимического проекта является проблема группами влияния и коллективных действий в советской экономике в послесталинский период. Архивные документы и мемуарные свидетельства прямо указывают на существование конфликта между группа влияния, связанных с «традиционными» и «новыми» отраслями промышленности. При чем, история нефтехимического проекта показала, что директивные решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР обладали реальной силой, если были поддержаны той или иной влиятельной группой бюрократии. Очевидно, Хрущев не сразу нашел способ ограничения влияния «металлургического лобби». Лишь в конце 1962 г. – начале 1963 г. советский лидер начал конструировать институты, которые по его замыслу, могли обеспечить более успешную реализацию нефтехимического проекта. Однако одновременно создание этих институтов либо ограничило власть советского лидера (ВСНХ СССР), либо стало сильным раздражителем, для высшей бюрократии (А.Н. Косыгина, Д.Ф. Устинов, П.Ф. Ломако), как в случае с Советом по науке. Советская демократия не могла допустить существование «несистемных» институтов, и в итоге постепенно это становилось фактором ослабления политической власти Хрущева.

Но, безусловно, нефтехимический проект Хрущева сыграл важную роль в активизации разработки советским руководством нового внешнеэкономического инструментария. Необходимость осуществления импорта значительного количества высокотехнологического оборудования для создания прогрессивной отрасли промышленности потребовала критического анализа собственных экономических возможностей, определения приоритетов и правил ведения импортных и экспортных операций и в итоге рационализации внешнеэкономической деятельности СССР.

3.3. Стратегии модернизации: экономическая власть Н.С. Хрущева, группы интересов и нефтегазовая рента

Экономисты Клиффорд Г. Гэдди, Барр У. Икес, Тейн Густафсон утверждают, что советские лидеры и «советские планировщики не осознавали всей важности нефти и газа до конца 1960-х – начала 1970-х гг.» и это осознание произошло только после открытий месторождений в Западной Сибири и роста мировых цен на нефть в начале 1970-х гг.[107] Однако эти тезисы являются спорными, а вопрос как «осознавали» советские плановики ценность нефтегазовых ресурсов и геологические открытия в Западной Сибири предполагает обсуждение эволюции стратегий развития нефтегазовой промышленности, разрабатываемых в Госплане СССР.

Как плановики оценивали экономический потенциал нефтегазовых ресурсов во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., и в какой степени геологические открытия в Западной Сибири изменили представления советских плановиков о важности нефтегазовых ресурсов во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг.?

Мы располагаем значительным массивом данных о запасах, добыче и экспорте нефтегазовых ресурсов в течение второй половины 1950-х – первой половины 1970-х гг., а также расчетами Госплана СССР и Госэкономсовета СССР о планируемом уровне добычи и использовании нефтегазовых ресурсов. В архивах также удалось найти данные, хотя и не столь детальные, об объеме нефтегазовой ренты, предполагаемой и фактически полученной СССР в первой половине 1960-х гг.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. плановики и эксперты оптимистически смотрели на перспективы развития нефтегазовой промышленности, считая, что «для уверенного роста добычи нефти и газа нужно непрерывно вовлекать в разработку новые и новые месторождения в различных экономических райо-

---

[107] Оксфордский сборник / Под ред. М. Алексеева и Ш. Вебера. Т. I. М., 2015. С. 535, 536; *Густафсон Т.* Колесо фортуны. Битва за нефть и власть в России. М., 2017. С. 13, 14.

нах страны»[108]. В начале 1960-х гг. Госплан СССР проводил работу как по оценке разведанных и потенциальных запасов нефтегазовых ресурсов в стране, так и перспективного топливно-энергетического баланса до 2000 г.[109] Разведанные запасы на 1 января 1961 г. составляли по нефти – 4,594 млрд т. и природного газа – 2,051 трлн м^3; потенциальные запасы – по нефти оценивались в 33,5 млрд т., по природному газу – от 22,9 до 30 трлн м^3. При этом в Госплане СССР и Госэкономсовете СССР отмечали, что несмотря на уже достигнутый высокий уровень разведанных запасов в СССР, условия для открытия новых месторождений очень благоприятные, особенно в Западной и Восточной Сибири, Якутии, Казахстане и Туркмении[110].

Так, 19 сентября 1964 гг. Госплан СССР направил в Совет Министров СССР доклад «О направлении использования нефтетоплива в СССР»[111]. Доклад обобщал опыт развития советской нефтегазовой промышленности в 1950-е – начале 1960-х гг. и отмечал, что «СССР располагает *крупнейшими в мире предпосылками для развития нефтяной и газовой промышленности* (курсив. – *В.Н.*). По последним уточненным данным советских геологов прогнозные геологические запасы нефти в СССР оцениваются в 145 млрд т., газа – 60 трлн м^3, что, принимая во внимание довольно высокий уровень извлечения нефти и газа из недр, а также сравнительную высокую степень эффективности развития и разработки нефтяных и газовых месторождений, определяет наличие *крупнейших экономических предпосылок еще более форсированного по своим темпам и масштабам* (курсив. – *В.Н.*), развития нефтяной и газовой промышленности»[112].

---

[108] РГАЭ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 14. Л. 18.

[109] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1812. Л. 262–278.

[110] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 57. Д. 13. Л. 454;. Оп. 58. Д. 427. Л. 15–17; Д. 649. Л. 108;. Оп. 76. Д. 207. Л. 26–30;. Оп. 79. Д. 180. Л. 94–105; Ф. 7. Оп. 3. Д. 1051. Л. 2–7.

[111] Доклад был подготовлен Институтом геологии и разработки горючих ископаемых и ВНИИ нефтеперерабатывающей промышленности. – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 696. Л. 201–203.

[112] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 696. Л. 214.

Главными проблемами для плановиков выступали не только количество, но и качество и рентабельность запасов нефти и особенно природного газа. По оценке начальника отдела тяжелой промышленности Госплана СССР Д.И. Деркачева, в середине 1960–х гг. запасы нефти и природного газа складывались из огромного количества мелких месторождений, промышленное освоение которых нерентабельно[113]. К концу 1960-х – началу 1970-х гг. ситуация практически не изменилась: в 1970 г. заместитель министра газовой промышленности Ю.И. Боксерман отмечал, что «мы сейчас добываем газ на 550 месторождениях, запасы газа этих месторождений – 4 трлн м^3»[114]. Качественно ситуация изменилась только в 1970-е гг. после введения в эксплуатацию крупных месторождений природного газа на севере Западной Сибири[115].

В двадцатилетний период (1955–1973 гг.), предшествующий мировому энергетическому шоку, добыча нефти и природного газа в СССР демонстрировала высокие темпы роста. Добыча нефти, стартовав в 1955 г. с 70,8 млн т., достигла в 1973 г. 430 млн т., преодолевая в течение каждых пяти лет психологический рубеж в добыче: в 1958 г. – 100 млн т., в 1963 г. – 200 млн т., в 1968 г. – 300 млн т., в 1972 г. – 400 млн т. Газовая промышленность была фактически создана в этот период: в 1955 г. добыча советского природного газа составляла всего 10,4 млрд м^3 , достигнув в 1973 г. – 238 млрд м^3. Однако, уровень добычи в 100 млрд м^3 был достигнут только через 10 лет, в 1964 г. [116] Таким образом в 1963–1965 гг., т.е. в начале разработки нефтегазовых месторождений Западной Сибири, общесоюзная добыча составляла: нефти – 206–242,8 млн т. и природного газа – 89,8–127,6 млрд м^3. При этом необходимо отметить, что уровни добычи 400 млн т. нефти и 200 млрд м^3 газа, которые были достигнуты в начале 1970–х гг. были рассчитаны экспертами Научно–исследовательского экономического института Госплана СССР

[113] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 112, 116.
[114] ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 198. Д. 4. Л. 119.
[115] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 1, 2.
[116] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 21, 39, 41; РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2682. Л. 151об–154, 183.

еще в конце 1950–х гг.. Это говорит о том, что плановики «осознавали» важность нефтегазовых ресурсов до начала освоения недр Западной Сибири и мирового энергетического кризиса 1974–1975 гг.[117]

Плановые документы показывают, что такие уровни добычи создавали значительное напряжение ресурсов, а фактический уровень добычи соответствовал, как правило, нижней границе директивных планов. В материалах Госплана СССР и Госэкономсовета СССР по корректировке контрольных цифр развития нефтегазовой промышленности на 1962–1965 гг. уровень добычи на 1965 г. предусматривался в 245, 247 и даже 250–255 млн т, а природного газа – 145, 140, 137, 128 млрд м^3.[118] В июне 1964 г. председатель Государственного комитета нефтедобывающей промышленности СССР Н.К. Байбаков констатировал, что в 1965 г. добыча нефти, «хотя и будет соответствовать уровню … 240 млн т., но будет ниже объема, установленного корректировками к контрольным цифрам, на 7 млн т., а добыча газа составит в 1965 г. 128 млрд м^3 , или будет ниже на 22 млрд м^3 против объема, предусмотренных семилетним планом»[119]. На протяжении 1960-х – начала 1970-х гг. газовая промышленность систематически не выполняла план по добыче. Фактическое выполнение директив колебалось от 74,7% в 1961 г. до 96,7% в 1972 г., только в 1971 г. план был выполнен[120]. Соответственно плановики не могли не осознавать важность нефти и природного газа как экономического, технологического и энергетического ресурса, планируя такие объемы добычи. Напряженность планов и их систематическое невыполнение указывает на то, что плановики стремились получить больше нефти и газа, чем реально можно было добывать.

Ускоренный рост добычи нефти и природного газа привел к изменению структуры топливного баланса советской эконо-

---

[117] РГАЭ. Ф. 99. Оп. 2. Д. 14. Л. 19, 20.

[118] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 823. Л. 338; Д. 847. Л. 17, 19; Д. 1167. Л. 7; Ф. 4372. Оп. 79. Д. 515. Л. 9; Оп. 80. Д. 75. Л. 91;. Оп. 81. Д. 235. Л. 137.

[119] РГАЭ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 56. Л. 109.

[120] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 431. Л. 32–38;. Оп. 65. Д. 805. Л. 57–59; РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 41.

мики. Так в 1963 г. доля нефтегазовых ресурсов – 47,2% в топливном балансе превысила долю угля – 45,9%, что позволяет рассматривать 1963 г. как момент начала возникновения нефтегазовой зависимости советской экономики[121]. В последующие 10 лет доля нефти и газа в топливном балансе продолжала возрастать, вытесняя уголь из традиционных районов и отраслей потребления, включая тепловую электроэнергетику и железнодорожный транспорт (т.н. политика «газовой паузы»)[122]. В конце 1950–х – начале 1970–х гг. структура потребления нефти и природного газа в советской экономике значительно отличалась. Так, с конца 1950–х гг. СССР постепенно увеличивал экспорт сырой нефти. Доля экспорта нефти в добыче и потреблении в советской экономике постепенно увеличивалась: 8% в 1958 г., 12% в 1960 г., 17,9% в 1965 г. и 18,9% в 1970 г. (без учета нефти, используемой для производства экспортируемых нефтепродуктов). В 1973 г. доля экспорта в добыче нефти составила 17,2%, достигнув 30% во второй половине 1970-х гг. [123]. Однако по сравнению с основными мировыми странами–экспортерами доля экспорта в добыче оставалась достаточно низкой[124]. В отличие от нефти до начала 1970–х гг. практически весь добываемый газ потреблялся внутри страны (вследствие отсутствия инфраструктуры и технологий транспортировки природного газа). В 1960 г. из 47 млрд $м^3$ было использовано 46,76 млрд $м^3$, крупнейшими потребителями выступали: промышленность – 27 млрд $м^3$, электростанции – 12,2 млрд $м^3$, коммунально-бытовой сектор – 5,7 млрд $м^3$. В 1970 г. соотношение практически не изменилось, из 199,6 млрд $м^3$ в экономике было использовано

[121] *Некрасов В.Л., Стафеев О.Н., Хромов Е.А.* Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. Ханты-Мансийск, 2012. С. 61.

[122] *Баканов С.А.* Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012. С. 227, 228.

[123] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 515. Л. 7;. Оп. 81. Д. 2389. Л. 180, 181; РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 321. Л. 211; Д. 322. Л. 20, 87.

[124] В середине 1960-х гг. доля экспорта в добычи нефти составляла в Венесуэле – 70%, Иране – 75%, Саудовской Аравии – 84%, Кувейте – 90%, Ираке – 97%. – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 2387. Л. 132.

196,1 млрд $м^3$, в том числе промышленностью – 113,8 млрд $м^3$, электростанциями – 50,9 млрд $м^3$, коммунально-бытовым сектором – 25,3 млрд $м^3$. Экспорт природного газа увеличился с 0,24 млрд $м^3$ в 1960 г. до 3,30 млрд $м^3$ в 1970 г., при том, что в 1970 г. СССР импортировал 3,51 млрд $м^3$.[125]

Все изменения в структуре добычи и потребления энергетических ресурсов в советской экономике выступили следствием принятых во второй половине 1950-х гг. на ключевых уровнях институциональной иерархии советской экономики (и в ЦК КПСС и в Совете Министров СССР и в Госплане СССР) множества организационных и экономических решений об ускоренном и преимущественном развитии нефтегазовой промышленности[126].

Изменения энергетической повестки в СССР в конце 1950-х – начале 1960–х гг. прослеживаются в трех ипостасях: 1) приоритеты развития энергетики выступили частью политической риторики, аппаратной борьбы и критики оппонентов; 2) добыча, потребление, переработка и экспорт нефтегазовых ресурсов; 3) развитие нефтегазовой и химической промышленности стали его ядром индустриальной и социальной политики правительства Н.С. Хрущева[127].

Изучение материалов, как направлявшихся в Госплан СССР из министерств и экспертных институтов[128], так и исходящих из Госплана СССР в Совет Министров СССР и ЦК КПСС показывает, что в 1957–1960 гг. (до открытия крупных нефтяных месторождений в Западной Сибири в 1960–1961 гг.) плано-

---

[125] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 33.

[126] См.: *Некрасов В.Л., Стафеев О.Н., Хромов Е.А.* Указ. соч. С. 58, 59; *Некрасов В.Л.* Нефтехимический проект Н.С. Хрущева...; *Hogselius P.* Red Gas. Russia and the Origins of European energy dependence. N.Y., 2013. P. 13–29; Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas / Editor J. Perovic. L., 2017.

[127] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 5; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 696. Л. 211. См. также: Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas / Editor J. Perovic. L., 2017.

[128] Например, СОПС АН СССР, СОПС при Госплане СССР, Научно–исследовательский экономический институт при Госплане СССР, Научно-исследовательский конъюнктурный институт Министерства внешней торговли СССР.

вики и эксперты разрабатывали множество вопросов нефтегазовой индустрии, в том числе – увеличения запасов нефти и газа и освоения новых нефтегазовых территорий, газификации городов и экономических районов, строительства новых и реконструкции действующих нефтехимических и нефтеперерабатывающих заводов, производства труб большого диаметра и развития трубопроводного транспорта, поиска перспективных рынков для экспорта советской нефти в Азиатско-Тихоокеанском регионе, экспорта нефтегазовых ресурсов в капиталистические и социалистические страны, альтернативных издержек перевозки нефти и нефтепродуктов различными видами транспорта, качества экспортируемой нефти и нефтепродуктов, импорта нефтегазового и химического оборудования и материалов и др.[129] Широкий круг вопросов и их детализация позволяют утверждать, что изначально в Госплане СССР прорабатывались возможности реализации различных стратегий, как «добывать и экспортировать нефтегазовые ресурсы, используя ресурсную ренту для модернизации экономики», так и стратегии «добывать, перерабатывать нефтегазовые ресурсы и экспортировать нефтехимические материалы».

Эволюцию представлений плановиков об экономических возможностях нефтегазовых ресурсов можно проследить на примере истории освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции во второй половине 1950-х – первой половине 1970-х гг. Исследователи традиционно считают открытие месторождений нефти и природного газа в Тюменской области ключевым фактором возникновения ресурсной зависимости и сворачивания экономических реформ в СССР в конце 1960-х – 1970-е гг.[130] Однако историки и публицисты скорее воспроизво-

[129] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 426. Л. 36; Д. 427. Л. 15–17; Д. 429. Л. 187, 188; Д. 666. Л. 11, 12; Д. 693. Л. 2, 3;. 76. Д. 112. Л. 25; Д. 207. Л. 12–30;. Оп. 77. Д. 123. Л. 79, 81; Д. 147. Л. 285; Д. 226. Л. 225, 226; Д. 408. Л. 2, 3;. Оп. 79. Д. 180. Л. 94–105; Д. 465. Л. 2–5; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 254. Л. 16.

[130] *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2012. С. 145; *Клиффорд Г.Г., Икес Б.У.* Ресурсная зависимость России // Экономика России. Оксфордский сборник. Книга I. М., 2015. С. 536, 537; *Лазарева Л.Н.* Реформа А.Н. Косыгина: замысел, результаты,

дят (иногда в весьма вульгарной форме), сложившиеся в конце 1980–х – начале 1990–х гг. мифологемы[131], переоценивают влияние открытия нефтегазовых ресурсов Западной Сибири на принятие экономических решений в СССР в 1960–е гг.

Освоение нефтегазовых ресурсов Западной Сибири происходило на протяжении двадцати лет (от открытия в 1953 г. Березовского газового месторождения до ввода в эксплуатацию крупнейших месторождений в начале 1970-х гг.). Архивные документы показывают, что на протяжении второй половины 1950-х – первой половины 1970-х гг. стратегия Госплана СССР эволюционировала – от игнорирования и слабой заинтересованности в промышленном развитии территории (1950-е гг.), допустимости затопления обнаруженных в Тюменской области запасов нефти и газа при строительстве Нижне-Обской гидроэлектростанции (конец 1950-х – начало 1960-х гг.), первоначального оптимизма после открытия крупных месторождений и осторожной оценки рисков, объемов капиталовложений, технологиях добычи и транспортировки нефтегазовых ресурсов в экстремальных климатических условиях (середина – вторая половина 1960-х гг.), до ускоренного создания нефтегазового комплекса в Западной Сибири (конец 1960-х – первая половина 1970-х гг.)[132]. Иными словами это был длительный, постепенный и медленный

следствия // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4 т. Т. 4: 1917–1991 гг. М., 2016. С. 542; Косыгинские реформы – невыученный урок истории // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 52.

[131] *Абрамов Р.Н.* Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 2. С. 69; *Ранкс К.* Солнце, воздух и вода. Где советские инженеры искали энергию // https://republic.ru/posts/85690; *Мартынов К.* Трагедия советского интернета. Как все мы не попали в цифровой коммунизм // https://gorky.media/reviews/tragediya-sovetskogo-interneta/

[132] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 169. Л. 18–19; ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 98. Д. 80. Л. 1–20; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 62. Д. 33. Л. 90–95; Д. 34. Л. 80–83;. 65. Д. 423. Л. 1–5; Д. 426. Л. 1–6;. Оп. 66. Д. 1254. Л. 164–165; Д. 1387. Л. 130–137; Д. 3246. Л. 85, 86; Ф. 399. Оп. 1. Д. 1015. Л. 143–163; Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 62–78; Ф. 184. Оп. 1. Д. 56. Л. 113, 114; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 77. Л. 1–3.

процесс оценки плановиками ресурсного потенциала нефтегазовых месторождений Западной Сибири, борьбы за выбор стратегии их освоения и дискуссий об издержках и выгодах использования в экономике и внешней торговле страны[133]. Геологические открытия в Западной Сибири поставили перед плановиками более важную проблему чем «осознание важности нефти»: поиск новых технологических и экономических решений для освоения крупномасштабных запасов нефтегазовых ресурсов в изменившихся международных условиях (политика «Разрядки» и рост мировых цен на нефть).

Таким образом, во второй половине 1950-х – 1960-х гг. в СССР сформировалась «нефтегазовая экономика», т.е. углеводородное сырье широкого использовалось в экономике как технологический, энергетический и экономический ресурс, в том числе реализовывались «нефтегазовые» проекты и программы модернизации экономики. На всех уровнях институциональной иерархии экономической власти – ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Госплан СССР, министерства сложился консенсус о высокой экономической ценности нефтегазовых ресурсов. По нашему мнению, проблема заключалась не том, что «советские планировщики не осознавали всей важности нефти и газа до конца 1960-х – начала 1970-х гг.», а в том, что среди плановиков не был достигнут консенсус относительно стратегии использования нефтегазовых ресурсов (нефть, природный, попутный газ, конденсат) – «добывать и экспортировать нефтегазовые ресурсы, используя ресурсную ренту для модернизации экономики» (мы обозначим эту стратегию как «нефтегазовый маневр») или «добывать, перерабатывать нефтегазовые ресурсы и экспорти-

---

[133] Такая интерпретация материалов Госплана СССР подтверждается воспоминаниями последнего министра нефтяной и газовой промышленности СССР (1991 г.) Л.Д. Чурилова, отмечавшего, «… что в 1964 году, когда мы приступили к обустройству первых месторождений, правительство еще не определило значения Западной Сибири ни в нефтяной отрасли, ни в народном хозяйстве страны в целом. «Наверху» были большие сомнения в целесообразности крупномасштабного наступления на Западную Сибирь …». См.: *Чурилов Л.Д.* Моя история советской нефти (записки последнего министра). М., 2016. С. 67.

ровать нефтехимические материалы» (мы обозначим эту стратегию как «нефтехимический проект»)[134].

Стратегии «нефтехимический проект» и «нефтегазовый маневр» возникли в середине 1950-х гг. одновременно и рассматривались новым политическим руководством СССР как важные элементы общей, а не альтернативной повестки институциональных реформ, технологической модернизации советской экономики, повышения уровня благосостояния населения и международных отношений [135]. В конце 1956 г. – начале 1957 г. под влиянием структурного кризиса в советской экономике, связанного с дефицитом металлов, топлива и сырьевых материалов в Президиуме ЦК КПСС сложился консенсус о необходимости увеличения капитальных вложений в нефтяную, нефтеперерабатывающую и химическую промышленность[136].

Изучение архивных документов ЦК КПСС и Госплана СССР показывает, что в течение 1957–1960 гг. происходит оформление стратегий «нефтехимический проект» и «нефтегазовый маневр» в самостоятельные направления экономической политики. Ключевыми решениями сформировавшие эти стратегии и траектории их развития стали принятие программ химизации и газификации советской экономики (1957–1958 гг.), рост экспорта нефти и нефтепродуктов в капиталистические и социалистические страны (1957–1960 гг.), заключение «компенсационных соглашений» с Италией и Швецией (1959–1960 гг.), проектирование и строительство нефтепровода «Дружба» (1957–1964 гг.), разработка проектов экспорта природного и сжиженного газа в Великобританию, Италию, Швецию, Японию (1963–

---

[134] *Некрасов В.Л.* Советская модель экономики: институты, нефтегазовые ресурсы и проблема «ресурсного проклятия» // ЭНОЖ «История». 2016. Вып. 10 (54). URL: http://history.jes.su. S207987840001894-2-1.

[135] См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 119. Л. 1, 2; Ф. 2. Оп. 1. Д. 148. Л. 108–156; Д. 153. Л. 114–156; Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом Министров СССР, 16–18 мая 1955 г.: Стеногр. отчет. М., 1955.

[136] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1 М., 2015. С. 230.

1964 гг.)[137]. Иными словами, на рубеже 1950–х – 1960–х гг. среди плановиков и министров сложился консенсус об экономической ценности нефтегазовых ресурсов, но одновременно сформировались группы интересов, которые различались представлениями их использования – «нефтехимия», «нефтегазовый экспорт».

Анализ архивов позволяет утверждать, что у Н.С. Хрущева были конкретные представления об экономических и технологических возможностях нефтегазовых ресурсов для модернизации экономики. Мы принимаем за основу предпосылку, что лидеры, контролирующие сферу распределения ренты, используют ее для производства тех вещей, которые повышают их престиж или авторитет.

Почему нефтехимический проект провалился и во второй половине 1960-х гг. политическое руководство отказалось от его реализации постепенно переключилось на стратегию «нефтегазовый маневр»? Могла ли реализация нефтехимического проекта помочь избежать СССР попадания в ресурсную ловушку?

Изучение новых архивных документов ЦК КПСС, Госплана СССР и Госэкономсовета СССР позволяет выделить несколько причин кризиса нефтехимического проекта. Несмотря на то, что в разработку нефтехимического проекта были вовлечены ведущие ученые (например, академики Н.Н. Семенов, Н.П. Федоренко) и опытные плановики (А.Ф. Засядько, Н.К. Байбаков), им не удалось сконструировать эффективный механизм его реализации и достичь консенсуса об эффективном управлении химической промышленностью и химической наукой, перспективной потребности экономики в полимерных материалах и рекомендовать наилучшие направления их использования в экономике. Так, в справке, подготовленной 4 января 1962 г. начальником отдела экономической эффективности Госэкономсовета Л.А. Ваагом отмечалось, что отдел «не располагает достоверными материалами по эффективности применения пластмасс» и соответственно «не может рекомендовать наилучших направлений использования пластических масс и

---

[137] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 28–115; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 207. Л. 21–25;. Оп. 77. Д. 226. Л. 225;. Оп. 57. Д. 13. Л. 390–393; Оп. 81. Д. 1812. Л. 251–257.

синтетических смол по отраслям народного хозяйства без обоснованных расчетов»[138]. Аналогичная ситуация сложилась с разработкой методики определения перспективной потребности народного хозяйства СССР в полимерных материалах (пластмассах) на период до 1980 г. В июне 1962 г. председатель Государственной экспертной комиссии Госэкономсовета СССР констатировал, что выполнение этой сложной и трудоемкой работы возможно только с привлечением всех отраслей народного хозяйства и может быть завершено в 1964–1965 гг.[139] Однако и в начале 1964 г. проблема обеспечения информацией планирования химической промышленности и химических исследований оставалась не решенной, в том числе отсутствовали базы данных публикаций и например, в Госкомитете химической и нефтяной промышленности СССР только задумывались, чтобы с помощью кибернетики решить этот вопрос и создать такие базы данных по различным направлениям, по различным темам, по конкретным задачам[140]. В результате проблемой реализации нефтехимического проекта являлась оценка технологического уровня импортируемого оборудования для химической промышленности[141]. По свидетельству академика Н.П. Федоренко, Н.С. Хрущев продавливая решения о закупке импортного оборудования, допускал серьезные промахи, в результате закупалось оборудования без учета технико-экономических характеристик или устаревшее оборудование[142].

Инертность «ментальности» плановиков, сформированная сталинской индустриализацией, которые не были готовы принять, предложенные Н.С. Хрущевым способы структурной перестройки экономики, и видимо, саму идею о приоритетности химической промышленности над металлургией[143]. В архивах пока не удалось обнаружить открытую критику нефтехимиче-

---

[138] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3 Д. 1089. Л. 17, 18.
[139] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3 Д. 1298. Л. 61, 62.
[140] РГАНИ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 32, 50.
[141] Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2.. С. 745, 746, 750.
[142] *Федоренко Н.П.* Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М., 1999. С. 128, 129.
[143] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 14, 15.

ского проекта со стороны плановиков и министров–металлургов (наш опыт изучения советской гидроэнергетики во второй половине 1950–х гг. показывает, что министры и руководители главков могли открыто выражать несогласие с решениями ЦК КПСС)[144] и мы располагаем только оценками Н.С. Хрущева, поздними свидетельствами и косвенными подтверждениями о инертности экономического мышления плановиков[145]. Глава правительства обвинял плановиков в консерватизме и неспособности реализовать программу развития химической промышленности. На Пленуме ЦК КПСС 23 ноября 1962 г. Н.С. Хрущев высказал претензии в адрес Госплана СССР и Госэкономсовета СССР следующим образом, «... Я докладывал, что мы перевыполнили план семилетки по стали на 11 млн тонн, но недовыполнили план по развитию химической промышленности. ... Для этого созданы специально работающие и думающие аппараты – Госплан и Госэкономсовет по планированию, а они смотрят и ни черта не видят. Почему это? Потому что сталь – это проезженная дорога с глубокой колеей, тут и слепая лошадь не свернет, потому что колеса поломаются. Вот и люди наши одели стальные шоры и смотрят, как их научили. ... Мы были бы с вами во много раз богаче. Но это невозможно, потому что там сидят церберы, и они рвут всех на части, кто подходит к цифре изменения производства стали, а не понимают, что тем самым они губят нашу экономику»[146]. Изучение записок, подготовленных в период с сентября 1961 г. по сентябрь 1962 гг. отделами черной металлургии Госплана СССР и Госэкономсовета СССР скорее подтверждает нелицеприятные оценки Н.С. Хрущева, что «даже в том случае, когда уже определилась линия развития нового производства, требуется немало усилий, чтобы

---

[144] РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 11. Д. 1990. Л. 170–176; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 215. Л. 78–83.

[145] *Байбаков Н.К.* Указ. соч. С. 281.

[146] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 596. Л. 127, 128. На заседании Президиума ЦК КПСС 9 января 1963 г. и совещании в Секретариате ЦК КПСС по вопросу химической промышленности 31 июля 1963 г. Н.С. Хрущев вновь повторил этот тезис. – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 679, 680; РГАНИ. Ф. 52. 1 Д. 233 Л. 5.

освободиться от привычных представлений»[147]. В отделах черной металлургии Госплана СССР и Госэкономсовета СССР осторожно фрондировали решениям по развитию химической индустрии, принятым в мае 1958 г. на Пленуме ЦК КПСС и директивам XXI съезда КПСС, утверждая, что «быстрое увеличение производство черных металлов *по прежнему* (курсив – *В.Н.*) остается одной из важнейших народнохозяйственных задач», требовали выделения дополнительных капитальных вложений для строительства новых металлургических заводов и не соглашались с предложениями отделов капитальных вложений на снижение удельного веса черной металлургии в общем объеме капиталовложений в промышленность до 8,0–8,2%, настаивали на их повышении до 9,0–9,4%[148]. Дискурс этих записок отражал сложившиеся (унаследованные) в Госплане СССР и Госэкономсовете СССР в начале 1960–х гг. практики (рамки) принятия экономических решений, иерархии приоритетов, исторического доминирования металлургов и одновременно может представлять пример стратегической близорукости плановиков[149]. Нефтехимия не являлась единственным случаем инерции ментальности плановиков в первой половине 1960-х гг., а находилась в ряду других новых экономических и технологических решений – кибернетика, вычислительная техника, платность фондов, непрерывное планирование и др.[150]

История нефтехимического проекта показала, что директивные решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР обладали реальной силой, если были поддержаны той или иной влиятельной группой бюрократии. Одна из причин кризиса нефтехимического проекта заключалась в действиях отраслевых отделов

[147] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л. 222.

[148] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 828. Л. 108, 109, 333; Д. 1157. Л. 9–11; Ф. 4372. Оп. 64. Д. 521. Л. 147, 149.

[149] См. о проблеме «стратегической близорукости»: *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционный подход в экономической науке // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / ГУ–ВШЭ. М., 2007. С. 69–71.

[150] См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 519. Л. 195, 196; Плата за недра // Научно-технические общества. 1970. № 10. С. 3, 4.

Госплана СССР, которые оказались не способны скоординировать планы развития тяжелой промышленности. На совещании в ЦК КПСС 2 марта 1963 г. Хрущев описал эту проблему следующим образом, – Госплан СССР «... был не единый орган, которым он должен был быть, плановым органом, а это был орган, составленный из представителей ведомств, и поэтому рвали кто как может, стремились как можно больше урвать. *Вот и урвали, оказывается, как более сильные металлурги* (курсив – *В.Н.*). Они урвали. Я их не осуждаю за это. Они защищали честно свое ведомство. Но нужно было бы, чтобы люди думали не том, чтобы рвать, а чтобы обеспечивать планомерное развитие всех отраслей»[151]. Фактически Н.С. Хрущев признал существование «металлургического лобби» в советской экономике[152] и, что «рвачество» продолжало практиковаться при распределении капитальных вложений, что означало неудачу институциональных реформ 1957–1960 гг.[153] В архивах мы обнаружили ряд сви-

---

[151] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 257. Л. 2, 3.

[152] «Металлургического лобби» объединяло отделы черной и цветной металлургии в Госплане СССР и Госэкономсовете СССР, Государственный комитет по черной и цветной металлургии СССР, Средне-Уральский, Кемеровский и Красноярский совнархозы, Советы Министров РСФСР, Украинской ССР и Казахской ССР. – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 563; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 266. Л. 34.

[153] Именно борьбой с «рвачеством» в конце 1956 – начале 1957 гг. Н.С. Хрущев обосновывал необходимость институциональных реформ, включая ликвидацию большинства промышленных министерств. 24 декабря 1956 г. на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев обрушился с критикой на Госплан СССР и Госэкономкомиссию СССР, что «... когда подходит время утверждения пятилетки или годового плана, то идет война, невероятная идет, война, я бы сказал, рваческая война, каждый рвет со злобой рвет. Как только утвердили, наступает полное затишье в первом квартале. Уже во втором квартале начинают спихивать средства, которые вырвали, начинают, как бы кому их уступить, потому что видят, что материалами не обеспечены и эти средства не будут использованы». – РГАНИ. Ф. 2. 1 Д. 198 Л. 39–46. Изучение материалов Президиума ЦК КПСС показывает, что в 1958–1961 гг. проблема рвачества была снята с повестки (во всяком случае эта тема не встречается в протоколах заседаний), и вновь обсуждается с конца

детельств о лоббистской активности «металлургов» в Госплане СССР и Госэкономсовете СССР, подтверждающих перераспределение капитальных вложений из химической промышленности в черную металлургию[154].

Возникновение среди политического руководства и «госплановской» бюрократии в середине 1960–х гг. разочарования в возможностях нефтехимического проекта решить структурные проблемы советской экономики, и в частности проблемы конкретных ведомств ВПК. 25 июля 1963 г. председатель Госкомитета по электронной технике СССР А.И. Шокин направил в ЦК КПСС доклад «Об обеспечении электронной техники химическими материалами»[155]. В докладе отмечалось, что химические материалы, ни по качеству, ни по ассортименту, не соответствуют повышенным техническим требованиям электронной промышленности и уступают зарубежным аналогам[156]. В результате «госплановская» бюрократия оказалась не заинтересована в нефтехимическом проекте, переориентировавшись на

1962 г. – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 611, 718; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 603. Л. 28; Ф. 52. Оп. 1. Д. 267 Л. 49; Д. 266. Л. 32–34; Д. 337. Л. 153, 162, 163; Д. 338. Л. 32, 33, 82, 84.

[154] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 253. Л. 2; Д. 338. Л. 15, 31, 94; РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 831. Л. 35–46; Ф. 4372. Оп. 80. Д. 213. Л. 32, 33.

[155] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1818. Л.

[156] Один из главных выводов докладов был сформулирован следующим образом: «... низкое качество материалов, выпускаемых химической промышленностью для электронной техники вызывает большие потери от брака в электронном приборостроении, не дает возможности существенно увеличить срок службы и надежность приборов, вынуждает применять в производстве военного назначения материалы, закупаемые в капиталистических странах (курсив – *В.Н.*), сдерживает развитие таких важнейших отраслей электронной техники, как полупроводниковое, конденсаторное и электровакуумное приборостроение, не дает возможности вести необходимыми темпами работы в области молекулярной и квантовой техники». – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1818. Л. 30. См. также: *Симонов Н.С.* Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. Часть 1. 1940–1960–е годы. М., 2013. С. 182–185.

импорт химических материалов и технологий, что обострила борьбу за нефтяную ренту.

Идея «революционного скачка» в развитии нефтехимической промышленности, предполагавшего замораживание на три года капитальных вложений в металлургии, сокращение финансирования оборонной промышленности и вооруженных сил и перераспределение ресурсов для создания мощностей по переработке нефти, газа, производства пластмасс, волокон и минеральных удобрений, по всей видимости, не получила поддержки у «госплановской» бюрократии[157] (безусловно, такое решение вызвало недовольство у председателя ВСНХ СССР Д.Ф. Устинова, многолетнего руководителя и влиятельного куратора военно–промышленного комплекса)[158], обострила борьбу между группами влияния и Н.С. Хрущев, по всей видимости, не смог договориться, ограничить или предложить группам интересов какие–либо реальные ресурсы или гарантии на участие в распределение рентных доходов. В ноябре 1963 г. советский лидер говорил, что необходимо перераспределить 21–25 млрд руб. на развитие химической промышленности, но не приводил конкретных данных о размере рентных доходов, полученных от такого перераспределения. Изучение документов ЦК КПСС и Госплана СССР показывает, что в 1963–1964 гг. для плановиков и министров становится более привлекательной стратегия экспорта углеводородных ресурсов («нефтегазовый маневр»)[159], получение ренты, импорт оборудования и материалов, а выгоды от перераспределения ресурсов в химическую промышленность были не слишком очевидны.

Изучение массива доступных архивных документов позволяет нам предположить, что ключевым фактором провала нефтехимического проекта и возникновения «ресурсного проклятия» в советской экономике являлась советская модель пла-

---

[157] См.: РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 14, 15.

[158] См.: *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 544, 565, 566.

[159] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1812. Л. 262–278; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 733, 734.

нирования, требовавшая многочисленных междуведомственных согласований, которая не позволяла в случае с нефтехимической индустрией и в целом эффективного использования нефтегазовых ресурсов (возможно и в случае развития электроники и автомобилестроения) разрешить «загадку компетентности», т.е. относительно быстро, в данном случае в течение 7–10 лет, накопить знания и сформировать компетенции необходимые для создания гражданской высокотехнологической отрасли.

Проблема, которая достаточно точно указывает на провалы планирования нефтегазовой и химической промышленности и того, что плановики оказались недостаточно компетентны и допускали расточительность нефтегазового сырья, что характерно для экономики «ресурсного проклятия», являлась утилизация попутного нефтяного газа. Этот аспект исследователи необоснованно игнорируют, хотя он является даже более адекватным показателем для оценки экономической политики, чем экспорт нефти и газа. В ЦК КПСС многократно подчеркивали, что попутный нефтяной газ является ценным сырьем для химической промышленности. Проблема использования попутного нефтяного газа являлась исходным решениям для запуска нефтехимического проекта. На Пленуме ЦК КПСС 6 мая 1958 г. Н.С. Хрущев связал отставание развития химической промышленности в СССР с недооценкой министерствами нефтегазового комплекса «попутных газов нефтедобычи и природных газов, как наиболее доступного и дешевого сырья для производства синтетических материалов»[160]. В 1958–1964 г. Н.С. Хрущев неоднократно критиковал плановиков и министров за примитивный подход к использованию нефти, природного и попутного газа, что «надо держать курс на максимальную переработку нефти и торговать нефтепродуктами, а не сырой нефтью»[161]. Но документы Госплана СССР фиксируют проблему резкого отставания в использовании попутного нефтяного газа как существенный недостаток развития нефтяной промышленности на протяжении 1950-х

[160] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 55.

[161] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 313. Л. 42, 45, 46; Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 33; Д. 338. Л. 94; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 801.

– 1970-х гг.[162] В 1950-х – первой половине 1960-х гг. абсолютные потери попутного газа ежегодно увеличивались в среднем на 633 млн м^3.[163] В 1951–1956 гг. на промыслах было потеряно более 14 млрд м^3 попутного газа, что эквивалентно 24 млн т. угля стоимостью 2,6 млрд руб. (в ценах 1955 г.)[164]. ЦК КПСС предпринял несколько попыток решить проблему утилизации попутного нефтяного газа. Первая попытка была предпринята в 1958 г. в ходе разработки программ развития химической промышленности и газификации народного хозяйства[165]. В подготовленном Госпланом СССР и Газпромом СССР в 1958 г. технико-экономическом обосновании развития газовой промышленности в 1959–1965 гг. отмечалось, что ежегодно терялось более 3 млрд м^3 попутного газа; фактически в 1958 г. потери газа составили 4,3 млрд м^3, что составило 44% от общих ресурсов попутного газа [166]. Однако данные Госплана СССР показывают, что в 1959–1962 гг. ситуация с утилизаций попутного газа только ухудшилась; потери газа составили по различным оценкам 23–24,7 млрд м^3 или 43–44% от общих ресурсов попутного газа, что было эквивалентно более 50 млн т. угля стоимостью более 500 млн руб. (в ценах 1961 г.)[167]. В 1963–1964 гг. при разработке новой программы развития химической промышленности (1964–1970 гг.) предпринимается вторая попытка решить эту проблему[168]. Более того, архивные документы указывают на множество решений на всех уровнях институциональной иерархии – ЦК КПСС, Высший совет народного хозяйства СССР, Госплан СССР, Совет народного хозяйства СССР, государственные комитеты нефтяной, газовой и химической промышленности, что можно трактовать как стремление реально пере-

[162] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 806. Л. 50.
[163] РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 32. Л. 21.
[164] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 139. Л. 98, 99; Д. 112. Л. 25.
[165] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 55, 56; Д. 313. Л. 40–42.
[166] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 57. Д. 13. Л. 462;. Оп. 58. Д. 431. Л. 36.
[167] РГАЭ. Ф. 4372.Оп. 65. Д. 342. Л. 44, 45; Ф. 233. Оп. 1. Д. 35. Л. 221.
[168] РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 32. Л. 6; Ф. 4372. Оп..65. Д. 806. Л. 73.

ломить ситуацию[169]. СНХ СССР разработал ряд мер, направленных на увеличение коэффициента использования попутного газа до 75% в 1965 г. и до 87,5% в 1970 г.[170] Однако ситуация оставалась критической; в 1966–1967 гг. в аналитических материалах Госплана СССР указывалось, что проблема с утилизацией попутного газа оставалась не решенной[171]. В конце 1960-х гг. уровень утилизации попутного газа составлял 60–63%, а на новых месторождениях в Западной Сибири не выше 6%[172]. По данным Госплана СССР в начале 1970–х г. ежегодно сжигалось 6 млрд м^3 и в ведомстве ожидали троекратный рост его потери к середине 1970-х гг.[173] В записке заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС В.И. Долгих указывалось, что в СССР в 1965 г. было утилизировано 69,9%, в 1970 г. – 61,1%, в 1973 г. – 57,8%[174]. Для решения проблемы использования попутного газа, а также газового конденсата в первой половине 1970-х гг. Госплан СССР, Министерство нефтехимической промышленности СССР и АН СССР разрабатывали решения по строительству нефтехимических комбинатов в Тюменской и Томской областях[175].

Архивы показывают, что кроме угроз, что «попутный газ сжигать в факелах это преступление. Нужно судить людей, как растратчиков» (Н.С. Хрущев)[176] или, заявлений, что «ведомственность, узкоотраслевой подход приводит сегодня к большим потерям исходного сырья ...» (Л.И. Брежнев)[177], советские лидеры не могли предложить эффективных механизмов повышения коэффициента использования попутного газа. Проблема

[169] РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 35. Л. 220–227; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 30–33; Д. 338. Л. 44.
[170] РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 32. Л. 22.
[171] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 2389. Л. 182.
[172] РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2683. Л. 189об; РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 10.
[173] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 312. Л. 19.
[174] Записка была направлена 29 августа 1974 г. Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. – РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 84, 85.
[175] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 322. Л. 10–14, 73–77; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 5080. Л. 197–239, 249–252, 261$_а$–264; Д. 6669. Л. 13–22, 24–25.
[176] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 32.
[177] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 312. Л. 21.

утилизации попутного газа заключалась в невозможности «серьезной перестройки мышлении плановиков»[178], так как повысить коэффициент использования попутного газа можно было решить при условии платности фондов, недр и санкций за сжигаемый газ, но плановики считали платность фондов надуманной и вредной идей для советской экономики[179]. В начале 1960-х гг. плановики и эксперты не смогли достичь консенсуса о перспективной потребности в полимерных материалах и рекомендовать наилучшие направления их использования в экономике, а во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. Госплан СССР проводил дискриминационную политику в отношении химической индустрии[180]. Соответственно плановики не могли предложить направления использования попутного нефтяного газа для химической промышленности. Можно предположить, что отказ от нефтехимического проекта ускорил формирование ресурсного проклятия в советской экономике, поскольку постепенно приоритеты сместились от переработки к экспорту нефтегазового сырья.

«Нефтегазовый маневр» – стратегия форсированного развития нефтегазового комплекса для экспорта нефтегазовых ресурсов, получения ренты и импорта оборудования, стратегических материалов и потребительских товаров.

Изучение архивных документов позволяет утверждать, что эта стратегия формировалась второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., и постепенно в течение 1960-х гг. экспорт нефти и природного газа («нефтегазовый маневр»), а не на их комплексное использование и переработку («нефтехимический проект»), становится доминирующей стратегией советский лидеров.

В 1957–1958 гг. Госплан СССР уже разрабатывал решения, в последующие годы ставшие основой для «нефтегазового маневра». В конце 1957 г. отдел сводного народнохозяйственного плана Госплана СССР направил заместителю председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгину записку «О нерешенных проблемах проекта шестой пятилетки», в которой указывал, что

---

[178] См.: РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 321. Л. 177.

[179] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 519. Л. 195, 196; Плата за недра // Научно-технические общества. 1970. № 10. С. 3, 4.

[180] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1128. Л. 14.

«необходимо рассмотреть вопрос о возможности увеличения намеченных заданий по добыче нефти в 1959–1960 годах на 2–4 млн тонн в год с целью продажи сырой нефти на экспорт»[181]. С конца 1950-х гг. СССР постепенно увеличивал экспорт сырой нефти; кардинальные изменения произошли на рубеже 1950-х – 1960-х гг., экспорт нефти вырос с 12,8 млн т. в 1959 г. до 17,8 млн т. в 1960 г.

Ценным документом о стратегии советских плановиков в ранний период (1955–1960 гг.), когда добыча нефти еще не превысила 100 млн т. и проектирование магистральных нефтепроводов в западном направлении еще только начиналось, является записка «Об увеличении поставок нефти и организации подачи природного газа в Чехословацкую народную республику» начальника отдела нефтяной и газовой промышленности В.А. Каламкарова, направленной 9 августа 1957 г. председателю Госплана СССР И.И. Кузьмину[182]. По оценке плановиков, динамика экспорта нефти в Чехословакию в течение 1957–1970 гг. должна была составить 985 тыс. т в 1957 г., 2 млн т в 1960 г., 3 млн т в 1965 г. и 5 млн т в 1970 г. При этом в записке подчеркивается, что «поставки нефти на экспорт, как правило, экономически менее выгодны, чем поставки нефтепродуктов. Так, например, нефть поставляется в Чехословакию по цене в 90 руб. за тонну, в то время как цена автомобильного бензина, получаемого из этой нефти, составляет 130 руб. и дизельного топлива – 100 руб. за тонну». Однако поскольку в Госплане СССР оптимистически смотрели на перспективы развития нефтегазовой промышленности, плановики считали возможным увеличение поставок сырой нефти в Чехословакию в 1960–е гг., «имея в виду получение взамен ее других сырьевых ресурсов, либо оборудования, существенно улучшающего экономику топливопотребления (тепловозы, электровозы)»[183].

[181] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 112. Л. 25. Если экспорт нефти был осуществлен в капиталистические страны, это означало получение дополнительно от 15 до 30 млн руб. в свободно конвертируемой валюте.
[182] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 207. Л. 21–25.
[183] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 207. Л. 21, 22.

Основными проблемами для увеличения экспорта нефти в Чехословакию и другие страны «народной демократии» являлись загруженность железных дорог и высокие, превышающие себестоимость добычи нефти, издержки транспортировки сырья по железной дороге[184]. Эффективным решением этой проблемы в Госплане СССР рассматривали «строительство крупного магистрального нефтепровода из районов Татарии и Куйбышевской области к западной границе с тем, чтобы от границы и дальше соответствующие нефтепроводы были построены странами–импортерами нефти». Общая стоимость нефтепровода, протяженность 3000 км и мощностью 20 млн т нефти/год, должна была составить 1,4 млрд руб. и требовала 500 тыс. т. труб диаметром 500 мм и 750 мм. По оценке плановиков, строительство нефтепровода позволяло в 4 раза снизить издержки транспортировки нефти в сравнении с железнодорожным транспортом и ежегодно экономить 1,3 млрд руб.[185] В 1958–1960 гг. эти расчеты легли в основу проекта строительства нефтепровода

[184] Себестоимость перекачки нефти и нефтепродуктов по трубопроводам в 1960 г. была в среднем в 2,3 раза ниже, чем их перевозка по железной дороге. – Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство. Т. 2. М., 1964. С. 91.

[185] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 207. Л. 22, 23. В 1959 г. этот вопрос также обсуждался в связи с увеличением экспорта нефти в Польшу. В Госплане СССР отметили, что в принципе возможно увеличить поставку нефти в Польшу с 670 тыс. т. в 1960 г. до 2,7 млн т. в 1965 г. В заключении плановиков указывалось, что «При этом остается нерешенным вопрос о транспортировке нефти в Польшу. Имея в виду, что транспортировка в больших количествах нефти к польской границе и другие страны Запада по железной дороге будет затруднительной и что коренное решение этого вопроса возможно только путем строительства нефтепровода из Заволжья к границе Польской Народной Республики, считали бы целесообразным этот вопрос рассмотреть дополнительно между советскими и польскими специалистами, имея в виду, что Польская Сторона примет участия в строительстве нефтепровода к ее границе путем поставки в Советский Союз труб и оборудования компрессорных станций». – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 226. Л. 225, 226.

«Дружба», протяженностью 4,6 тыс. км, из труб диаметром 1020 мм, введенного в эксплуатацию в конце 1964 г.[186]

В отношении экспорта природного газа в Чехословакию плановики занимали противоположную позицию, отмечая, что «с точки зрения экономических интересов СССР экспорт газа вообще является невыгодным по сравнению с экспортом угля». По расчетам Госплана СССР, за поставку на экспорт 1 тонны угля СССР получал свыше 90 руб., а за 1000 м^3 только 30 руб., в то время как 1000 м^3 газа по калорийности в 1,3 раза выше, чем 1 т угля. Однако, плановики считали, что «если даже не принимать во внимание экономическую сторону вопроса», главная причина невозможности экспорта газа в Чехословакию в объеме 1,5–2 млрд м^3 в год, заключалась в том, что СССР не располагал свободными ресурсами природного газа в западных районах страны и не имел технической возможности осуществить передачу газа из восточных районов. В.А. Каламкаров рекомендовал рассмотреть вопрос поставки газа в Чехословакию с месторождений Румынии[187]. Записка показывает, что стратегия плановиков разделяла политическую и экономическую целесообразность и исходила из достаточно рациональных предпосылок, учитывая экономическую, ресурсную и технологическую стороны экспорта сырья. Однако в этих материалах просматривается контур будущей стратегии «нефтегазовый маневр», – экспорт углеводородных ресурсов в обмен на получение дефицитного оборудования и участие в строительстве энергетической инфраструктуры стран-импортеров нефти, в том числе поставка ими труб.

По всей видимости, в 1960–1961 гг. происходит кристаллизация стратегии «нефтегазовый маневр»; в 1960 г. с Италией и Швецией заключаются компенсационные соглашения на поставку нефти в обмен на трубы и оборудование для строительства нефтепровода «Дружба». На заседании Президиума ЦК КПСС от 3 декабря 1961 г., на котором обсуждался доклад Госплана СССР по народнохозяйственному плану и бюджету на

[186] Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство. Т. 3. М., 1965. С. 484; Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas / Ed. Jeronim Perovic. L., 2017. P. 321–344.

[187] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 207. Л. 24, 25.

1962 г., председатель Госплана СССР В.Н. Новиков предложил, что «лучше продавать валютные товары (выгоднее), чем золото», покупать оборудование в ФРГ и Великобритании за счет банковских кредитов[188].

В первой половине 1960-х гг. возникли группы интересов, включавшие плановиков и министров, которые предлагали конкретные проекты экспорта нефтегазовых ресурсов. Например, в 1963 г. Газпрома СССР разрабатывал проект по экспорту нефти в Японию в обмен на трубы для газовой промышленности. Этот случай мы рассматривали в предыдущих исследованиях[189].

В фонде Госплана СССР нами были обнаружены сведения о проекте по организации экспорта природного газа, в том числе сжиженного природного газа (СПГ), в Австрию, Англию, Италию, Швецию, Финляндию и Японию, поддержанного группой «нефтегазовых» плановиков и министров. Основные параметры проекта содержаться в записке «По вопросу организации экспорта природного газа в капиталистические страны», подготовленной в аппарате Совета Министров СССР для первого заместителя председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина[190]. Проект предполагал развитие добычи природного газа на Севере Западной Сибири и Сахалине (прогнозные запасы 700 млрд м^3 и 525 млрд м^3 соответственно), строительство газопроводов к портам Балтийского, Черного морей и в Западную Европу, заводов по сжижению газа мощностью 6–7 млн т. Общий объем капитальных вложений мог составлять 1 млрд руб., в том

[188] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 529, 530.

[189] *Некрасов В.Л.* Нефтехимический проект Н.С. Хрущева...; *Nekrasov V.L.* Decision-Making in the Soviet Energy Sector in Post-Stalinist Times: The Failure of Khrushchev`s Economic Modernization Strategy // Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas / Editor J. Perovic. L., 2017.

[190] Ключевая идея проекта заключалась в «... изыскании дополнительных ресурсов природного газа и об организации экспорта газа в капиталистические страны в целях получения свободной валюты и ускорения развития газовой промышленности за счет привлечения материальных и денежных средств в виде промышленных кредитов с оплатой этих кредитов поставками природного газа ...». – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1812. Л. 257.

числе 480 млн рублей на строительство заводов. Срок окупаемости для «сахалинского» проекта составил бы 2,5–3 года, для «западносибирского» проекта – 4–5 лет. Объем экспорта газа мог бы составить около 15 млрд м^3 в год на сумму ориентировочно 150 млн инвалютных рублей. Реализация этого проекта предполагала заключение «компенсационных соглашений», – получение долгосрочных кредитов у стран–импортеров для покупки труб, оборудования и материалов с их последующей оплатой поставками природного газа. В аппарате Совета Министров СССР считали, что «советский природный газ в сжиженном виде будет весьма конкурентоспособным по условиям транспортировки морем, так как расстояния от наших портов до потребителей в 2–3 раза короче расстояний, на которые намечены перевозки иностранными фирмами». В данном случае интересным является тот факт, что в декабре 1963 г. Н.С. Хрущев предлагал на основе «компенсационного соглашения» с Японией создать на базе нефтегазовых ресурсов Сахалина «мощную химическую промышленность, и эту мощную химическую промышленность сделать источником накопления материалов для торговли с азиатскими странами», в первую очередь с Японией, Индонезией, Индией и Китаем[191]. Однако «нефтегазовые» плановики и министры, – заместитель председателя Газпрома СССР Ю.И. Боксерман, заместитель председателя СНХ СССР В.А. Каламкаров, первый заместитель председателя Госкомитета топливной промышленности СССР С.А. Оруджев и «другие» лоббировали сырьевые проекты по экспорту СПГ[192]. И хотя ни проект, предлагавшийся Н.С. Хрущевым, ни проект по СПГ не были реализованы из–за отсутствия в СССР как оборудования по СПГ и специальных танкеров для его транспортировки, так и технологий для строительства подобной инфраструктуры, но содержание этого документа, как и других материалов, показывает, что уже в 1963–1964 гг., т.е. в период кризиса и «реконструкции» нефтехимического проекта и накануне смещения Н.С. Хрущева, вокруг стратегии «нефтегазовый маневр», складывались группы влияния, лоббировавшие конкретные проекты

[191] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 785, 786.
[192] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1812. Л. 251–257.

для получения нефтегазовой ренты. Следует допустить, что в конце 1950–х – первой половине 1960–х гг. на всех уровнях институциональной иерархии – ЦК КПСС, Госплан СССР и министерства сложился консенсус относительно нефтегазовых ресурсов как альтернативного источника формирования валютных резервов, финансирования импорта и решения структурных проблем советской экономики, но различались подходы к использованию ресурсной ренты.

Хотя первые компенсационные соглашения были заключены именно при Н.С. Хрущеве, в 1963–1964 гг. советский лидер выступал против сделок «нефтегазовые ресурсы в обмен на трубы», считая, что ресурсную ренту, золотые запасы и кредиты необходимо использовать для покупки высокотехнологичного оборудования, в первую очередь для химической промышленности, особенно, то, которое еще не было освоено в СССР, что позволило бы повысить технологический уровень советской экономики[193].

Отставка Н.С. Хрущева и «демонтаж» нефтехимического проекта ускорили формирование стратегии «нефтегазовый маневр». Архивы показывают, что во второй половине 1960–х гг. в советской экономике активно развивались проекты, направленные на экспорт нефтегазовых ресурсов. В 1965–1969 гг. Министерство внешней торговли СССР и Газпром СССР вели переговоры с представителями восьми государств (Австрия, Италия, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехословакия, Швеция, Япония) об экспорте газа, кредитах, импорте оборудования и труб для газопроводов[194].

Согласно докладу Госплана СССР и Министерства внешней торговли СССР об импорте оборудования, подготовленного в 1966 г. для ЦК КПСС в течение 1959–1965 гг. было импортировано машин, оборудования и судов на сумму 13,3 млрд инвалютных рублей, в том числе из социалистических стран – на 10,1 млрд рублей и из капиталистических стран – на 3,2 млрд

[193] Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 733. 734.

[194] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 371. Л. 37; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1812. Л. 79–85, 103, 104; Д. 2410. Л. 6–10; Д. 2429. Л. 6, 19, 35–38.

рублей[195]. Это без учета импорта материалов, сырья и продовольствия, включая трубы, металлопрокат, цветные металлы, натуральный каучук, зерно и др. Иными словами, если бы весь размер ресурсной ренты, полученный в 1958–1965 гг. был бы потрачен на импорт оборудования, то ее хватило чтобы оплатить 38% импорта из социалистических стран или 62,5% – из капиталистических стран (в капиталистических странах можно было закупить оборудование и материалы только за свободно конвертируемую валюту). Таким образом, используя доходы от экспорта топливных и сырьевых ресурсов, оборудования, продажи золота, краткосрочные и долгосрочные кредиты СССР должен был без проблем финансировать импорт оборудования и материалов, однако, архивы показывают, что в 1960-е гг. СССР испытывал значительные трудности в финансировании импорта, нарастали дефицит платежного баланса и задолженность по кредитам[196].

Фактически плановики и министры должны были решить классическую экономическую дилемму, – как правильно распределить ресурсную ренту с наибольшей выгодой для экономики и общества. Группы влияния, лоббировавшие свои решения в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Госплане СССР, в явном или завуалированном виде, учитывая отставание СССР от передовых капиталистических стран, указывали, что их предложения требуют закупки за рубежом значительного количества оборудования и материалов. Эта ситуация требовала решения вопроса об источниках финансировании импорта – продавать золото, получение в капиталистических странах долгосрочных банковских кредитов, использование ресурсной ренты? Архивы показывают, что если в конце 1950-х гг. в ЦК КПСС и Госплане СССР считали главным источником поступления валюты и финансирования импорта оборудования будет золото, зерно и хлопок, то в первой половине 1960-х гг. в связи с ограниченными возможностями экспорта сельскохозяйственного сырья и продажи золота, происходит изменение стратегии в сторону долгосрочных кредитов и нефтегазовых ресурсов, а в 1963–1964 гг.

[195] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 371. Л. 1, 2.
[196] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 823. Л. 10–12,119–121.

плановики считали, что с 1969 г. необходимо полностью отказаться от импорта оборудования за счет кредитов, а использовать поступления валюты от экспорта. Но фактически во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. роль долгосрочного банковского и коммерческого кредитования увеличилась в финансировании импорта оборудования и промышленных материалов[197].

В конце 1950-х гг. советские плановики оценили роль нефтегазовой ренты в финансировании импорта технологий, оборудования и материалов. В 1957 г. в Госплане СССР допускали поставку нефти в Чехословакию в обмен на другие сырьевые ресурсы или «оборудование, существенно улучшающего экономику топливопотребления (тепловозы, электровозы)» (т.н. «компенсационное соглашение»)[198]. В конце 1957 г. отдел сводного народнохозяйственного плана Госплана СССР направил заместителю председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгину записку «О нерешенных проблемах проекта шестой пятилетки», в которой указывал, что «необходимо рассмотреть вопрос о возможности увеличения намеченных заданий по добыче нефти в 1959–1960 годах на 2–4 млн тонн в год с целью продажи сырой нефти на экспорт»[199]. На заседании Президиума ЦК КПСС от 3 декабря 1961 г., на котором обсуждался доклад Госплана СССР по народнохозяйственному плану и бюджету на 1962 г., председатель Госплана СССР В.Н. Новиков предложил, что «выгоднее продавать валютные товары (выгоднее), чем золото», покупать оборудование в ФРГ и Великобритании за счет банковских кредитов[200]. Таким образом, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. на всех уровнях институциональной иерархии – ЦК КПСС, Госплане СССР и министерствах сложился консенсус

[197] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 530; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 431. Л. 104, 105;. Оп. 68. Д. 371. Л. 36; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 63. Д. 431. Л. 316–318;.Оп. 76. Д. 112. Л. 43, 44;. Оп. 77. Д. 123. Л. 77, 78;. Оп. 81. Д. 823. Л. 11, 12, 121.

[198] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 207. Л. 22.

[199] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 112. Л. 25. Если экспорт нефти был осуществлен в капиталистические страны, это означало получение дополнительно от 15 до 30 млн руб. в свободно конвертируемой валюте.

[200] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 529, 530

относительно нефтегазовых ресурсов как альтернативного источника формирования валютных резервов и финансирования импорта, но различались стратегии в его использовании. Изучение архивов показывает, что плановики и министры придерживались (декларировали) четырех основных стратегий как необходимо использовать ресурсную ренту[201].

Н.С. Хрущев, столкнувшись с кризисом проекта развития нефтегазового комплекса и химической промышленности, предпринимает попытки найти новые идеи, механизмы и ресурсы для его реализации[202].

Одним из механизмов «реконструкции» нефтехимического проекта являлось расширение закупки оборудования и материалов для химической и нефтегазовой промышленности за рубежом. Такая идея возникла еще в начале реализации нефтехимического проекта. В мае 1958 г. на Пленуме ЦК КПСС Хрущева высказал идею о необходимости активизировать экономическое и научно–техническое сотрудничество с социалистическими и капиталистическими странами. В капиталистическом мире глава советского правительства, особенно, выделял сотрудничество с США, ФРГ и Великобританией, намереваясь там приобрести часть оборудования для химической промышленности, и считая, что тем самым они «примут участие» в ускорении коммунистического строительства. Никита Сергеевич Хрущев подчеркивал, что «Советский Союз сейчас не прочь развивать коммерческие отношения с капиталистическими странами. Это отнюдь не противоречит нашим взглядам. Мы за мирное сосуществование, а споры о преимуществе того или иного строя будет решен именно в ходе мирного соревнования»[203].

Однако если экономическое и научно–техническое сотрудничество в области химической промышленности между СССР и странами-членами СЭВ уже существовало, в числе прочего

---

[201] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 361. Л. 39–43; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 732–734; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 207. Л. 24;. Оп. 81. Д. 823. Л. 227, 228, 234; Д. 1089. Л. 50.
[202] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 671 Л. 29, 30, 173, 177, 178; Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 5; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 790.
[203] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 101, 102.

были организованы Постоянные комиссии СЭВ по отраслям промышленности, в том числе по химии, нефтегазовой промышленности, машиностроению, электроэнергетике[204], то сотрудничество с капиталистическими странами еще только предстояло наладить. Ключевой проблемой для СССР в развитии экономического сотрудничества с капиталистическими странами являлся доступ к долгосрочным и среднесрочным кредитам для покупки оборудования и труб[205].

На заседании Президиума ЦК КПСС 3 декабря 1961 г. председатель Госплана СССР В.Н. Новиков докладывая вопрос о плане увеличения производства каучука в 1962 г., предложил купить оборудование в ФРГ и Великобритании, но при условии, если эти страны предоставят кредит[206].

К середине 1960–х гг. список капиталистических стран, с которыми велись переговоры об экономическом сотрудничестве, закупалось новое оборудование и лицензии для химической и нефтегазовой промышленности, существенно возросло и включал такие страны как Бельгия, Великобритания, Голландия, Италия, Финляндия, Франция, ФРГ, Швеция, Япония.

Н.С. Хрущев требовал закупать в капиталистических и социалистических странах только самое современное оборудование для химической промышленности и лицензии. В связи с необходимостью закупки оборудования в капиталистических странах стал актуальным вопрос об использовании источников финансирования импорта, – золотые запасы, ресурсная рента, получаемая за счет экспорта товаров и сырья и кредиты. При чем изначально стало ясно, что даже закупка труб для химической и нефтегазовой промышленности требовало значительных ресурсов. Так, 9 декабря 1958 г. председатель Госплана СССР И.И. Кузьмин направляет записку в ЦК КПСС, в которой отме-

---

[204] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 400. Л. 4, 23, 24; РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 28; *Воинов А., Семенов И.* Международное социалистическое разделение труда в топливно-энергетических отраслях // Вопросы экономики. 1960. № 12. С. 54–64.

[205] *Липкин М.А.* Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х – середина 1960-х гг. М., 2011. С. 280–294.

[206] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 530.

чал, что «для обеспечения потребности народного хозяйства в стальных трубах Госплан СССР считает необходимым недостающее количество труб в 1959–1960 годах закупить за границей. Проведение этого мероприятия потребует израсходовать в 1959 году 310 миллионов инвалютных рублей и в 1960 году 357 миллионов инвалютных рублей, а в пересчете на чистое золото – в 1959 году 70 тонн и в 1960 году 80 тонн»[207]. И не смотря на то, что И.И. Кузьмин отмечал, что с 1961 г. напряженность ослабнет и начнется прирост производственных мощностей в трубной промышленности, в последующем ситуация кардинально не изменилась. Но Председатель Совета Министров СССР поддерживал предложения использовать запасы золота для импорта оборудования и материалов для новых отраслей промышленности. На заседании Президиума Совета Министров СССР 4 декабря 1962 г. Н.С. Хрущев предложил Совету Министров СССР и Госплану СССР активней использовать золотые запасы для закупки химического оборудования[208]. Причем выступление советского лидера было выдержано в оптимистических тонах, несмотря на дефицит платежного баланса СССР.

По данным Госплана СССР, начиная с 1956 г. платежный баланс СССР сводился с крупным дефицитом, что вызывало необходимость вывоза золота. Так в 1956–1961 гг. было продано золота более 1150 тонн. За счет поступлений от продажи золота было оплачено ¼ всего импорта машин, оборудования и товаров из капиталистических стран. В 1962–1963 гг., без учета стоимости закупленного хлеба, золота было продано на 324 млн рублей и кроме того использовано краткосрочных банковских кредитов на сумму 90 млн рублей. Валютный план на 1964–1965 гг. был сведен с дефицитом в 167 млн рублей в 1964 г. и 61 млн рублей в 1965 г. Фактический дефицит в 1965 г., с учетом принятых

---

[207] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 123. Л. 77, 78, 81.

[208] На заседании председатель Совета Министров СССР сказал следующее, – «Химии дать приоритет, новому, производству. Давайте откроем наши сейфы, не пожалеем золота, – купить. Мы сэкономим 3, а может 5–10 лет, с тем, чтобы вырваться сразу на уровень, который занимает сейчас мировая практика в получении пластмасс. Это окупится. На кой черт нам золото». – РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 267. Л. 35.

решений о дополнительной закупке в 1965 г. оборудования для химической промышленности, превысил 100 млн рублей[209]. Согласно докладу Госплана СССР и Министерства внешней торговли СССР об импорте и использовании оборудования, подготовленного для ЦК КПСС в 1966 г. в течение 1959–1965 гг. в СССР было импортировано машин, оборудования и судов на сумму 13,3 млрд инвалютных рублей, в том числе из социалистических стран – на 10,1 млрд рублей и из капиталистических стран – на 3,2 млрд рублей. Для химической промышленности в 1959–1965 гг. в СССР было поставлено оборудование на сумму 1147,2 млн рублей. Доля химической промышленности в импорте высокотехнологического оборудования составил 8,6%. Однако в импорте комплектного оборудования заводов и установок доля химической промышленности была значительно выше, и составляла 22,2%, было поставлено 380 единиц или 26,8% – на 627,2 млн рублей[210].

В 1963–1964 гг. видимо Н.С. Хрущев осознавал ограниченность золотых запасов, и считал возможным кроме оборудования покупать или получать лицензии путем промышленного шпионажа. На совещании в ЦК КПСС в марте 1963 г. советский лидер, никого не стесняясь, прямо утверждал, что необходимо вести промышленный шпионаж, а «то, что, не можете украсть, надо покупать. Весь мир так действует». Первый секретарь ЦК КПСС особенно выделил опыт Японии, – «смотрите японцы поднялись только на воровстве и покупке, главным образом на воровстве, потому что самые искусные воры патентов – это японцы»[211]. В 1963–1964 гг. Н.С. Хрущев регулярно продвигает мысль, чтобы «мы не изобретали, не начинали с азов, а с тем, чтобы уже современные машины купить и от этого уровня начинать развивать у себя на собственной базе», подчеркивая, что «это единственно правильный и многообещающий путь»[212].

---

[209] РГАЭ. 4372. Оп. 81. Д. 823. Л. 10, 11.

[210] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 371. Л. 1, 2, 24.

[211] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 257. Л. 60, 61.

[212] Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С., 721, 723, 723–734, 745, 746; Никита Хрущев.

Ограниченные возможности золотых запасов поставили вопрос об использовании ресурсной ренты для модернизации экономики. На заседании Президиума ЦК КПСС 3 декабря 1961 г. председатель Госплана СССР В.Н. Новиков высказал мысль, что «лучше продавать валютные товары (выгоднее), чем золото»[213]. В этой связи важным является вопрос о роли нефти и нефтепродуктов как источников ресурсной ренты для модернизации советской экономики. В 1963 г. Н.С. Хрущев считал, что «надо держать курс на максимальную переработку нефти и торговать нефтепродуктами, а не сырой нефтью»[214].

В первой половине 1960-х гг. создаются мощные системы нефтепроводов и стремительно растет экспорт нефти и нефтепродуктов в капиталистические и социалистические страны[215]. Экономисты Клиффорд Г. Гэди и Барри У. Икес отмечают, что «в послевоенный период ресурсная рента, получаемая от добычи жидких углеводородов, начала играть более заметную роль»[216].

Согласно докладу Госплана СССР о мероприятиях по повышению эффективности внешней торговли от 11 апреля 1967 г. на долю СССР приходилось свыше 17% мирового экспорта угля, свыше 15% мирового экспорта кокса, свыше 7% мирового экспорта нефти и 10% экспорта основных нефтепродуктов (бензин, керосин, дизельное топливо, мазут). Экспорт этой группы товаров в 1965 г. достиг 1,2 млрд рублей. Их доля в общем экспорте СССР составляла примерно 18%, а в экспорте сырьевых товаров и полуфабрикатов – 28%. Однако, по оценке специалистов Госплана СССР, экспорт товаров топливной группы в целом характеризовался относительно низкой эффективности, что связано, прежде всего, с хронически неблагоприятной для экспор-

1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 134.

[213] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2003. С. 530.

[214] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 94.

[215] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945–1965 гг.). М., 2000. С. 134.

[216] *Гэдди К.Г., Икес Б.У.* Указ. соч. С. 535.

теров конъюнктурой сырьевых рынков, высокой себестоимостью и капиталоемкостью их производства в СССР[217] (Таблица 2).

[217] РГАЭ. Ф. 4372. 81 Д. 2387 Л. 131.

Таблица 2

Конкурентоспособность советского экспорта топливных ресурсов в 1964 г.[218]

	Эффективность (%)						
	Себестоимость производства	Себестоимость с учетом транспортных расходов			Экономические затраты (без затрат в сопряженные отрасли)		
		В среднем	Соц. страны	Капитал. страны	В среднем	Соц. страны	Капитал. страны
Всего	199	101	105	79	57	70	45
Уголь	78	55	57	51	47	49	43
Кокс	108	86	96	61	83	93	59
Нефть	302	127	167	91	58	76	42
Бензин А–90	36	36	–	36	23	–	23
Бензин А–76	121	85	123	49	56	82	33
Дизельное топливо	203	135	191	120	69	92	61
Мазут топочный	126	75	90	69	37	44	33

[218] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 2387. Л. 131. Данные об эффективности советского экспорта являются приблизительными в связи с погрешностями действующих оптовых цен, отсутствием надежных данных о себестоимости и об удельной капиталоёмкости, особенно в сопряжённых отраслях. – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 2387. Л. 2.

Наиболее крупной статьей в этой группе товаров являлись нефть и нефтепродукты, экспорт которых в 1965 г. составил свыше 836 млн рублей (69,6% доходов от экспорта топливных ресурсов). В 1959–1965 гг. экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР вырос с 16,7 млн т. до 63,48 млн т., достигнув 26,1% к объему добычи нефти и в итоге занял ведущее место в общем экспорте топлива (Таблица 3).

Таблица 3

Экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР (млн т.)[219]

Год	Нефть	Нефтепродукты	Нефтяной эквивалент экспорта
1958	9,1	7,6	16,7
1959	12,7	10,3	23,0
1960	17,8	14,1	31,9
1961	23,4	17,8	41,2
1962	26,3	18,4	44,7
1963	30,2	20,38	50,58
1964	36,7	19,09	55,79
1965	43,4	20,08	63,48
Прирост за 1959–1965	34,3	12,48	46,78

В середине 1960–х гг. удельный вес СССР в мировом экспорте нефти составил 6,1%. В течение первой половины 1960-х гг. экспорт нефти в капиталистические страны вырос до 21 млн т. (в 2,3 раза) и социалистические страны, преимущественно в страны СЭВ, до 22,4 млн т. (в 2,5 раза). Среднегодовые темпы роста экспорта составили 19,5%, в том числе в капиталистические страны – 18,5% и в социалистические страны – 20,5%.

Доля экспорта в добыче в СССР повысилась с 12% в 1960 г. до 17,9% в 1964 г. (без учета нефти, используемой для производства экспортируемых нефтепродуктов). Однако, по сравнению с основными мировыми странами–экспортерами, доля экспорта в добыче нефти оставалась достаточно низкой. Так доля экспорта в добыче нефти составляла в Венесуэле – 70%, Иране – 75%, Саудовской Аравии – 84%, Кувейте – 90%, Ираке – 97%.

[219] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 2389. Л. 180, 181.

По расчетам Госплана СССР валютная эффективность экспорта нефти в целом составила в 1964 г. 127%, а по экономическим затратам (без затрат в сопряжённые отрасли) – 58%, в том числе по капиталистическим странам – 42% и социалистическим странам – 76%. В Госплане СССР относительно низкую общую валютную эффективность экспорта нефти по народнохозяйственным затратам объясняли экономическими, технологическими и транспортными факторами.

Низкая эффективность экспорта нефти обуславливалась большими удельными капиталовложениями, требующимися для прироста добычи нефти. Удельные капитальные вложения на прирост добычи нефти в 1964 г. в целом по отрасли составили – 81,5 рублей на одну тонну нефти. Однако по отдельным нефтедобывающим районам удельные капитальные вложения значительно варьировались (Таблица 4).

Таблица 4

Себестоимость и капиталовложения по добычи нефти (в рублях за тонну)[220]

	1964 г.		
	Себестоимость	Удельные капиталовложения на прирост добычи нефти	Приведенные затраты (15%)
Среднеотраслевая себестоимость	4, 30	81,50	16,53
Куйбышевнефть	2,58	111,94	19,22
Татнефть	2,45	25,77	6,32
Башнефть	3,38	47,90	10,57
Грознефть	5,01	33,53	9,48

Весьма значительными также являлись расходы на транспортировке нефти до границы, которые превышали стоимость её добычи. Так, в Новороссийск и Туапсе нефть с месторождений Татарской АССР доставлялась по железной дороге на расстояние 1700–2500 км, и стоимость доставки составляла 6,8–9,9 руб. за тонну, а в балтийские порты (1600–2300 км) – 6–9,1 рубля за тонну. Расходы по перевозке нефти от района добычи до порта

[220] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 2387. Л. 132.

погрузки (в среднем по отрасли) составляли в 1965 г. 4,3 рубля за тонну. В первой половине 1960-х гг. высокие издержки транспортировки нефти были связаны с тем, что основная часть нефти перевозилась по железной дороге, а строительство системы нефтепроводов, как в западном, так и восточном направлении, только начиналось[221].

На конкурентоспособности экспорта нефти сказывалось также повышенное содержание в экспортируемой нефти солей, воды и механических примесей. Содержание солей достигало 70–80, а в ряде случаев и превышало 100 мг на литр. Содержание воды и механических примесей достигало 2 процентов. Основные конкуренты СССР поставляли нефть практически не содержащую соль, воду и механические примеси. Все это приводило к снижению экспортных цен на советскую нефть[222].

Серьезным фактором, серьезно ограничивавшим экспорт нефти, выступал дефицит топлива в советской экономике. Так, на экспорт направлялась нефть из Европейской части СССР. В то же время именно европейские районы, а также Урал испытывали недостаток ресурсов топлива для внутреннего потребления, который ликвидировали за счет дальнепривозного угля, в основном Кузбасса и Экибастуза, и местных запасов низкокалорийного угля и торфа.

В итоге эти факторы серьезно ограничивали использование нефти и нефтепродуктов как источников ресурсной ренты и покрытия импорта оборудования и материалов для химической промышленности СССР.

Здесь стоит обратить внимание на два важных вопроса. Данные по экспорту нефти и нефтепродуктов не подтверждают, что в 1950–1960-е гг. СССР поставлял нефть только в социалистические страны[223]. Не соответствует действительности и утверждение, что «советские планировщики не осознавали всей

---

[221] Себестоимость перекачки нефти и нефтепродуктов по трубопроводам в 1960 г. была в среднем в 2,3 раза ниже, чем их перевозка по железной дороге. – Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство. Т. 2. М., 1964. С. 91.

[222] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 2387. Л. 133;. Оп. 58. Д. 429. Л. 187, 188.

[223] *Гайдар Е.Т.* Указ. соч. С. 143.

важности нефти и газа до конца 1960–х – начала 1970–х гг.» как источников ресурсной ренты[224]. Госплан СССР скептически относился к необходимости наращивать экспорт нефти. В 1964 г. в Госплане СССР констатировали, что, увеличение экспорта нефти с 40,5 млн т. в 1965 г. до 70 млн т. в 1970 г. создаст значительные трудности для советской экономики[225]. По оценкам специалистов Госплана СССР, учитывая относительно низкие цены на нефть на мировом рынке и значительно более высокие затраты на добычу и транспортировку нефти в СССР по сравнению с основными конкурентами, а также возрастающий дефицит в топливном балансе европейских районов СССР, существенное расширение экспорта нефти не представлялось целесообразным[226].

Таким образом, в середине 1960–х гг. несмотря на рост экспорта нефти и нефтепродуктов, поток ресурсной ренты в советскую экономику был еще незначителен по сравнению с периодом 1970-х – первой половины 1980-х гг. По оценке экономистов Г.Г. Клиффорда и Б.У. Икеса объем нефтяной ренты в советской экономике в этот период составлял не более 10 млрд долл. в год, а газовая рента отсутствовала[227].

Ограниченность ресурсов требовала знания размера нефтяной ренты в СССР в первой половине 1960–х гг. Однако в современных исследованиях отсутствуют детальные примеры распределения ренты в советской экономике. В частности, исследователи «ресурсной зависимости» России Г.Г. Клиффорд, Б.У. Икес, Е.Т. Гайдар не очень углублялись в вопрос о том, как именно функционировали институты распределения ресурсной ренты в советской экономике. Они описывают общую систему управления рентой, говорят о плановиках и группах влияния, претендующих на ресурсную ренту. Изучение архивных документов, посвященных нефтехимическому проекту Н.С. Хрущев позволяет уточнить функционирование институтов распределения капитальных вложений и ресурсной ренты в советской экономике.

---

[224] *Гэдди К.Г., Икес Б.У.* Указ. соч. С. 536.
[225] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 823. Л. 9, 16.
[226] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 2387. Л. 134.
[227] В долларах США 2011 г. См.: *Гэдди К.Г., Икес Б.У.* Указ. соч. С. 546.

Стратегии плановиков и министров по распределению ресурсной ренты проиллюстрируем на примере решения проблемы производства труб большого диаметра, без которых было невозможно развитие нефтегазового комплекса, наращивание экспорта сырья и увеличение ресурсной ренты.

Прогресс нефтегазовой промышленности, включая возможности экспорта углеводородных ресурсов, в известной степени определяется состоянием и уровнем развития трубного производства и особенно производств труб для магистральных трубопроводов[228]. Реализация крупных индустриальных программ и проектов в условиях дефицита ресурсов являлась особенностью принятия экономических решений советскими лидерами и плановиками. Архивы показывают, что «решительный курс на преимущественное развитие добычи и переработки нефти и газа» изначально столкнулся с дефицитом труб для магистральных нефтепроводов и газопроводов (т.н. труб большого диаметра, 1020, 1220, 1420 мм)[229]. В 1950-е гг. по производству электросварных труб СССР значительно отставал от капиталистических стран и не производил труб большого диаметра. До начала 1960-х гг. советские заводы производили трубы диаметром только 820 мм[230].

В течение 1958 – начале 1959 гг. в Госплане СССР работало несколько отраслевых комиссий и групп по разработке основных проблем перспективного плана развития черной металлургии, газовой и химической промышленности, которые решали и вопрос дефицита труб большого диаметра[231]. В июле 1958 г. комиссия, включавшая заместителей председателя Совета Министров СССР, союзных министров и руководителей союзных республик, направила председателю Совета Министров

[228] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 434. Л. 134; Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство. Т. 3. М., 1965. С. 479–484.
[229] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 108. Л. 2; Д. 112. Л. 19; Д. 139. Л. 76, 86;. Оп. 77. Д. 491. Л. 4; Ф. 7. Оп. 3. Д. 823. Л. 338.
[230] *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 666.
[231] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 693. Л. 10, 13, 93, 96, 115;. Оп. 77. Д. 289. Л. 1–6; Д. 408. Л. 1–34; Д. 491. Л. 1–13.

СССР Н.С. Хрущеву записку про «специальные мероприятия по обеспечению развития газовой промышленности трубами большого диаметра, компрессорами и арматурой». Предложения предусматривали увеличение производства трубопроводных труб с 940 тыс. т. в 1958 г. до 1920 тыс. т. в 1965 г., в том числе по производству новых труб диаметром 1020 мм, выпуск которых в 1965 г. должен был составить 510 тыс. т. По оценке комиссии, в ближайшие годы советские трубопрокатные заводы не смогли бы обеспечить строительство газопроводов трубами диаметром 1020 мм, поэтому предполагалось закупить за границей 500 тыс. т. труб, в том числе в 1959 г. – 90 тыс. т., в 1960 г. – 130 тыс. т., в 1961–1962 гг. – 280 тыс. т., а также в ФРГ оборудование для трубоэлектросварочного цеха. В записке также указывалось, что Министерство внешней торговли СССР согласовало покупку за границей только 150 тыс. т. труб диаметром 1020 мм и возражало против закупки трубоэлектросварочного оборудования[232]. Мы не располагаем свидетельствами каким был исход разногласий с Министерством внешней торговли СССР, но 9 декабря 1958 г. председатель Госплана СССР И.И. Кузьмин направил в ЦК КПСС записку, в которой говорилось только об импорте в 1959–1960 гг. 200 тыс. т. труб большого диаметра[233].

Какова была стоимость импортируемых труб? Согласно данным специалистов Госэкономсовета СССР (1961 г.) стоимость 1 т. труб диаметром 1020 мм на мировом рынке составляла около 150 долл. и по данным Государственной экспертной комиссии Госплана СССР (1966 г.) стоимость 1 т. труб диаметром 1220 мм составляла 200 долл., в 1967 г. руководители западногерманских концернов были готовы продать трубы диаметром 1220 мм «несколько ниже существующих международных цен» или по 150 долл. за 1 т. [234] Таким образом для приобретения 500 тыс. т. труб диаметром 1020 мм, широко приме-

[232] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 57. Д. 13. Л. 391.

[233] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 123. Л. 79, 81; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 254. Л. 16.

[234] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 823. Л. 339–341; Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1254. Л. 208; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 77. Л. 46, 47.

нявшиеся при строительстве трубопроводов в первой половине 1960-х гг., требовалось 75 млн. долл. США, а в пересчете на золото – 16,8 т. этого драгметалла. Это были крупные суммы, учитывая, что по данным Госплана СССР, с 1956 г. платежный баланс страны сводился с крупным дефицитом, который покрывался продажей золота. В 1956–1961 г. СССР продал более 1150 т золота. За счет продажи золота было оплачено 1/4 импорта машин, оборудования и товаров из капиталистических стран[235].

Существовали ли среди плановиков и экспертов альтернативные решения проблемы дефицита труб? 20 июня 1959 г. директор Украинского научно–исследовательского трубного института Днепропетровского совнархоза Я.Е. Осада направил записку секретарю ЦК КПСС А.Б. Аристову и председателю Госплана СССР А.Н. Косыгину, в которой подверг критике сложившуюся техническую политику производства электросварных газопроводных труб[236]. В записке указывалось, что дефицит труб в 1960 г. составит 290 тыс. т., в 1961–1962 гг. – 200 тыс. т. Это превышало первоначальные расчеты Госплана СССР в 500 тыс. т. В институте критиковали импорт труб из-за границы как, практику решения этой проблемы, как и в целом техническую политику Газпрома СССР, «заключавшуюся в систематическом увеличении диаметра газопроводных труб для повышения пропускной способности магистральных трубопроводов при сохранении неизменной величины рабочего давления». В институте предлагали использовать трубы диаметром 820 мм, увеличив рабочее давление за счет применения более мощных компрессорных установок. Таким образом, можно было бы задействовать свободные мощности металлургических заводов (около 200 тыс. т. в год), а при строительстве газопроводов использовать парк имеющихся машин и механизмов, сэкономив капитальные вложения. Также в институте считали, что более целесообразно импортировать не трубы диаметром 1020 мм, а стальной лист для их производства, хотя и признавали, что в СССР отсутствовали станы для прокатки листа такой толщины.

---

[235] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 823. Л. 10.
[236] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 434. Л. 134–138.

Мнения экспертов были, по всей видимости, приняты во внимание, так как 20 ноября 1959 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 1287 «О развитии трубной промышленности в 1959–1965 гг.». Оно предусматривало создание мощностей по производству 500 тыс. т. труб диаметром 1020 мм в год. Однако импорт труб оставался доминирующей стратегией. Причем импорт труб осуществлялся за счет экспорта нефти. Так в материалах Госэкономсовета СССР и Госплана СССР, направленных в марте 1961 г. в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, указывалось, что в 1960 г. значительно вырос экспорт нефти с 12,8 млн т до 17,8 млн т и одновременно увеличился импорт стальных труб[237].

Иными словами, эти изменения в торговом балансе СССР, стоит связывать с подписанными в 1960 г. контрактами с Италией и Швецией на поставку труб. Так, 12 октября 1960 г., СССР подписал пятилетнее клиринговое соглашение с государственной итальянской нефтегазовой компанией «ЭНИ» на поставку 12,5 млн т нефти в обмен на 240 тыс. т труб диаметром 1020 мм и оборудования для строительства магистральных трубопроводов и химических предприятий[238].

Но это не решало проблему их дефицита. В 1961 г. в Госплане СССР оценивали дефицит труб диаметром 1020 мм в 1962–1963 гг. в объеме 282 тыс. т.[239] 12 апреля 1961 г. начальник Газпрома СССР А.К. Кортунов направил записку председателю Госплана СССР В.Н. Новикову, в которой доложил о «создавшемся исключительно тяжелом положении с обеспечением газовой промышленности и строительства нефтепровода "Дружба" трубами диаметром 1020 мм»[240]. По оценке А.К. Кортунова, для строительства четырех магистральных трубопроводов было необходимо дополнительно импортировать в 1962 г. 390 тыс. т. и в 1963 г. 90 тыс. т. таких труб, стоимость которых составляла 72 млн долл. США. В записке министр ссылался на информацию Министерства внешней торговли СССР, что «в настоящее

---

[237] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 515. Л. 7.

[238] *Липкин М.А.* Советский Союз и интеграционные процессы... С. 393.

[239] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 823. Л. 338.

[240] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 63. Д. 431. Л. 316–318.

время имеются благоприятные условия для закупки труб в кредит в ФРГ»[241].

По всей видимости эта записка стала одним из оснований последующего решения о возможности заключения в 1962 г. соглашения с ФРГ о поставке труб для нефтепровода «Дружба». 3 декабря 1961 г. на заседании Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждался доклад Госплана СССР по народнохозяйственному плану и бюджету на 1962 г., было выдвинуто предложение «купить трубы у немцев, но на определенных условиях. Подойти коммерчески»[242]. Как известно, в 1962–1963 гг. под давлением США руководство Североатлантического альянса обязало своих членов (прежде всего Италию и ФРГ) принять решение об эмбарго на поставки социалистическим странам труб диаметром 1020 мм[243]. Хотя в результате эмбарго стран НАТО только отодвинуло на три квартала сроки ввода в действие нефтепровода «Дружба» с конца 1963 г. на третий квартал 1964 г.[244]

Тем не менее актуальным является вопрос, насколько обоснованы были эти объемы импорта труб большого диаметра? Архивы показывают, что в течение апреля 1961 – октября 1963 гг. вопрос дефицита труб детально рассматривался в Секретариате ЦК КПСС, Комиссии Совета Министров СССР по текущим делам, Госплане СССР.[245] Одна из причин дефицита труб большого диаметра заключалась в отставании строительства предприятий трубной промышленности.[246] Но изучение архивов показывает что, главная причина была связана с не капи-

[241] «Было бы весьма желательно закупить уже в этом году до 100 тыс. тонн труб, что позволило бы серьезно развернуть строительство нефтепровода «Дружба» и газопровода Бухара–Урал. Дальнейшая затяжка в решении этого вопроса может привести к очень тяжелым последствиям, особенно по обеспечению газом Урала». – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 63. Д. 431. Л. 318.

[242] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 546.

[243] *Липкин М.А.* Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х – первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. 2015. № 4. С. 84.

[244] См.: РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 27. Л. 14.

[245] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 64. Д. 521. Л. 35; Д. 523. Л. 174–177.

[246] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 63. Д. 432. Л. 299, 300;.Оп. 64. Д. 522 Л. 189, 190.

тальным строительством, а с планированием потребности советской экономики в трубах большого диаметра и лоббированием Газпромом СССР решений об импорте труб для форсированного строительства газопроводов[247].

В записке директора украинского научно-исследовательского трубного института Совета народного хозяйства Украинской ССР Я.Е. Осада, направленной 8 марта 1962 г. председателю Госплана СССР В.Н. Новикову, отмечалось что перспективные планы развития трубной промышленности составлялись без учета потребности экономики в стальных и чугунных трубах. В ней говорилось, что «если ранее просчеты, связанные с игнорированием спроса, не сказывались в явной форме, т.к. при остром дефиците в стальных трубах, ввод любых новых мощностей был впору, то по мере нарастания потенциала трубной промышленности такая неудовлетворительная практика будет наносить все больший и больший вред». В качестве примера в записке приводилась реконструкция трубоэлектросварочного цеха Челябинского трубного завода в 1958–1959 гг., произведенная без учета потребности газовой промышленности в трубах диаметром 1020 мм. Она потребовала значительных капитальных затрат, но оказалась неэффективной поскольку мощности реконструированного цеха использовались на 55–60%, а трубы диаметром 1020 мм СССР продолжал закупать за рубежом[248].

---

[247] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 63. Д. 432. Л. 213.

[248] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 96. Д. 33. Л. 9–12. Интересным моментом в записке также является факт, что в 1959–1961 гг. институт дважды обращался в Госплан СССР и Госэкономсовет СССР, а также в Институт планирования и нормативов при Госплане СССР, «металлургические» совнархозы с инициативой организовать изучение потребности в трубах в масштабах народного хозяйства, но безуспешно. Но это обращение к председателю Госплана СССР, по всей видимости, было более успешней, так как в 1962 г. Я.Е. Осада был назначен начальником Управления труб и метизов Государственного комитета по черной и цветной металлургии при Госплане СССР, а 20 апреля 1962 г. Комиссия Президиума Совета Министров СССР по текущим делам поручила Госэкономсовету СССР, Госплану СССР и Госкомитету по черной и цветной металлургии определить потребность экономики в дефицитном металлопрокате на 5–8 лет. – см.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 64. Д. 523.

Может ли это означать, что импорт труб большого диаметра осуществлялся без учета реальных потребностей экономики и финансовых возможностях СССР? Вероятнее всего, поскольку потребность определялась по запросам Газпрома СССР, а последний, как видно из документов, стремился форсировать строительство трубопроводов за счет импортных труб большого диаметра, не ждать поставок таких труб с отечественных заводов[249]. Также обращает на себя внимание, что в 1961 г. в документах фигурировали три разные версии нугиных объемов труб 1020 мм для строительства трубопроводов: в апреле 1961 г. Главгаз – 2 млн т., в том числе дефицит 484 тыс. т; в июле 1961 г. отдел черной металлургии Госэкономсовета СССР – 2,727 млн т, в том числе дефицит – 282 тыс. т; в августе 1961 г. Государственная экспертная комиссия Госэкономсовета СССР – 2,574 млн т, в том числе дефицит – 194 тыс. т. Эти цифры говорят не только о межведомственных и внутриведомственных разногласиях, но и отражают реальные стратегии министров, плановиков и экспертов. Министры, как правило, стремились «урвать» как можно больше ресурсов, плановики старались сдерживать ведомственные амбиции, а эксперты пытались дать точную оценку потребности в трубах. Поэтому реальный дефицит вероятно следует оценивать между 200 тыс. т. и 250 тыс. т. труб.

Архивы подтверждают, что «кляуза» Я.Е. Осада, что Госплан СССР и Госэкономсовет СССР составляли перспективные планы развития трубной промышленности без учета потребности экономики в трубах, отражала реалии практики планирования СССР. Возможно такая ситуация сложилась вследствие несогласованности действий или даже конфликта между отделами черной металлургии в Госплане СССР и Госэкономсовете СССР, которые не смогли договориться толком о размере потребности экономики в трубах[250]. В материалах Госэкономсове-

---

Л. 174; *Кондратов Л.А.* Развитие трубного производства. М., 2015. С. 200, 201.

[249] РГАНИ. Ф. 52.·Оп. 1. Д. 338. Л. 27; Д. 361. Л. 40; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 63. Д. 431. Л. 316; Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 733.

[250] См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 590. Л 234, 235; Д. 596. Л. 127, 128.

та СССР, подготовленных в декабре 1960 г. – январе 1961 г. для корректировки контрольных цифр семилетнего плана по черной металлургии основной акцент был сделан на производство черных металлов. В них острый дефицит проката, труб и метизов, но при этом отсутствовал анализ потребности советской экономики в трубах конкретного сортамента[251]. Такая ситуация создавала благоприятные условия для ведомственного эгоизма при размещении заказов на импорт труб.

В июне 1961 г. в отделе черной металлургии Госплана СССР осознали, что «несоответствие объемов производства отдельных видов проката, труб и метизов потребности народного хозяйства явилось следствием того, что при планировании строительства и производства на семилетие и при проектировании строительства и реконструкции отдельных заводов черной металлургии не была выявлена потребность народного хозяйства в сортаменте продукции черной металлургии».[252]

В июле – августе 1961 г. отдел экономики и развития черной металлургии Госэкономсовета СССР и Государственная экспертная комиссия организовали экспертизу расчетов потребности народного хозяйства в стальных трубах диаметром 1020 мм на 1962–1965 гг. По всей видимости, эта экспертиза была реакцией на напряженное положение с обеспечением труб диаметром 1020 мм и отсутствием ясности со сроками ввода в действие трубопрокатных цехов на Новомосковском и Челябинском трубных заводах. Однако это была локальная деятельность, охватывающая отдельный сегмент трубной промышленности. Плановики и эксперты признавали, что производство труб диаметром 1020 мм на отечественных заводах может быть начато не ранее 1962 г., хотя и это не решало проблему дефицита и в 1962 г. пришлось бы импортировать трубы. Плановики и эксперты значительно разошлись в оценках дефицита: отдел экономики и развития черной металлургии называл 282 тыс. т., а Государственная экспертная комиссия – 194 тыс. т.[253] Но при этом между плановиками и экспертами был достигнут консен-

---

[251] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 830. Л. 1; Д. 831. Л. 38, 39; Д. 1158. Л. 279.
[252] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 63. Д. 432. Л. 213.
[253] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 823. Л. 338; Д. 970. Л. 5.

сус по проблеме дефицита. В отличие от позиции Газпрома СССР, ориентировавшегося на импорт труб, в Госэкономсовете СССР после обсуждения этого вопроса с проектными институтами было решено, что экономически целесообразнее импортировать не трубы, а станы для увеличения производства труб. В Государственной экспертной комиссии пришли к аналогичному мнению, считая целесообразным «покрытие дефицита в 194 тыс. т труб диаметром 1020 мм в 1963–1964 гг. за счет приобретения 5 трубоэлектросварочных станов спиральной сварки общей мощностью 250 тыс. т».

По данным плановиков и экспертов, стоимость 5 станов мощностью производства 50 тыс. т. в год (каждый с максимальным диаметром труб 2000 мм с подготовительным и отделочным оборудованием) составляла 5 млн долл. США. Стоимость труб, закупаемых в ФРГ, равная мощности станов, составляла 37 млн долл. США (вариант Госэкономсовета СССР) или 29 млн долл. США (вариант Государственной экспертной комиссии).[254] Плановики также предлагали поручить Министерству внешней торговли СССР провести переговоры в Румынии и Чехословакии о возможности изготовления труб диаметром 1020 мм[255], что позволяло сэкономить валютные резервы.

Можно считать, что в данной ситуации плановики–металлурги стремились принять рациональное решение, чтобы удовлетворить текущие потребности в трубах большого диаметра и завершить строительство трубопроводов в установленные сроки, ускорить развитие этого метода производства труб в СССР, создать возможность организации производства труб в

[254] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 823. Л. 339, 341; Д. 970. Л. 6. По расчетам отдела экономики черной металлургии Госэкономсовета СССР, – «Если обеспечить получение по импорту в течение 9–12 месяцев стандартных станов с оборудованием для отделки и контроля качества труб, то в этот же срок возможно выполнение необходимой технической документации и производство предварительных строительных работ. Начало производства труб может быть намечено через 12–15 месяцев после подписания контракта о закупке станов. Таким образом, производство труб может начаться в конце 1962 г. – первой половине 1963 г.».

[255] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 823. Л. 342; Д. 970. Л. 6.

районах их потребления и сэкономить валютные резервы СССР. Однако в 1962–1963 гг. СССР не удалось закупить в ФРГ ни труб большого диаметра, ни трубопрокатных станов.

В историографии вынужденный отказ западногерманских концернов исполнять контракты на поставку 130 тыс. т. труб и прокатных станов в СССР оценивается преимущественно с точки зрения политических последствий для советско-германских отношений в 1960-е гг. характерна точка зрения, что «эта попытка задержать экономическое развитие страны закончилась провалом»[256]. Однако в этой истории более важны экономические последствия: несмотря на ввод в действие трубопрокатного цеха на Челябинском трубном заводе в марте 1963 г. и производство труб диаметром 1020 мм, проблема дефицита не была решена. Например, в 1963–1964 гг. руководители нефтяной и газовой промышленности жаловались как лично Н.С. Хрущеву, так и в Госплан СССР на неудовлетворительное качество труб, их недостаточное количество и срыв заводских поставок[257].

В материалах, подготовленных к совещанию по развитию черной металлургии 8 октября 1963 г. у секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева с участием заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС и председателей ВСНХ СССР, Госплана СССР, СНХ СССР, Госстроя СССР, указывалось, что для покрытия дефицита в черных металлах в плане 1963 года предусмотрен импорт 829 тыс. т. стальных труб; в плане 1964 г. было намечено снижение импорта стальных труб до 458 тыс. т, (что впрочем являлось значительной величиной), однако отмечалось, что снижение импорта создаст большие трудности для народного хозяйства[258]. В материалах не уточняется структура импорта

---

[256] *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Указ. соч. С. 666; *Буньков С.Е.* Это мой путь. Яков Осадчий: документальная повесть. Челябинск, 2016. С. 106–123; *Никитин Д.И.* «Труба тебе, Аденауэр!»: история досрочного пуска трубопрокатного стана «1020» в г. Челябинске // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 1. С. 46–48.

[257] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 44; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 98. Д. 639. Л. 165; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 805. Л. 86.

[258] РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 331. Л. 118, 122.

труб по сортаментам, но, вполне вероятно, что весь этот объем мог включать трубы большого диаметра, так как кроме нефтегазовой промышленности они использовались в химической промышленности, водном хозяйстве, строительстве. Таким образом, стоимость импорта этих труб достигала от 150 до 190 млн долл. США. Если же исходить, что в структуре импорта были различные сорта труб, то в 1961 г. по расчетам Государственной экспертной комиссии Госэкономсовета СССР в 1963–1965 гг., дефицит труб 1020 мм для нефтегазовой промышленности составлял 1,032 млн т (1963 г. – 408 тыс. т; 1964 г. – 217 тыс. т; 1965 г. – 407 тыс. т)[259]. В августе 1964 г. Газпром СССР, уже после выделения ему фондов (с учетом импорта), оценил дефицит труб большого диаметра в 222 тыс. т., а Госкомитет нефтедобывающей промышленности СССР в 150–180 тыс. т.[260]

Возможно, в связи с возросшими рисками неисполнения контрактов и с учетом строительства новых трубопроводов (второй очереди газопровода Бухара–Урал, газопровода Игрим-Серов, нефтепровода Усть-Балык–Омск), под «нажимом» Газпрома СССР объем импорта увеличился. Поэтому план импорта на 1963–1964 гг. мог составлять не менее 700 тыс. т. труб большого диаметра, стоимостью 105 млн долл. США. Таким образом, в СССР «трубный кризис 1962–1963 гг.» не снизил, а наоборот, увеличил импорт труб большого диаметра.

---

[259] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 970. Л. 36.

[260] В письме заместителя председателя Газпрома СССР М. Сидоренко от 10 августа 1964 год председателю ВСНХ СССР Д.Ф. Устинову отмечалось, что «Потребность Газпрома СССР в трубах сварных большого диаметра, с учетом фактического остатка на 1 января 1964 года, признана в количестве 1252 тыс. тонн. По фондам на 1964 год Газпрому СССР выделено труб сварных большого диаметра 1065 тыс. тонн. Таким образом, Комитету недодано фондов на трубы сварные большого диаметра в количестве 187 тыс. тонн. Фактически труб сварных большого диаметра недостает значительно больше, т.к. во II квартале по указанию СНХ СССР с фондов Комитета снято для строительства химической промышленности труб сварных большого диаметра еще 35 тыс. тонн». – ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 98. Д. 639. Л. 165, 166; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 805. Л. 86, 87.

Более детальное изучение архивов вероятно позволит уточнить детали, но мы уже можем утверждать, что в 1963–1964 гг. стратегия создания современного производства стальных труб провалилась. Зависимость СССР от импорта труб большого диаметра только усилилась. А поскольку СССР получал трубы в обмен на нефтегазовые ресурсы, то в условиях, когда в первой половине 1960–х гг. нефтегазовый комплекс преодолевал важный психологический рубеж в добыче нефти (1963 г. – 200 млн т.) и природного газа (1964 г. – 100 млрд м.^{3}), развивалось освоение новых нефтегазовых провинций в Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии и проектировались протяженные трубопроводные системы, то «советско-западногерманский трубный кризис» 1962 г. можно рассматривать как событие, сформировавшее политику «нефтегазовые ресурсы за трубы» в развитии нефтегазового комплекса СССР в 1960-е – 1970-е гг., которая стала одним из механизмов возникновения экономики «ресурсного проклятия» в СССР.

«Советско-западногерманский трубный кризис» конца 1962 – начала 1963 гг. г. и рост импорта труб большого диаметра в мае – октябре 1963 гг. стали источниками напряженности в отношениях между председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущевым и руководителями нефтегазовой отрасли. 21 мая 1963 г. на совещании руководителей промышленности по вопросам составления плана на 1964–1965 гг., комментируя предложения председателя Госкомитета по химии Н.С. Байбакова по развитию химической промышленности, Хрущев отметил что «мы вас не будем подгонять. Если не будет возможностей, например, не будет средств или оборудования, придется растянуть», оставив без ответа просьбу Байбакова, купить для решения проблемы попутного газа сверх плана трубы для нефтепроводов[261]. В течение мая–августа 1963 г. Хрущев подвергал критике руководство нефтегазовой промышленности за практику форсированного строительства газопроводов, потребления и использования попутного и природного газа, переработку и экс-

[261] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 338. Л. 43, 44.

порт нефти[262]. Кульминацией конфликта выступила записка Хрущева, направленная 15 октября 1963 г. в Президиум ЦК КПСС об экспорте и импорте товаров[263]. В записке содержится критика практики Газпрома СССР «нажимать» на Госплан СССР и Министерство внешней торговли СССР с целью покупки большого количества труб за рубежом для форсированного строительства трубопроводов[264].

С учетом наших данных о стоимости труб, дефиците труб конкретных сортов в советской экономике, следует прокомментировать приведенные в записке цифры. В записке указывалось, что Япония планировала экспортировать в СССР на 300 млн долл. США труб большого диаметра для строительства советских трубопроводов в обмен на поставки 10 млн т. нефти в год. Даже если речь шла только о предварительной информации, то можно предположить, что планировалось экспортировать 2 млн т труб диаметром 1020 мм (по 150 долл. США за 1 тонну). Но по всей видимости, Министерство внешней торговли СССР «вело какие-нибудь зондирующие переговоры» не только об импорте труб диаметром 1020 мм, а и о трубах диаметром 1220 мм и возможно 1420 мм. По расчетам Газпрома СССР, советская потребность в трубах диаметром 1220 мм в 1966–1970 гг. со-

---

[262] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 233. Л. 30–33; Д. 338. Л. 27, 44, 95. Изучение протоколов заседаний Президиума ЦК КПСС также указывает, что в 1963 г. вопросы производства труб обсуждались на заседаниях, в частности, 12 июня при обсуждении советско-западногерманских отношений и 4 сентября – советско-югославских отношений. – Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1. М., 2015. С. 749, 751.

[263] Интересно, что записка была направлена неделю спустя после совещания по развитию черной металлургии у секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, однако, была ли связь между итогами совещания и этой запиской нам неизвестно.

[264] РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 361. Л. 40, 41. Эта записка уже анализировалась в ряде исследований, поэтому мы интерпретируем ее с учетом новых архивных документов. – *Липкин М.А.* Между ФРГ и Японией… С. 84; *Некрасов В.Л.* Нефтехимический проект Н.С. Хрущева…; *Nekrasov V.L.* Decision-Making in the Soviet Energy Sector in post-Stalinist Times: The Failure of Khrushchev's Economic Modernization Strategy // Cold War Energy. A Transnational History of Soviet Oil and Gas / L., 2017.

ставляла 2,7 млн т, что фактически равнялось объему возможного соглашения с Японией, а производство таких труб в СССР должно было начаться только в 1968 г. Изучение планов Газпрома СССР показывает, что трубы 1220–1420 мм были необходимы для строительства в 1965–1970 гг. газопроводных систем «Туркменская ССР – Центр» и «Тюменская область – Центр – Запад»[265]. Как совершено справедливо отмечает профессор М.А. Липкин, «по сути, речь шла о возможности заключения контракта, подобного более поздней сделке «газ–трубы» с ФРГ»[266]. Но можно предположить, что после разрыва соглашений с ФРГ, Газпром СССР лоббировал именно такую сделку уже в 1963–1964 гг. с Японией, чтобы форсировать строительство газопроводов во второй половине 1960-х гг. Ведь необязательно, что трубы предназначалась только для нефтепроводов, как указано в записке Н.С. Хрущева. Объемы импорта в 1,5 – 2 млн т труб большого диаметра указывают, что это соглашение также могло претендовать на статус «контракт века». Вмешательство Хрущева нарушило первоначальные планы Газпрома СССР, который вернулся к этому вопросу в 1967–1969 гг., когда изменились внутриполитические (отставка Хрущева) и международные условия (улучшение отношений между СССР и ФРГ).

В октябре 1963 г. Хрущев потребовал от Совета Министров СССР, ВСНХ СССР и Госплана СССР сократить импорт труб, считая «неразумно увлекаться импортом простых труб для нефтепроводов и газопроводов». Он считал, что трубы необходимо производить самим и «ничего не случилось бы, если бы мы отодвинули сроки окончания строительства газо- и нефтепроводов»[267]. Архивы показывают, что в 1964 г. Госплан СССР планировал значительно сократить импорт труб большого диаметра в 1965–1970 гг., одновременно увеличив их экспорт[268]. Однако решение Госплана СССР вызвало негативную реакцию

---

[265] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 98. Д. 640. Л. 74, 80, 81; РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 830. Л. 1; Ф. 4372. Оп. 66. Д. 1254. Л. 212-221; Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 276; ГАСПИ ТО Ф. 124. Оп. 179. Д. 8. Л. 158.

[266] *Липкин М.А.* Между ФРГ и Японией... С. 84

[267] Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени... Т. 2. С. 733, 734.

[268] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 823. Л. 9.

со стороны руководителей нефтегазовой промышленности. 9 августа 1964 г. председатель Госкомитета нефтедобывающей промышленности СССР Н.К. Байбаков направил председателю ВСНХ СССР Д.Ф. Устинову записку, в которой отмечал, что в условиях дефицита труб большого диаметра «необъяснимым является тот факт, что в проекте плана на 1966–1970 гг. Госпланом СССР намечается резко снизить импорт труб. Если в 1962 г. импорт труб нефтяного сортамента и сварных большого диаметра составил 510 тыс. тонн, в 1964 году – 371 тыс. тонн (по плану), то в 1970 году он составит всего лишь 100 тыс. тонн». Н.К. Байбаков считал возможным закупить трубы в странах–членах СЭВ (Чехословакия, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния) и предлагал «срочно провести с указанными странами переговоры об организации дополнительного производства труб и поставки их в СССР»[269].

Записка показывает ряд важных моментов в механизме принятия экономических решений советскими плановиками. Во–первых, фактически в конце 1963–1964 гг. руководство советской экономикой оказалось в ловушке, вследствие просчетов Госплана СССР в оценке потребности экономики в трубах большого диаметра и провалов металлургов организовать современное производство таких труб в необходимом количестве. Во–вторых, эта записка еще раз подтверждает, что руководители нефтегазовой промышленности коллективно выступали лоббистами импорта труб, «нажимая» на Госплан СССР и Министерство внешней торговли СССР. В–третьих, хотя в 1961–1962 гг. отделы черной металлургии Госплана СССР и Госэкономсовета СССР активно лоббировали увеличение капитальных вло-

[269] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 805. Л. 87, 88. На записке есть пометка В. важно. Копия записки была направлена председателям СНХ СССР, Госплана СССР, Госкомитета по цветной и черной металлургии СССР, министру внешней торговли и представителю СССР в СЭВ. Первому заместителю председателя ВСНХ СССР было поручено срочно подготовить этот вопрос. Это были те же министры, которым в октябре 1963 г. Н.С. Хрущев поручал решить вопрос с импортом труб. Фактически в конце 1963–1964 гг. руководство советской экономикой ходило по кругу в поиске решения проблемы дефицита стальных труб.

жений в черную металлургию (в 1959–1965 гг. было импортировано 25 прокатных станов)[270], металлурги соперничали с плановиками–химиками[271], но оказались неспособны организовать производство труб большого диаметра.

Изучение архивов показывает, что отставка в октябре 1964 г. Хрущева не повлекла сразу отмену неформальных ограничений на импорт труб, и до середины 1965 г. в Госплане СССР придерживались консервативной позиции по импорту труб большого диаметра[272]. Ситуация изменилась только в сентябре 1965 г., когда вместо П.Ф. Ломако новым председателем Госплана СССР стал Н.К. Байбаков, сторонник активного импорта труб и оборудования для нефтегазовой промышленности[273].

---

[270] РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 828. Л. 108, 109; Д. 1157. Л. 9–11; Ф. 4372. Оп. 64. Д. 521. Л. 149; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 371. Л. 26.

[271] *Некрасов В.Л.* Нефтехимический проект Н.С. Хрущева...

[272] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 1089. Л. 50.

[273] См.: *Байбаков Н.К.* Указ. соч. С. 222, 223.

Заключение

Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев считал, что Советский Союз должен и может выиграть экономическую гонку с ведущими капиталистическими странами, достичь глобального превосходства и в результате победить в Холодной войне. Экономическое соперничество, стремление «догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения», стали квинтэссенцией политического лидерства и повестки экономических реформ Хрущева. Советский лидер был сильно увлечен поиском институциональных и технологических решений для экономической гонки с Соединенными Штатами Америки. Однако такая политика скорее ослабляла проект социалистической глобализации, так как предполагала приоритет мобилизационных механизмов развития и централизации ресурсов Это приводило к постоянному напряжению советской экономики и экономик стран СЭВ.

В результате Хрущев не смог разрешить «дилемму реформатора»: как преодолеть бремя сталинского наследия и не разрушить веру советского общества в блестящее будущее коммунизма, как реформировать командную экономику, убедить бюрократию действовать оптимальным путем, но не разрушить главных основ системы – директивного планирования, господства государственной собственности и партийного руководства экономикой. Так в рассматриваемый период постоянно возникал конфликт между мобилизационной и эволюционной моделями развития советской экономики, централизацией и децентрализацией управления, гуманизацией и репрессиями.

История экономического реформизма (1955–1964 гг.) Н.С. Хрущева является хорошей иллюстрацией того, как публичный политик, реформатор пытается найти эффективную стратегию модернизации экономики и общества. В современной экономической теории такая стратегия получила название *эмуляция,* как позитивное и активное усилие сравниться или превзойти кого–либо в каком–либо достижении или качестве. Советский лидер стремился эмулировать современные ему технологии производства химических материалов ведущих капитали-

стических стран и реформировать практики планирования советской экономики. На фоне низкой эффективности институтов экономической власти, как «старых» – Госплана СССР, так и «новых» – Гостехники СССР, «безграмотного» планирования и «рвачества» в распределение капитальных вложений во второй половине 1956 – первой половине 1957 гг., с точки зрения Хрущева, инициатива ученых АН СССР, их совместная работа с плановиками по разработке программных документов развития прогрессивной отрасли воплощало практику прогрессивного научного планирования советской экономики. Для Хрущева стало очевидно, что реализация такой стратегии невозможна без ограничения отраслевых групп влияния, модернизации институтов экономической власти и рационализации механизмов распределения капитальных вложений. В результате на рубеже 1961–1962 гг. нефтехимический проект постепенно эволюционировал из чисто технологического проекта в политико-экономический проект, в рамках которого реформатор стремился найти новые институты и практики, позволявшие модернизировать советскую экономику.

Особенно актуальным в истории экономического реформизма является проблема групп влияния и коллективных действий в советской экономике в послесталинский период. Архивные документы и мемуарные свидетельства прямо указывают на существование конфликта между группами влияния, связанных с «традиционными» и «новыми» отраслями советской промышленности. История экономического реформизма показывает, что директивные решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР обладали реальной силой только если были поддержаны той или иной влиятельной группой советской бюрократии. Очевидно, Хрущев не сразу нашел способ ограничения влияния бюрократических групп, что стало причиной кризиса нефтехимического проекта и Госэкономсовета. Лишь в конце 1962 – начале 1963 гг. советский лидер начал конструировать институты, которые по его замыслу, могли обеспечить более успешную реализацию нефтехимического проекта. Но одновременное создание этих институтов либо ограничивало власть советского лидера (ВСНХ СССР), либо становилось сильным раздражителем для высшей бюрократии (А.Н. Косыгина, Д.Ф. Устинов, П.Ф. Ломако). По-

следняя не могла допустить существование «несистемных» институтов, таких как Совет по науке и в итоге реформизм Хрущева становился фактором ослабления его власти в стране.

Безусловно, нефтехимический проект Н.С. Хрущева сыграл важную роль в активизации разработки советским руководством нового внешнеэкономического инструментария. Необходимость осуществления импорта значительного количества высокотехнологического оборудования для создания прогрессивной отрасли советской промышленности потребовала критического анализа собственных экономических возможностей, определения приоритетов и правил ведения импортных и экспортных операций и в итоге рационализации всей внешнеэкономической деятельности СССР.

Научное издание

Некрасов Вячеслав Лазаревич

«ДИЛЕММА ХРУЩЕВА»: РЕФОРМЫ ГОСПЛАНА СССР, НЕФТЕХИМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ВЫЗОВЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950–х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1960–х гг.)
Серия «Мировая система социализма» и глобальная экономика

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Подписано в печать 16.12.2019
Формат 60x84/16
Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем – 10,8 п.л. Усл. печ. л. Тираж – 500 экз. (1 завод – 150 экз.)
Зак. № 170

Москва
ИВИ РАН Ленинский пр. 32А

ISBN 978-5-94067-507-5

9 785940 675075

В. Л. НЕКРАСОВ «ДИЛЕММА ХРУЩЕВА»

ИВИ
РАН